

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

На правах рукописи

Ососкова Анна Сергеевна

**ДИМИНУТИВНЫЕ И АУГМЕНТАТИВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ
ЛИЦА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Бессонова Ольга Леонидовна

Донецк – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «ДИМИНУТИВНОСТЬ – АУГМЕНТАТИВНОСТЬ» НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА.....	20
1.1 Различные аспекты изучения категории количества.....	20
1.1.1 Философский аспект категории количества.....	21
1.1.2 Проблема количества в лингвистике.....	25
1.2 Диминутивность и аугментативность как бинарные компоненты категории количества.....	30
1.2.1 История развития ключевых терминов исследования.....	31
1.2.2 Определение категориального статуса диминутивности и аугментативности.....	32
1.2.3 Подходы к пониманию диминутивной семантики.....	36
1.2.4 Представленность диминутивов и аугментативов в языках	39
1.3 Связь диминутивности и аугментативности с другими семантическими категориями.....	40
1.3.1 Оценка.....	40
1.3.2 Эмотивность и экспрессивность.....	46
1.3.3 Образность.....	50
1.3.4 Интенсивность и градуальность.....	52
1.4 Лингвокультурологический аспект исследования диминутивных и аугментативных наименований лица.....	55
1.5 Критерии отбора языкового материала и методика его описания.....	57
1.5.1 Критерии отбора английских диминутивных и аугментативных наименований лица из словарей.....	57

1.5.2 Методы и приемы описания эмпирического материала.....	60
Выводы к главе 1.....	64
ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	
ДИМИНУТИВНЫХ И АУГМЕНТАТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ	
ЛИЦА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	69
2.1 Семантика диминутивных наименований лица.....	69
2.1.1 Наименования лица по роду занятий.....	70
2.1.2 Наименования лица по поведению.....	86
2.1.3 Наименования лица по возрасту.....	92
2.1.4 Наименования лица по этнорасовой принадлежности.....	95
2.1.5 Наименования лица по умственным способностям.....	99
2.1.6 Наименования лица по внешности.....	100
2.1.7 Наименования лица по межличностным отношениям.....	102
2.1.8 Наименования лица по родству.....	103
2.1.9 Наименования лица по состоянию здоровья.....	105
2.1.10 Наименования лица по убеждениям.....	106
2.1.11 Наименования лица по месту жительства.....	108
2.1.12 Наименования лица по положению в социальной группе	109
2.1.13 Наименования лица по характеру.....	110
2.1.14 Наименования лица по семейному статусу.....	112
2.1.15 Наименования лица по материальному положению.....	112
2.1.16 Наименования лица по образу жизни.....	113
2.1.17 Наименования лица по неизвестному статусу.....	113
2.1.18 Наименования лица по другим признакам.....	113
2.2 Семантика аугментативных наименований лица.....	113
2.2.1 Наименования лица по роду занятий.....	114
2.2.2 Наименования лица по родству.....	116
2.2.3 Наименования лица по положению в социальной группе...	116
2.2.4 Наименования лица по поведению.....	117

2.2.5	Наименования лица по внешности.....	118
2.2.6	Наименования лица по убеждениям.....	119
2.2.7	Наименования лица по способностям.....	120
2.2.8	Наименования лица по межличностным отношениям.....	120
2.2.9	Наименования лица по характеру.....	120
2.2.10	Наименования лица по другим признакам.....	121
Выводы к главе 2.....		121
ГЛАВА 3. СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ДИМИНУТИВНЫХ И АУГМЕНТАТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....		126
3.1	Синтетические диминутивы.....	126
3.1.1	Суффиксальные диминутивы.....	126
3.1.2	Аббревиатурные диминутивы.....	133
3.1.3	Префиксальные диминутивы.....	135
3.1.4	Редупликативные диминутивы.....	135
3.1.5	Композитно-суффиксальные диминутивы.....	136
3.2	Аналитические диминутивы.....	137
3.2.1	Устойчивые диминутивные словосочетания.....	138
3.2.2	Свободные диминутивные словосочетания.....	140
3.3	Лексические диминутивы.....	141
3.4	Синтетические аугментативы.....	141
3.4.1	Префиксальные аугментативы.....	142
3.4.2	Суффиксальные аугментативы.....	144
3.5	Аналитические аугментативы.....	145
3.5.1	Свободные аугментативные словосочетания.....	145
3.5.2	Устойчивые аугментативные словосочетания.....	146
3.6	Лексические аугментативы.....	147
3.7	Диминутивные и аугментативные наименования лица в свете теории естественной морфологии.....	147

3.7.1 Маркированность.....	148
3.7.2 Иконичность.....	152
3.7.3 Морфотактическая прозрачность.....	153
3.7.4 Односложность диминутивов.....	155
Выводы к главе 3.....	156
ГЛАВА 4. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ	
АНГЛИЙСКИХ ДИМИНУТИВНЫХ И АУГМЕНТАТИВНЫХ	
НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА.....	160
4.1 Функциональные особенности английских диминутивных и аугментативных наименований лица.....	160
4.2 Лингвокультурологическая специфика диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке	170
4.2.1 Британская лингвокультура.....	170
4.2.2 Американская лингвокультура.....	175
4.2.3 Австралийская лингвокультура.....	180
Выводы к главе 4.....	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	189
СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	195
СПИСОК СПРАВОЧНЫХ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ	
ИСТОЧНИКОВ.....	233
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА.....	236
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	240
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	246
ПРИЛОЖЕНИЕ В.....	248

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию семантических, структурных, функциональных и лингвокультурологических особенностей диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке. Примерами диминутивов являются *cleverkins* ‘умняшка’, *authorling* ‘писателишка’, *little tacker* ‘ребяенок’, *sugar daddy* ‘папик’, *shoat* ‘букв. поросенок; перен. лентяй’. К примерам аугментативов относятся *superman* ‘супермен’, *archtraitor* ‘коварный предатель’, *big fish* ‘букв. большая рыба; перен. большая шишка (о влиятельном человеке)’, *whale* ‘букв. кит; перен. толстяк’. Выбор в качестве объекта исследования лексических единиц, выражающих бинарную оппозицию по количественному признаку «малое – большое», позволяет установить сходства и отличия механизмов репрезентации количественной оценки в анализируемых языковых единицах.

Актуальность работы обусловлена комплексным подходом к изучению особенностей реализации бинарной оппозиции по количественному признаку «малое – большое» в англоязычной картине мира, что предполагает анализ семантической, морфологической, синтаксической, функциональной и лингвокультурологической составляющих диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке. Применение семантико-когнитивного подхода выступает преимуществом данного исследования, так как дает возможность выявить глубинную связь между процессами познания и интерпретации человеком количественной стороны объективной действительности и их отражением в языке и сознании представителей англоязычного лингвокультурного социума.

Степень разработанности проблемы. Диминутивность и аугментативность трактуются как обобщенные значения малого или большого размера [293], как понятийные [78], грамматические [294], семантико-грамматические [305], семантико-прагматические [162], морфопрагматические

[239; 241] категории, а также как категории оценочной морфологии [248; 250]. Диминутивность и аугментативность выражаются на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. В данной диссертации в фокусе исследования находятся наименования человека, относящиеся к классу имен нарицательных, то есть один из коммуникативно значимых пластов лексики, наиболее насыщенный семантикой количества.

Доминирующая в современной лингвистике антропоцентрическая парадигма предопределяет интерес лингвистов к изучению различных аспектов языковой личности [10; 13; 64; 83; 87; 91; 111; 204; 287], в том числе, к проблемам соотношения языка и мышления в психолингвистической перспективе [55; 109; 110; 183], аксиологического осмысления языковой картины мира [81; 132; 168; 169], гендерного потенциала языка [51; 170; 217].

Языковые средства номинации человека также находятся в фокусе внимания лингвистического сообщества [18; 23].

Начатое в конце XIX – начале XX вв. изучение категории количества в лингвистике не только не утрачивает своей актуальности, но и продолжается благодаря активной деятельности современных ученых-языковедов, которые углубляют свои исследования и выделяют новые аспекты. Лингвисты исследуют когнитивные основания квантитативных изменений [70; 148; 149; 188], квантитативные категории в философии языка [157], языковую репрезентацию категории количества [5; 28; 62; 98; 99; 115; 155; 171; 203], шкалу размера в языке [106; 192; 193], взаимосвязь количества и качества [2; 31; 77; 104], экспликацию оценочных смыслов отклонения от нормы [25; 92; 219], семантическую категорию аппроксимации [262], семантическое и прагматическое содержание количественной оценки [20; 48], градуально-количественную семантику [94; 112; 124; 187; 231; 246], семантическую маркированность качественных прилагательных [221].

Анализ теоретической литературы по проблеме исследования показал, что диминутивность и аугментативность как бинарные компоненты категории количества подробно изучаются с первой половины XIX века.

Диминутивы и аугментативы изучаются с точки зрения оценочной [227; 239; 240; 248; 250; 276; 277], просодической [236; 253; 274; 291], распределенной [228; 230; 235; 252; 265], естественной [233; 261; 288; 290] морфологии, теории парадигматических функций [281; 282]. Диминутивность и аугментативность также становились объектом исследований в области морфопрагматики [239; 241; 242], прагматики [71; 162; 214; 259; 269; 285; 286], онтолингвистики [38; 45; 159; 239; 240; 249; 255; 276]. В ряде современных научных работ одновременно рассматриваются диминутивы и аугментативы как маркеры речевого развития ребенка [6], а также как способы реализации уменьшительной и увеличительной семантики [224; 292], как словообразовательные средства выражения оценочности и эмотивности [69], в частности, в медийном [42], художественном [56; 129], Интернет-дискурсе [166]. Разработанный концептуальный аппарат семантических и словообразовательных типологических исследований разных частей речи, например, отыменных глаголов [79] также может быть использован при анализе в том числе диминутивов и аугментативов.

Диминутивность и аугментативность взаимосвязаны с такими смежными категориями как оценка [12; 13; 23; 24; 40; 41; 75; 82; 180], эмотивность [8; 39; 90; 127; 154; 196; 197; 209; 237; 300], экспрессивность [49; 52; 182], интенсивность [19; 191; 215; 216], образность [27; 152; 220].

На современном этапе развития лингвистики диминутивность и аугментативность, представляющие собой бинарную оппозицию по количественному признаку «малое – большое», исследуются неравномерно. Деятельностная направленность лингвистических исследований фокусирует внимание преимущественно на диминутивах.

Диминутивность изучается как на материале одного языка, так и разных языков. Исследования проводились в системе германских (английский [32; 71; 278], немецкий [34; 151; 214], голландский [249], идиш [253]), романских (итальянский [269], испанский [236; 274], ительменский [63]), славянских (русский [159; 163; 198]), семитских (беджа [284]), индоиранских (бангла [224])

языков. В сопоставительном аспекте данная проблема разработана на материале германских языков (английский, немецкий, голландский, фризский, плотдич и идиш) [114; 162], славянских языков (болгарский, русский, македонский, чешский, словацкий, словенский, сербский, хорватский) [56; 178; 267], германских и славянских языков [78; 113; 128; 167], тюркских и славянских языков [35], а также германских, романских, славянских и балтийских языков (немецкий, английский, итальянский, литовский, русский) [239]. Диминутивность рассматривается как универсальная лингвистическая категория [226; 254; 271; 283]. Особой актуальностью отличаются исследования диминутивов в территориальных вариантах отдельных языков: английского языка (австралийский, новозеландский, южноафриканский варианты [207]) или арабского языка (иорданский [270] и полуостровной [279] варианты), также в креольских языках на англоязычной основе [66].

При изучении диминутивов особое внимание уделяется семантическим и структурным особенностям [151; 207; 266; 279], морфонологической специфике [238; 270], коммуникативной практике [239; 243; 264], способам когнитивной обработки в условиях билингвизма [35; 257], передачи диминутивов при переводе [67], также диминутивы изучаются с применением корпусно-ориентированного подхода [38; 223].

Изучение аугментативов представлено фрагментарно, обычно в комбинации с диминутивами, в частности, в английском [33; 160; 278], немецком [208], афразийском языке беджа [284]. Аугментативы изучаются с позиции их словообразовательной специфики [16; 103; 256; 273] и когнитивно-дискурсивного анализа [1]. Аугментативность становилась объектом исследования в разных языках, например, немецком [256], языке тундровых юкагиров [103], английском и бенгальском языках [273]. Настоящее диссертационное исследование позволяет восполнить в определенной степени недостающие знания в изучении данной области лингвистики и комплексно рассмотреть аугментативы с точки зрения их семантики, структуры, функционирования и лингвокультурных особенностей на

материале наименований лица английского языка, в том числе, в контексте бинарной оппозиции с соответствующими диминутивными единицами.

Связь работы с научными темами. Диссертация отвечает профилю исследований, которые проводятся на факультете иностранных языков федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет» в рамках государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (№ госрегистрации 124012400351-9).

Объектом исследования являются диминутивные и аугментативные наименования лица в английском языке, а **предметом** – их семантические, структурные, функциональные и лингвокультурологические особенности.

Целью исследования является установление и описание семантических, структурных, функциональных и лингвокультурологических особенностей английских диминутивных и аугментативных наименований лица.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

– определить теоретические основы исследования бинарной оппозиции по количественному признаку «диминутивность – аугментативность»;

– рассмотреть основные подходы к изучению диминутивности и аугментативности, сформулировать критерии отбора диминутивов и аугментативов из лексикографических источников, сформировать корпус языкового материала и разработать комплексную методику его описания;

– осуществить семантическую классификацию диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке, описать их особенности;

– описать способы образования диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке и объяснить структурную специфику исследуемых единиц в рамках теории естественной морфологии;

– определить особенности функционирования диминутивных и аугментативных наименований лица в различных типах дискурса;

– установить и описать лингвокультурологические особенности диминутивных и аугментативных наименований лица в британском, американском и австралийском вариантах английского языка.

Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые проведено комплексное исследование диминутивных и аугментативных наименований лица как репрезентантов бинарной оппозиции по количественному признаку «малое – большое» в англоязычной картине мира, установлены их семантические, структурные, функциональные и лингвокультурологические особенности. Разработана семантическая и структурная классификация диминутивных и аугментативных наименований лица как коммуникативно значимого пласта лексических единиц английского языка; установлены и описаны системные сходства и отличия репрезентации бинарной оппозиции «диминутивность – аугментативность» в английском языке на материале наименований лица; обоснована асимметричность проявления квантитативного значения в сторону разнообразия языковой репрезентации диминутивности и лакуарности при передаче аугментативного значения; выявлены закономерности выражения сем пола и возраста в семантической структуре диминутивов и аугментативов; определены типы и характер оценки в значении диминутивных и аугментативных наименований лица, их стилистическая маркированность; установлены словообразовательные особенности диминутивных и аугментативных обозначений человека и впервые интерпретированы с помощью инструментария теории естественной морфологии; определены выполняемые ими функции в разных типах дискурса; выделен и описан набор образов, которые актуализируются диминутивными и аугментативными наименованиями лица и реализуются в системе культурных кодов английского лингвосоциума.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании радиальной схемы аугментативности, что способствует расширению представлений о развитии денотативных и коннотативных значений аугментативных наименований лица из центрального значения большого размера

и является вкладом в когнитивную семантику. Выявление и систематизация общих и отличительных черт актуализации бинарной оппозиции «диминутивность – аугментативность» в английском языке с последующим установлением зеркально-противоположных компонентов диминутивного и аугментативного значения расширяют методологическую базу лексической семантики. Описаны модели морфологического маркирования диминутивных и аугментативных наименований лица, а также модели формирования усеченных диминутивов, репрезентирующие актуальные для английского языка способы словообразования, что способствует дальнейшему развитию оценочной морфологии. Систематизация функциональных особенностей английских диминутивов и аугментативов вносит вклад в теорию дискурса и функциональных стилей, а уточненная лингвокультурологическая специфика актуальна для лингвистической аксиологии, гендерной лингвистики и лингвокультурологии. Предложенная в работе методика анализа английских диминутивных и аугментативных наименований лица может быть применена при исследовании по широкому спектру параметров единиц с уменьшительной и увеличительной семантикой, выраженных различными частями речи: семантика, структура, функционирование, лингвокультурная специфика.

Практическая ценность диссертационного исследования заключается во внедрении его результатов в учебный процесс кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «ДонГУ» по дисциплине «Английский язык: лексикология» для студентов 3 курса ОП Бакалавриата направлений подготовки 45.03.01 Филология, 45.03.02 Лингвистика. Материалы исследования могут быть использованы в курсах лексикологии, стилистики, введения в теорию межкультурной коммуникации, в спецкурсах по лингвоаксиологии, лингвокультурологии, гендерной лингвистике, дискурсивному анализу, а также при написании учебных пособий, в научно-исследовательской работе бакалавров, магистров и аспирантов.

Материал исследования составили 2443 наименования лица в английском языке, из них 2130 диминутивов и 313 аугментативов, отобранных методом

сплошной выборки из современных толковых словарей английского языка [297; 302; 303; 304; 309; 310; 311; 312; 313; 316; 317; 318; 319; 320; 321].

Анализ функциональных особенностей осуществлялся на материале англоязычных текстов, относящихся к художественному, публицистическому и Интернет-дискурсу. В число источников текстовой части выборки входят романы авторов Л. М. Олкотт, Дж. Барри, Ш. Бронте, Р. Даля, Ч. Диккенса, Дж. Голсуорси, А. Голдена, М. Митчелл, Л. М. Монтгомери, Э. Несбит, Дж. К. Роулинг, М. Спарк, рассказы К. Норрис, мемуары Э. Гилберт и Дж. Белфорта, а также комментарии пользователей YouTube-каналов британских и американских СМИ и телепередач [322; 323; 324; 325; 326; 327; 328; 329; 330; 331; 332; 333; 334; 335; 336; 337; 338; 339; 340; 341; 342; 343; 344; 345; 346; 347; 348; 349; 350; 351; 352; 353; 354]. Анализу было подвергнуто 500 текстовых примеров (300 примеров содержат диминутивы, 200 примеров включают аугментативы).

Работа выполнена в русле семантико-когнитивного подхода [14; 30; 100; 156], позволяющего изучить семантику лексем с уменьшительным и увеличительным значением как языковых средств репрезентации такой абстрактной категории мышления как количество.

Для решения поставленных задач в работе используются следующие **методы и приемы** лингвистического анализа: *метод компонентного анализа* для изучения семантических особенностей диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке; *метод оппозиций* для установления степени семантической и морфологической маркированности; *словообразовательный анализ*, который позволяет изучить особенности структуры анализируемых лексических единиц; *положения теории естественной морфологии*, применяемые для установления степени естественности (маркированности), иконичности, морфотактической прозрачности диминутивов и аугментативов; *метод контекстуального анализа*, направленный на изучение специфики функционирования диминутивных и аугментативных наименований лица в англоязычном контексте;

лингвокультурологический анализ для описания национально-культурной специфики диминутивов и аугментативов как отражения английской языковой картины мира; *сопоставительный анализ* для выявления общих и отличительных черт семантической, структурной, функциональной и лингвокультурологической специфики диминутивов и аугментативов; *метод количественного анализа* для выявления количественных характеристик семантики и структуры исследуемого лексического пласта.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Являясь частным проявлением более общей категории количества, а именно той ее стороны, которая характеризует величину объектов, диминутивность и аугментативность представляют собой категории оценочной морфологии и семантико-прагматические категории, которые имеют радиальную структуру, где от центрального значения малого или большого размера развиваются периферийные. Всего выявлено 6 пар значений, находящихся в зеркальных отношениях: *маленький размер – большой размер, детскость / молодость – взрослость, потомок – предок, женский пол – мужской пол, второстепенность – первостепенность, маловажность – важность.*

2. Системные отношения диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке носят асимметричный характер, который проявляется в количественном преобладании диминутивов (2130 единиц, 87%) над аугментативами (313 единицы, 13%). Диминутивные и аугментативные наименования лица формируют три типа градуальных оппозиций в системе размерно-количественных отношений: 1) диминутив – нейтральная лексема – аугментатив; 2) диминутив – нейтральная лексема – диминутив; 3) нейтральная лексема – диминутив / аугментатив.

3. Семантическая классификация диминутивов насчитывает 18 групп, а аугментативов – 10 групп, что свидетельствует о семантической асимметрии наименований лица с уменьшительной и увеличительной семантикой. Общими для английских диминутивных и аугментативных наименований лица являются

следующие семантические признаки: *род занятий, родство, положение в социальной группе, поведение, внешность, убеждения, межличностные отношения, характер, другие признаки*. Специфическими семантическими признаками диминутивов являются: *возраст, этнорасовая принадлежность, умственные способности, состояние здоровья, место жительства, семейный статус, материальное положение, образ жизни, неизвестный статус*, а аугментативов – *способности*.

4. С позиций естественной морфологии диминутивы и аугментативы являются маркированными единицами. Превалирование диминутивных наименований лица в английском языке объясняется их меньшей маркированностью, то есть семантически и морфологически менее осложненной структурой. Менее маркированные единицы характеризуются большей эволюционной предпочтительностью в связи с когнитивными механизмами восприятия размера: большая величина – это более сложное и неестественное состояние, чем малая величина. Диминутивы считаются более естественными и более частотными в языке, аугментативы являются менее естественными и менее частотными.

5. Структурная асимметрия диминутивных и аугментативных наименований лица заключается в преобладании синтетических диминутивов и аугментативов (82,5% и 75% соответственно), что свидетельствует о продуктивности морфологической парадигмы английского языка, которому свойственна тенденция к аналитизму. Синтетические диминутивы образованы более разнообразными способами (суффиксация, префиксация, аббревиация, редупликация, сложение в сочетании с суффиксацией) по сравнению с аугментативами, которые образуются только посредством суффиксации и префиксации. Аналитические диминутивы и аугментативы представлены свободными и устойчивыми словосочетаниями. Лексические диминутивы и аугментативы являются производными существительными, уменьшительность и увеличительность в значении которых мотивированы внутренней формой слова.

6. В английском языке морфотактическая прозрачность аффиксальных аугментативных обозначений человека стабильно высокая, в то время как степень транспарентности аффиксальных диминутивов варьируется: высокая – когда морфемное членение не затруднено, ниже – когда морфемный шов затемнен (чередование фонем, наложение морфем, интерфиксация, усечение, фузия), самая низкая – в случае супплетивизма.

7. Усеченные диминутивные наименования лица являются продуктивным структурным типом и образуются разнообразными способами сокращения слова с учетом слоговой и морфологической структуры с целью преодоления морфонологических ограничений в пользу прагматического эффекта. Усеченные диминутивы характерны, прежде всего, для американского и австралийского вариантов английского языка.

8. Диминутивные и аугментативные наименования лица относятся к языковым средствам разговорного стиля. В англоязычном художественном, публицистическом и Интернет-дискурсе размерно-оценочное значение в основном передается словосочетаниями с уменьшительными прилагательными *small, little, tiny* и увеличительными дескрипторами *big, huge, massive, tremendous*, лексемами с суффиксом *-ie*, фразеологизмами и сленговыми номинациями. При выражении размерного значения диминутивы именуют маленького ребенка, пожилого человека и миниатюрного взрослого, а аугментативы – взрослого человека крупного телосложения. Субъективно-оценочное значение диминутивов и аугментативов может быть основано на ряде параметров: поведение, характер, внешность, интеллект, социальный статус и т. д. В контексте диминутивы и аугментативы способны выражать мелиоративное или пейоративное значение в зависимости от отношения адресанта к объекту номинации: диминутивы – ласка, умиление, жалость / пренебрежение, аугментативы – уважение и восхищение / презрение.

9. Английские диминутивные и аугментативные наименования лица выражают представления о национальном характере и менталитете носителей

британской, американской и австралийской лингвокультур: в британском английском редко используют диминутивы в ласкательно-эмпативной функции; в американском варианте английского языка изобилуют жаргонные, непристойные и грубо-циничные диминутивы, а семантика аугментативов передает их особое отношение к власти и успешности; в австралийском английском диминутивы служат снижению уровня формальности при общении. Диминутивные и аугментативные наименования лица репрезентируют стереотипные представления о фемининности и маскулинности в англоязычном социуме: женщина – внешне привлекательная, сексуально доступная, глупая, слабая, бесхарактерная; мужчина – сильный, влиятельный, успешный.

Достоверность результатов диссертационной работы обеспечивается фундаментальностью методологической базы, избранным комплексным подходом к изучению и описанию семантических, структурных, функциональных и лингвокультурологических особенностей диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке, объемом корпуса эмпирического материала, полученного из авторитетных источников. Полнота, точность и объективность результатов и выводов достигаются посредством применения комплекса лингвистических методов и методик.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в докладах на следующих конференциях, семинарах и круглых столах: Международная научная конференция «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецк, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024), XXXIV Международная научная конференция «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике: тюркские, русский и английские языки» в рамках XXXIV Международной Зимней научной онлайн-школы «Тюркизмы в русском и английском языках» (Санкт-Петербург, 2020), VI Международная онлайн школа-семинар им. И. В. Арнольд «Язык. Текст. Коммуникация: проблемы и решения» (Санкт-Петербург, 2020), Круглый стол, посвященный 110-летию юбилею

доктора филологических наук, профессора И. И. Чернышевой (Москва, 2021), Международный лингвистический семинар «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк, 2021, 2022, 2023, 2024), научный семинар «Dissecting morphological theory 2: Diminutivization in root, stem and word-based morphology» в рамках 46-ой Австрийской лингвистической конференции (Вена, 2021), XIII Международная конференция «Основные направления лингвистической мысли в 21 веке (лингвистика, методика, перевод)» (Рязань, 2022), VII Международная онлайн школа-семинар имени И. В. Арнольд «Не распадется связь времен: новизна и преемственность в научных исследованиях» (Санкт-Петербург, 2022), XX Международные Березинские чтения «Языковое бытие человека и этноса» (Москва, 2023), XXXXIII Международная научная конференция «Лингвокультурология и прикладные аспекты современной лингвистики в XXI веке» в рамках XXXXIII Осенней Международной научной школы «Основы мирознания в когнитивном аспекте» (Иркутск, 2023), Международная междисциплинарная научная конференция «Лингвистика первой четверти 21 века: тенденции, итоги и перспективы» (Тверь, 2023), Международная научно-практическая конференция «Коммуникативные аспекты права и национальной безопасности» (Москва, 2023, 2024), XXXXIV международная научная конференция «Тенденции развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в XXI в.» в рамках Международного Фестиваля науки «Новые грани реальности и основы мирознания в когнитивном наследии поколений» (Санкт-Петербург, Витебск, 2024).

Автор диссертационного исследования является лауреатом конкурса ГОУ ВПО «ДОННУ» «Молодой ученый года – 2021» в номинации «Лучший аспирант года» и «Молодой ученый года – 2022» в номинации «Лучший молодой ученый года» по направлению «Социально-гуманитарные науки», конкурса ФГБОУ ВО «ДонГУ» «Молодой ученый года – 2023» в номинации «Лучший аспирант года» по направлению «Гуманитарные науки», а также победителем

конкурса ФГБОУ ВО «ДонГУ» «Молодой ученый года – 24» в номинации «Лучший молодой ученый года» по направлению «Гуманитарные науки».

Основные положения и результаты исследования изложены в 17 публикациях, в том числе в 6 статьях в рецензируемых научных изданиях ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, 2 статьях ВАК Министерства образования и науки ДНР, 2 статьях РИНЦ, 1 статье в научном издании и 6 тезисах докладов в сборниках материалов международных научных конференций.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав с выводами к каждой из них, заключения, списка научной литературы (292 позиции), списка справочных и лексикографических источников (29 позиций), списка источников материала (33 позиции) и приложений (А–В). Общий объем работы составляет 249 страниц. Основной текст диссертации включает 189 страниц.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «ДИМИНУТИВНОСТЬ – АУГМЕНТАТИВНОСТЬ» НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА

Первая глава посвящена рассмотрению теоретических основ изучения бинарной оппозиции «диминутивность – аугментативность» на материале английских наименований лица. Исследована категория количества как родовое понятие диминутивности и аугментативности в философском и лингвистическом аспектах. Представлены различные подходы к статусу категорий диминутивности и аугментативности, а также интерпретации семантической структуры диминутива. Особое внимание уделяется описанию связи диминутивности и аугментативности с такими семантическими категориями как оценка, эмотивность, экспрессивность, образность, интенсивность, градуальность. Раскрываются особенности применения лингвокультурологического подхода к исследованию диминутивов и аугментативов. Определены критерии отбора эмпирического материала, описана методика его анализа.

1.1 Различные аспекты изучения категории количества

Категоризация человеком окружающей действительности является продуктом восприятия и двигательной активности, с одной стороны, и ментальной образности (метафоры, метонимии), с другой [258]. Категория выступает познавательной формой мышления, которая позволяет человеку обобщать свой опыт и осуществлять его классификацию [296, с. 45].

Категория количества – универсальная и многогранная категория мышления человека, которая является неотъемлемым свойством всех объектов реальности и проявляется во всех сферах жизни и деятельности человека. Количественная сторона бытия может быть познана эмпирически, экспериментально и теоретически. В связи с этим, данная проблема находится в

поле зрения математиков, философов, логиков, лингвистов, психологов. Тем не менее, следует отметить, что категорию количества нельзя назвать чем-то искусственным, привнесенным в науку учеными-теоретиками, поскольку эмпирические знания о количестве приобретаются человеком самостоятельно в процессе его практической деятельности, то есть опытным путем.

1.1.1 Философский аспект категории количества

Как любая философская категория, количество обладает онтологическим, гносеологическим и лингвистическим аспектами. Онтологическим аспектом количества является сущность объективной действительности, гносеологический аспект представляет упорядочение мира человеческим разумом, лингвистический аспект количества есть объективация последних двух языковыми средствами [44].

Количество относится к одной из фундаментальных категорий философии, которая является результатом познания объективной действительности. Примечательно, что количество количественных категорий, их содержание и важность варьируются в зависимости от философского учения. Среди десяти категорий Аристотеля количество и качество занимают вторую и третью позицию после сущности (субстанции) соответственно [11]. У пифагорейцев среди десяти пар противоположных начал четыре являются количественными: предел и бесконечное, нечет и чет, единое и множество, четырехугольное и разностороннее. И. Кант отводит количеству первую позицию и причисляет к нему категории единства, множества и цельности. В свою очередь, Г. Гегель выделяет количественные категории качества, количества и меры, которые вместе образуют категорию бытия [50]. В некоторых категориальных системах количества вообще нет [153; 289]. Другие концепции основаны на положении о недискретности и размытости границ [295].

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению количества в философии, необходимо затронуть проблему генезиса логической системы, поскольку формирование философской категории количества непосредственно связано с трудовой деятельностью человека, в ходе которой развивается мышление и

происходит постепенный переход от первобытных к высшим формам мышления. Описывая отношение между мышлением древних людей, их языком и счислением, французский антрополог Л. Леви-Брюль говорит о том, что они легко могли обходиться без имен числительных, поскольку восприятие реальности индивидом неотделимо от восприятия ее коллективом людей: «... число предметов или существ еще не дифференцировано. Ничто не позволяет выразить его отдельно» [108, с. 121]. На этом этапе числа связаны с реальностью, а не являются чем-то абстрактным. Когда в процессе эволюции первобытные люди начали выделять себя из коллектива и противопоставлять остальными членам общности, они научились отделять количество предметов от их качеств и свойств, противопоставлять единственное и множественное число [126, с. 8]. Таким образом, категория количества отделяется от качества и становится самостоятельной, когда осуществляется переход от чувственно-конкретного к абстрактному мышлению, от примитивного к совершенному и сложному.

Значительное количество работ по философии посвящено изучению различных аспектов категории количества, в частности, Аристотеля, Г. Гегеля, Т. Гоббса, Р. Декарта, И. Канта, К. Маркса, И. С. Тимофеева, С. Г. Шляхтенко [11; 50; 53; 54; 60; 80; 123; 185; 218].

Философские взгляды о количестве обусловлены математическими представлениями. Ведь изначально количественная сторона действительности была предметом исследования именно математики. По этой причине представляется логичным рассматривать категорию количества в ее связи с точными науками.

Как можно заметить, основополагающим понятием математики является число. Различаются три концепции числа: 1) пифагорейская; 2) академическая; 3) платоновская. Согласно первой концепции, «число есть вещь, и вещь есть число»; вторая концепция гласит, что «принципом бытия является математическое число», по логике третьего учения «существуют идеи и

идеальные числа», а арифметические (математические) числа пребывают посредине между умом и чувственностью [118, с. 603].

Аристотель был первым, кто выделил количество как особую категорию и разработал ее классификацию: «Количеством называется то, что может быть разделено на части, каждая из которых, будет ли их две или больше, есть по природе что-то одно и определенное нечто. Всякое количество есть множество, если оно счислимо, и величина, если измеримо. Множеством же называется то, что в возможности делимо на части не непрерывные, величиной – на части непрерывные» [11, с. 164]. Философ вводит понятия континуальности и дискретности, которые становятся ключевыми характеристиками материи. Как следствие, количество связывают с понятиями дискретности / недискретности, определенности / неопределенности, а также с категориями качества, однородности, предметности.

Не будучи сторонником античных идей абсолютизации чисел, французский философ и математик Р. Декарт изучает количественные стороны окружающей действительности, применяя математические формы к реальному миру. В своих работах он отождествляет количество (величину) и протяженность (пространство), понимая под количеством пространственную и временную определенность тел, которая выражается через число, меру, величину [60].

Одни из величайших представителей немецкой классической философии XVIII–XIX вв. И. Кант и Г. Гегель исследовали категорию количества в связи с понятиями величины и числа. К категории количества И. Кант относит категории единства, множества и цельности. Их единство философ объясняет с помощью понятия величины, которое он делит на экстенсивные (непрерывное количество) и интенсивные (степень свойств) величины [176].

На всех этапах развития философии количество определяется как самостоятельная категория, которая делится на три подкатегории: чистое количество, определенное количество и количественное отношение [50]. Впрочем, особое внимание также уделяется и рассмотрению вопроса о связи

между количеством и качеством. Для подтверждения данной мысли Г. Гегель вводит понятие меры. Согласно философу, за качественными изменениями вещей стоят количественные закономерности [50]. Например, в результате количественных изменений тело меняет свое агрегатное состояние и приобретает новое качество: при увеличении температуры лед превращается в воду и приобретает качество текучести (плавление) или становится паром и наделяется качеством летучести (кипение). Следует подчеркнуть, что переход количества в качество возможен только при превышении меры, то есть после того, как в достаточном количестве накопились изменения. Этим Г. Гегель подчеркивает, что категории количества, качества и меры формируют главную триаду бытия. Также, по мнению ученого, изменение качества приводит к изменению самого предмета, в то время как изменение количества необязательно превращает его в другую вещь.

Классическая философия определяет количество как категорию, выражающую количественную определенность предметов, например, размер, численность, объем, массу, скорость, время, порядок, структуру, степень развития свойств [299]. Например, в словосочетании «длинный нож» прилагательное указывает на количество предмета. С помощью вопросов «как много?», «как долго?», «сколько весит?», «сколько это стоит?», «какова длина, ширина, площадь?» можно установить количественную определенность предметов. Чтобы дать ответы на подобные вопросы, необходимо сравнить составляющие элементы предмета с эталоном как единицей измерения. В случае, когда явление не удастся изучить с помощью количественных методов (политические, нравственные явления), прибегают к использованию различных шкал.

В «Философской энциклопедии» количество рассматривается с позиции его диалектической взаимосвязи с качеством: количество – это «качество в его пространственно-временном аспекте, со стороны его бытия в пространстве и времени» [75, с. 552]. Еще одна интерпретация отражает природу научного познания, которое опирается на исследование качества явлений через количественные характеристики их проявления [307].

Таким образом, количество – это одна из основных категорий мышления современного человека, которая отражает свойства самого бытия, ведь все виды и формы материи характеризуются количественной определенностью.

1.1.2 Проблема количества в лингвистике

Лингвистика – это наука, которая имеет междисциплинарные связи с философией, логикой, математикой, антропологией и другими областями научного знания. Поэтому не удивительно, что количество является объектом междисциплинарных исследований.

Вслед за философами проблемой количества в языке занялись лингвисты. Так, еще в начале XX в. И. А. Бодуэн де Куртенэ говорил о том, что философскую категорию количества следует подвергать не только математическому осмыслению, но и рассматривать как лингвальную репрезентацию, в которой объективно существующее количество образует языковую категорию [29]. Аналогичное отношение к категории количества и языковому аспекту ее изучения предлагает Р. Якобсон: «Наш век характеризуется эффективным сближением лингвистической и математической мысли», а языкознание «служит мостом между точными и гуманитарными науками» [222, с. 184].

Исследователю, сталкивающемуся с лингвистической литературой по данной проблеме, бросается в глаза разнообразие терминов, которыми оперируют при обозначении категории количества, среди них – количество, величина, число, количественность, квантитативность. Однако следует разграничивать данные понятия количественного содержания, поскольку каждое из них используется в определенной научной сфере: количество – в философии и логике, величина и число – в математике, количественность и квантитативность – в лингвистике.

В рамках данного исследования нас интересует количество как понятийная категория, которая выражается языковыми средствами и, соответственно, является предметом изучения лингвистики. Так, в данном случае значимыми являются термины «количественность» и «квантитативность». Анализ этимологического значения первого понятия показал, что термин происходит от

церковно-славянского *количество*, от слова *колікий*, которое переводилось как «сколький, который по счету» [306]. Второй термин имеет латинское происхождение и происходит от *quantitatas* ‘количество’ [314].

«Количественность / квантитативность есть идеальный коррелят количества, его концептуальный аналог» [201, с. 158]. В свою очередь, И. П. Савельева разделяет данные лингвистические термины и не рассматривает их в качестве синонимов: «количественность – свойство, на основе которого категории взаимодействуют; квантитативность – логико-семантическая категория, актуализирующая представления о комплексе понятий количественного содержания (количество, число, множество, кратность и т. д.) на основе различных уровней» [165, с. 124].

Как утверждают В. Г. Гак и С. Н. Кузнецов, категория квантитативности принадлежит всем сторонам знаковой системы языка [46, с. 114]. Подтверждением данного тезиса служит ряд работ, в которых изучались вопросы лексико-грамматических средств реализации количества [173], морфологические и словообразовательные аспекты [199], синтаксические и контекстуальные параметры [131], типологические особенности квантитативных единиц [212].

Лингвистическая категория квантитативности изучалась в сравнительно-сопоставительном [126; 130; 133; 195; 212], семасиологическом аспектах [96; 179; 186; 202; 206], в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы [47; 95; 174; 195; 205] и теории функциональной грамматики [4; 105; 176]. Известны случаи исследования лингвистической природы функционально-семантического поля квантитативности [99; 212].

Отдельного внимания заслуживает ее связь с философской категорией количества, которая определяется как «одна из важнейших философских проблем языкознания» [185, с. 168]. Корреляцию данных категорий исследовали В. В. Акуленко, О. Есперсен, В. В. Ильин, И. Ю. Кузина, В. З. Панфилов, И. С. Тимофеев [4; 68; 76; 101; 148; 185].

Мнения о содержании языковой категории количества расходятся. В обзорах лингвистических работ по этой теме прослеживается две тенденции.

Л. Д. Чеснокова и А. Н. Полянский приравнивают количество к **грамматическим категориям** (категория падежа, категория времени, категория залога), которые опираются на дихотомию «план содержания – план выражения». Ученые отмечают двуплановость категории количества, которая обладает и формой, и содержанием [154; 203].

С. Р. Маджидов указывает на существенные различия между ними [119, с. 50] и заявляет, что рассматриваемые языковые категории отличаются в содержательном и выразительном планах. С точки зрения характера содержания количественность обобщает семантические свойства единиц согласно их понятийной отнесенности, а грамматические языковые категории – по их формально-структурным значениям. С точки зрения характера способов выражения количественность выражается с помощью фонетических (*дли-инный*), лексических (*восемь*), морфологических (*книги*), синтаксических (*снова и снова*) средств, в то время как грамматические категории выражают частные грамматические значения посредством определенных грамматических форм.

Подавляющее большинство ученых полагают, что наряду с категориями качества, пространства, времени и др. количество является **семантической категорией**, которая служит единицей плана содержания, свойственна обширным классам слов (*одиннадцать, третий, много, удвоить, больше двух*) и выражает количественную сторону предметов и явлений действительности разнообразными языковыми средствами [301, с. 385].

Количественное познание мира присуще самому мыслительному процессу. «Категория количества пронизывает всю семантическую сферу языка» и наряду с местоимениями, обозначением времен года относится к языковым универсалиям, на которых основывается человеческий язык и культура [36, с. 10]. Дело лишь в том, что средства и способы выражения данного понятия разнообразны и

отличаются, что, в первую очередь, зависит от формальной организации конкретного языка.

В качестве примера приведем «универсальные элементарные смыслы» количественного характера из исследования А. Вежбицкой: 1) кванторы (один, два, несколько / немного, весь / все, много / многие); 2) атрибуты (большой, маленький); 3) время (долго, не долго, некоторое время); 4) пространство (далеко, близко); 5) интенсификатор, усилитель (очень, больше); 6) таксономия, партономия (вид / разновидность, часть) [36].

Заслуживают внимания классификации количественности, предложенные Т. П. Ломтевым, Б. Тошовичем, З. Я. Тураевой и Я. Г. Биренбаум, А. А. Холодовичем [117; 188; 190; 200]. На основе перечисленных классификаций определим ключевые признаки языковой количественности в виде семантических оппозиций: единичность / множественность, определенность / неопределенность, дискретность / континуальность, кардинальность / ординальность, расчлененность / нерасчлененность, суммарность / дистрибутивность, однородность / неоднородность, упорядоченность / неупорядоченность, статичность / динамичность, точность / приблизительность, экстенсивность / интенсивность, внешнее и внутреннее количество, отношения «больше – меньше». Одна из причин, по которой категория количества имеет структуру семантических противопоставлений, заключается в свойстве человеческого мозга воспринимать и осмысливать действительность путем сравнения крайних сторон.

Особенностью категории количества по З. Я. Тураевой и Я. Г. Биренбаум является ее способность подвергать квантитативной оценке не только предметы, но еще процессы и признаки. На материале английского языка ученые выделили «онтологическую триаду», которая включает в себя предметоколичество (выражено существительными), процессоколичество (выражено глаголами) и признакоколичество (выражено прилагательными и наречиями) [190].

Анализ количества начинается с выявления таких величин, которые затем измеряются или сравниваются [148]. В первом случае значение величины

определяется числом, то есть ее отношением к общей единице измерения (длина, масса, температура и т. д.). В идеале данная количественная оценка не зависит от человека и осуществляется посредством единиц, шкал и приборов.

Во втором случае количественные отношения могут основываться на четырех ключевых процедурах: 1) сравнение предметов между собой и их количественная градация; 2) сравнение предметов с собственными размерами и использование их в измерении; 3) измерение подручными средствами; 4) выделение минимума, максимума и нормы [164, с. 109]. В этой связи между свойствами вещей устанавливается отношение «больше», «меньше», «равно». В подобной ситуации на количественную оценку влияет человеческий фактор [101]. Таким образом, оценка количества психологизируется, а само количество не измеряется, а оценивается. Как отмечает Н. К. Рябцева, «не случайно уменьшительные и ласкательные суффиксы совпадают» [164, с. 109].

Предметы зачастую воспринимаются одновременно с их внешними параметрами, поэтому при описании объекта в первую очередь определяются количественные характеристики обозначаемой вещи и уже затем качественные: *небольшая уютная комната, большое красивое красное кресло* [164, с. 108].

Человеку свойственно фокусировать свое внимание на том, что отклоняется от среднего значения параметра для данного класса объектов. Данное наблюдение применительно к качественным прилагательным, которые обозначают различные параметры (размер, высоту, ширину, длину): *большой и маленький, высокий и низкий, широкий и узкий, длинный и короткий и т. д.* Для описания прилагательных данного типа Э. Сепир предложил использовать компонент «норма» [177], например, *высокий* – такой, высота которого больше нормы; *короткий* – такой, длина которого меньше нормы.

Таким образом, слова, обозначающие параметры «минимум – максимум», способны выражать идею интенсивности или максимальности. Они являются психологически значимыми и, соответственно, наиболее эмоционально окрашенными [164, с. 111].

Кроме того, у разных предметов один и тот же качественный признак может иметь разное количественное значение в зависимости от принятой точки отсчета [220; 260], то есть нормы. В теории прототипов Э. Рош сказано, что каждый класс имеет свою норму, поэтому сравнивать предметы необходимо с прототипическими представителями этой же категории [275].

В связи с тем, что категория количества служит средством выражения категории размера, рассмотрим процесс сравнения свойств предметов по размеру. При таком сопоставлении учитывается изменение качества или количества выражаемого признака, степень его отклонения от эталона размера, который может быть относительным (средний размер объектов данного класса) и абсолютным (размер человека). Сравнить величину *маленькой комнаты* и *маленькой страны* на одной размерной шкале нельзя, поскольку они относятся к разным классам объектов и несопоставимы. Называя комнату маленькой, ее сравнивают с другими комнатами; обозначая страну маленькой, ее сравнивают с другими странами [192, с. 479]. Таким образом, малость и огромность не являются абсолютными величинами и полностью зависят от рассматриваемой категории.

Из вышеизложенного следует, что языковая категория количества возникает после осмысления человеком ее онтологического эквивалента. В лингвистике количественность представлена сложной системно-структурной организацией, которая отличается целым спектром количественных значений и отношений внутри категории и представлена на всех языковых уровнях.

1.2 Диминутивность и аугментативность как бинарные компоненты категории количества

В основе диминутивности и аугментативности лежит дихотомический принцип, который позволяет осуществить квантитативную категоризацию предметов, свойств и явлений действительности. Данные лингвистические понятия связаны со сложной универсальной категорией количества и являются ее частным проявлением.

1.2.1 История развития ключевых терминов исследования

1.2.1.1 В современной российской лингвистике существует пара терминологических дублетов «диминутивность» и «уменьшительность». Понятие «диминутивность» стало по праву считаться международным лингвистическим термином относительно недавно. Прежде слово было более характерно для западной лингвистической традиции. Этимологический анализ показал, что термин происходит от латинского *deminuere* ‘раздробить’, ‘уменьшить’, ‘ослабить’ и пришел через древнефранцузское *diminutif* ‘обозначающий что-то маленькое’ [314]. Происхождение слова объясняет причину использования в научных трудах графических вариантов «диминутивность» и «деминутивность».

Также некоторые специалисты употребляют термины «диминутив» и «гипокористическое имя» как синонимы. Последнее из них происходит от древнегреческого *hypokoristikón* ‘уменьшительное имя’ [314]. Примечательно, что в современном греческом языке так называют диминутивы, однако в отечественной лингвистической традиции гипокористическим именем принято обозначать уменьшительные формы, образованные только от имен собственных и терминов родства. Некоторые лингвисты полагают, что диминутивы могут употребляться в качестве гипокористических производных, то есть как ласковое обращение или прозвище, например, немецкое *Mäuschen* ‘мышка’ [251].

Русскоязычная традиция описания форм со значением малости претерпевала различные изменения. Так, в XVIII веке языковеды стали использовать термин «умалительный» как следствие калькирования латинского *deminutus* ‘уменьшенный’ [116]. При этом умалительные имена разделяются на ласкательные и презирательные. Однако, вскоре термин «уменьшительный» вытеснил данную единицу речи, поскольку представляет собой более точную кальку от корня *мень-*, родственного латинскому *min-*. Сейчас в русском языкознании принято использовать варианты «уменьшительный» и «уменьшительно-ласкательный» в отношении соответствующих словоформ и суффиксов. Интересно, что во второй половине XX века В. В. Виноградов ввел

термин «суффиксы субъективной оценки», который трактуется как синоним к «уменьшительно-ласкательные суффиксы». Однако, термин «ласкательный» продемонстрировал большую устойчивость, в следствие чего новое понятие, указывающее на субъективное отношение, не прижилось, как и термины, обозначающие негативную эмоциональную окраску: презрительный, уничижительный, пренебрежительный [37].

В. И. Максимов на материале русского языка относит такие средства выражения категории диминутивности как уменьшительные суффиксы к смягчающе-экспрессивным. Вместе с огрубляюще-экспрессивными суффиксами они вступают в эквиолентную оппозицию, то есть одна категория взаимоисключает другую. Либо в слове присутствует только одна категория суффиксов, и тогда оно считается маркированным, либо в нем не присутствует ни одна из категорий, и слово считается немаркированным [121].

1.2.1.2 В современном российском языкознании отмечена пара терминологических дублетов «аугментативность» и «увеличительность». В настоящее время данные термины употребляются как синонимичная пара, хотя ранее «аугментативность» считалась понятием западной лингвистической традиции. Этимологический словарь сообщает, что термин «аугментативность» происходит от латинского *augmentare* ‘увеличивать’, ‘усиливать’ и пришел через древнефранцузское *augmentatif* ‘обозначающий что-то большое’ [314].

Термин «амплификативность» считается синонимом понятий «аугментативность» и «увеличительность», но характеризуется более низкой частотностью употребления. Термин происходит от латинского *amplificare* ‘увеличивать’, ‘распространять’ [314].

1.2.2 Определение категориального статуса диминутивности и аугментативности

1.2.2.1 Изучение категории диминутивности требует определения самого понятия «диминутивность». Рассмотрим трактовки одного из центральных терминов исследования.

В широком понимании, опираясь на определение О. С. Ахмановой, мы можем обозначить диминутивность как **обобщенное значение малого размера**, которое обычно выражается уменьшительными аффиксами и сопровождается эмоциональными окрасками как, например, ласкательность, уничижительность [293, с. 485]. Предложенная формулировка, на наш взгляд, является целесообразной, однако не охватывает всего понятия, поскольку не учитывает неоднородность семантического поля диминутивности. В частности, в дефиниции не отражены случаи, когда по своей форме слово является диминутивом, однако не выражает размерность и выполняет сугубо эмотивно-оценивающую функцию, как в слове *маслице* или не имеет ничего общего ни с размерностью, ни с эмоциональной окраской, например, *индейка*.

С. Ш. Исакова относит диминутивность к разряду **понятийных категорий**, так как она одновременно ориентирована на логико-психологические категории и семантические категории языка и выражается морфологическими, лексико-семантическими и фразеологическими средствами [78, с. 8].

Диминутивность интерпретируется Т. Ф. Ефремовой как **грамматическая категория**, которая выражает уменьшительную величину предмета или степень качества [294]. Все же вопрос о грамматическом статусе диминутивов остается спорным, поскольку бытует мнение, что реализация грамматического аспекта диминутивности не является универсалией и определяется языком [128, с. 27].

Диминутивные аффиксы – это явление на стыке морфологии и словообразования. Они имеют промежуточный статус и не относятся ни к формообразовательным средствам, ни к словообразовательным [226]. Уменьшительные аффиксы как формообразовательные средства не меняют частеречную принадлежность и в то же время как словообразовательные средства меняют лексическое значение производящей основы, т. к. имеют дополнительное значение (уменьшительность, ласка, пренебрежительность и др.) Значение диминутивных аффиксов не фиксировано и варьируется в зависимости от семантики основы и контекста. Во многих контекстах диминутив может быть

заменен симплексом без ущерба для общего смысла высказывания, процесс диминутивизации принято называть не формообразованием, словообразованием или деривацией, а модификацией [245; 263].

Также требует уточнения тот факт, что уменьшительную форму возможно образовать далеко не во всех случаях, в частности, этому процессу может помешать морфонологическое устройство основы (чередование фонем, интерфиксация, усечение основы, затрудненная акцентуация, наложение морфоф) как в *дворечик* < *дворец*, а также семантическая несовместимость производящей основы и морфологического (*oceanet* ‘океанчик’ < *ocean* ‘океан’) или синтаксического показателя (*small skyscraper* ‘маленький небоскреб’).

Дефиниция, приведенная в лингвистическом словаре Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, отражает многоаспектность изучаемого явления. Авторы отмечают, что уменьшительность как **семантико-грамматическая категория** передает субъективную оценку говорящим объекта номинации и вносит в предметное значение слова эмоционально-экспрессивные оттенки сочувствия, ласкательности, уменьшительности, уничижительности, иронии и т. д. [305].

В своей работе Л. Ю. Резниченко определяет диминутивность как **семантико-прагматическую категорию**, которая обозначает объективно-логическую малость, пересекается с категориями оценки, эмотивности, экспрессивности и выражается различными средствами языка соответственно коммуникативным намерениям говорящих [161].

В. Дресслер и Л. Мерлини Барбареззи называют диминутивность **морфопрагматической категорией** и различают денотативное значение малости, коннотативное значение «приятный, маленький» и морфопрагматическое значение «незначительный, несерьезный, неважный» [241, pp. 144–145]. Морфопрагматический признак мотивирован фиктивной оценкой, когда говорящий вербально сигнализирует, что переносит свое утверждение из реальной сферы в фиктивную. Говоря несерьезно о серьезных и реальных вещах, он тем самым снижает иллокутивную силу речевого акта и ожидает от слушателя

более слабой и менее негативной реакции. Так, диминутив является средством реализации фатической стратегии по смягчению речи.

Н. Гранди относит диминутивность к **категории оценочной морфологии**, поскольку диминутивные аффиксы употребляются не только для выражения количественной оценки, то есть объективно малого размера, но и качественной оценки, то есть субъективного отношения к адресату [248; 250].

1.2.2.2 Аугментативность редко становится объектом лингвистических исследований, а теоретические основы ее изучения довольно фрагментарны, что можно связать с низкой распространенностью аугментативов в языках мира.

В частности, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой аугментативность трактуется как **обобщенное значение большого размера**, сопровождающееся эмоциональными оттенками изумления, восхищения, неодобрения и выражаемое увеличительными аффиксами [293]. Представители западноевропейской научной школы заключают, что аугментативные аффиксы способны выражать не только большую величину [315], но и «побочное», к примеру, неуклюжесть, безобразность [308], чудовищность объекта рассматриваемой категории, который отличается слишком большими размерами и, как следствие, считается отклонением от общепринятой нормы [247]. В целом, увеличительные суффиксы причисляют к огрубляюще-экспрессивным средствам.

Известно, что аугментативность понимается Э. Розенталем и М. А. Теленковой как **семантико-грамматическая категория**, которая служит для выражения значения увеличительности и субъективно-эмоциональной оценки говорящего с помощью разнообразных аффиксов [305]. Т. Ф. Ефремова также говорит о двуплановой семантике аугментативных аффиксов, которые не только выражают большую величину предмета или большую степень качества, но и передают различные коннотации [294].

Представляется возможным рассматривать аугментативность как **семантико-прагматическую категорию**. В качестве аргумента приведем слова А. А. Потебни, который в своей работе говорит о случаях, когда экспрессия,

связанная с суффиксами субъективной оценки имени вещи, распространяется «на ее качества, качества ее действий и другие вещи, находящиеся с нею в связи», иными словами, на все детали высказывания [158].

Вслед за К. Шнайдером считаем, что большая часть того, что было сказано о диминутивности, также справедливо и в отношении аугментативности [278]. Анализ литературы по проблеме исследования показал, что языковые категории диминутивности и аугментативности одновременно схожи и различны. Данное противоречие объясняется, прежде всего, их диалектической природой. С одной стороны, диминутивность и аугментативность противоположны друг другу, так как первая выражает значение малости размера и слабой интенсивности действия, состояния или признака, в то время как вторая передает значение большого размера и сильной интенсивности.

Следовательно, можно утверждать, что дискуссия вокруг категориального статуса диминутивности и аугментативности продолжается.

1.2.3 Подходы к пониманию диминутивной семантики

В современной лингвистике нет единого мнения относительно структуры диминутивного значения. Анализ традиционных исследовательских работ позволяет выделить три основных подхода к пониманию семантики диминутивности.

1.2.3.1 Приверженцы первого направления отмечают, что в основе трактовки диминутивности лежит представление о ее **двуплановой семантике**, которая сообщает о малости предмета и эмотивности [9]. Подобная мысль развита Л. Бауэр и Дж. Лич, по мнению которых часто диминутивы, помимо указания на размер, имеют эмоциональное значение, которое выражает одобрение и симпатию или неодобрение и пейоративность [226, р. 539; 259, р. 23]. В рамках данного подхода следует упомянуть и мнение А. А. Потемни, который подчеркивает необходимость разграничивать денотативное и коннотативное значение диминутивов, различая объективную малость и ласкательность, уничижительность и т. д. [158]. К. Шнайдер схематично истолковывает суть данного подхода на примере синтетических и аналитических диминутивов в

английском языке: *nice (sweet) + small X = little X* [278, p. 12]. В основе данной интерпретации лежит предпочтительное использование прилагательного *little*, поскольку в отличие от *small* вышеупомянутый дескриптор может выражать как количественное значение, так и эмоциональное отношение.

1.2.3.2 В рамках второго направления, представителями которого являются В. Дресслер и Л. Мерлини Барбареззи, диминутивы **сочетают три аспекта значения**: денотативный (*morphosemantic denotation*), коннотативный (*morphosemantic connotation*) и прагматический (*morphopragmatics*), которому отводится главенствующая роль [241]. Малость выступает инвариантным компонентом значения слов данной категории, в то время как прагматическое употребление диминутива опционально.

1.2.3.3 В рамках третьего направления диминутивами называют только такие формы, которые выражают либо объективную уменьшительность, либо субъективное отношение. Несмотря на то, что сторонники данного подхода единогласно опровергают способность диминутивов одновременно выражать несколько признаков, их мнения расходятся в ряде вопросов.

1.2.3.3.1 Дж. Байби полагает, что уменьшительные формы выражают **только значение малости** [232, p. 10]. Данная теория далека от прототипического понимания диминутивной семантики, поскольку прототипический диминутив сочетает в себе денотативное и коннотативное значение, выражая небольшой размер и положительное или отрицательное отношение.

1.2.3.3.2 Б. Странг, напротив, утверждает, что настоящие диминутивы не выражают оценку размера, а передают **исключительно субъективное отношение** к маленькому объекту [280, p. 138]. Тем не менее, исследователь допускает историческую связь между малостью и личным отношением, объясняя ее тем, что ребенок усваивает диминутивы на ранних этапах овладения родным языком в ходе тесного эмоционального контакта с родителями, которые активно их используют при обращении к детям, что и породило понятие «язык нянь». В противовес этой позиции Н. Хомский называет знание языка врожденной

способностью, которая не зависит от характера речи взрослых [234]. Таким образом, оценивая взгляды Б. Странг, можно отметить, что его теория более близка к прототипическому пониманию, чем позиция Дж. Байби.

Д. Джурафски отказывается признавать, что эмоциональная реакция мотивирована только небольшим размером референта. Здесь важно говорить о двойственной природе понятия малость, которая предопределяет структуру семантического значения диминутивов, состоящей из взаимосвязанных ядерных и периферийных компонентов. От центральных значений диминутивности «маленький размер» и «молодость» ответвляются новые семантические диминутивные зоны [254, р. 542] (см. схему 1.1).

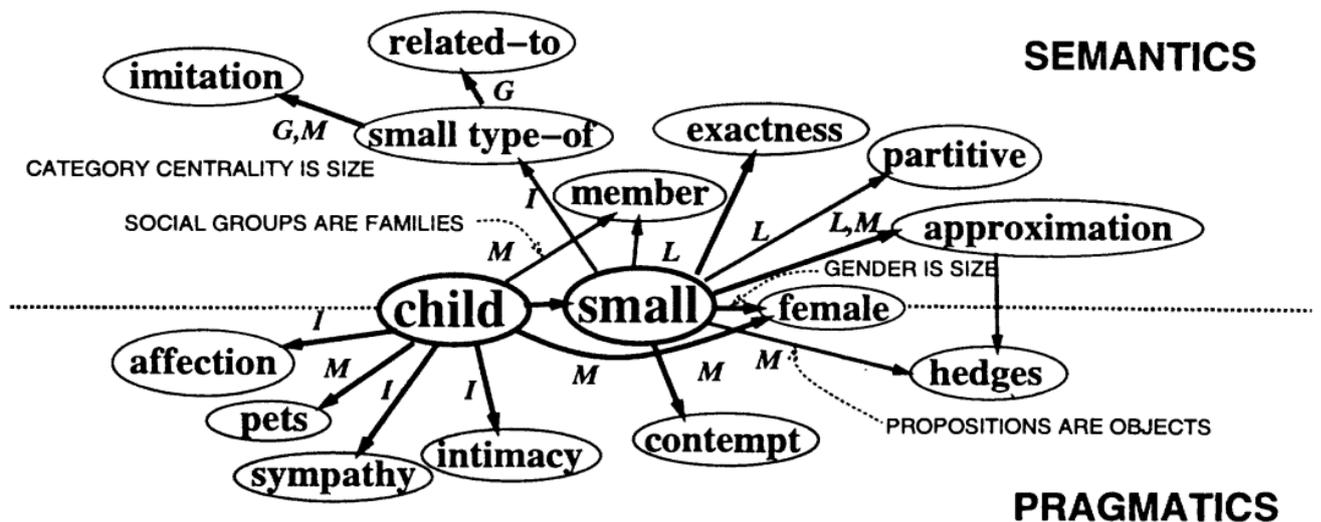

Схема 1.1. Универсальная структурная модель семантики диминутивов

Согласно схеме 1.1, от ядерных значений развиваются дополнительные смыслы: принадлежность к женскому полу, потомок, малая степень социальной важности, домашние животные, чувства привязанности, любви, интимности, сочувствие, игривость, презрение, а также уменьшенное подобие, имитация, референтность, точность, партитивность (часть / единичный представитель), приблизительность. Ядерные значения первичны исторически и когнитивно универсальны для всех языков, в то время как дополнительные значения являются производными и разнятся для конкретных языков. Диминутивность, как отмечает

Д. Джурафски, представляет собой радиальную категорию, отражающую семантические и логические связи между диминутивными значениями, а также процессы, которые привели к их появлению [254].

Сходной позиции придерживаются В. Дресслер и Л. Мерлини Барбареззи, рассматривающие компоненты «маленький размер», «детскость» и «молодость» как исторически первичные и центральные диминутивные значения во всех языках. В то же время исследователи критикуют подход Д. Джурафски за то, что он не провозглашает приоритет прагматики над семантикой [242].

Интерпретируя причины такого кардинального расхождения мнений между представителями второго направления, А. А. Буряковская находит ответ в семантике диминутивов и выводит следующую закономерность: диминутив выражает только эмоцию говорящего, когда величина референта не может меняться; диминутив выражает отношение или размерное значение, когда изменение размеров возможно. При этом выделение того или иного значения определяется контекстом [32, с. 14].

Из анализа подходов к пониманию диминутивной семантики видно, что ученые не могут дать однозначный ответ на вопрос какая из сем диминутивов первична, а какая вторична, т. к. диминутивы могут одновременно выражать как размерное, так и оценочное значение, что усложняет процесс их разграничения.

1.2.4 Представленность диминутивов и аугментативов в языках

Диминутивность и аугментативность давно являются предметом неослабевающего интереса в лингвистике в силу сложности и недостаточной изученности данных языковых категорий. Традиционно диминутивы и аугментативы ассоциируются со славянскими (болгарский, хорватский, чешский, македонский, польский, русский, сербский, словацкий, украинский) и романскими (каталанский, французский, галисийский, итальянский, португальский, румынский, испанский, латинский) языками, в которых данные дериваты представлены в изобилии, хотя доказано, что понятийные категории есть и в других группах языков и выражаются в различных языковых формах.

Ученые, изучая представленность диминутивов и аугментативов в языках мира, пришли к разным выводам. Н. Гранди выделяет модели реализации категорий диминутивности и аугментативности в языках с учетом всех возможных конфигураций, являющихся следствием наличия или отсутствия в языке морфологически выраженных оценочных суффиксов [250, р. 7]:

- 1) диминутивы (+), аугментативы (-);
- 2) диминутивы (+), аугментативы (+);
- 3) диминутивы (-), аугментативы (-);
- 4) диминутивы (-), аугментативы (+).

Однако согласно трактовке К. Шнайдера, все языки, содержащие аугментативы, априори имеют и диминутивы. При этом, аугментативы употребляются намного реже и считаются более маркированными [278, р. 16].

Подчеркнем, что значения диминутивности и аугментативности не являются регулярными, и существование аугментативной формы слова автоматически не предопределяет существование диминутивной, и наоборот: *дом – домик – домище; тоска – ? – тощища; коробка – коробочка – ?* [172].

1.3 Связь диминутивности и аугментативности с другими семантическими категориями

Обратимся к проблеме взаимосвязи диминутивности и аугментативности с категориями оценки, эмотивности и экспрессивности, образности, интенсивности и градуальности.

1.3.1 Оценка

1.3.1.1 Анализ работ по проблеме семантической структуры диминутивов и аугментативов показывает, что у исследователей нет единого мнения о том, какой компонент значения является первичным – размерный или оценочный.

А. А. Гребнев говорит о том, что оценочные значения исторически развивались на базе уменьшительности и увеличительности [59]. На примере диминутивов ученый прослеживает путь развития их семантического значения от

физической малости вещей к незначительности социального, нравственного и другого порядка, и далее – выражению субъективных отношений и отрицательных оценок. Д. Джурафски также поддерживает идею того, что размерное значение является исходным, а эмоционально-оценочное отношение просто развивается из него [254].

Противоположного мнения придерживаются последователи морфопрагматического подхода, разработанного В. Дресслером, который полагает, что значение субъективной оценки является доминирующим в семантике диминутивов и аугментативов [241].

1.3.1.2 Опираясь на данные современной лингвистики по вопросу реализации оценочного значения в семантической структуре диминутивов и аугментативов, осуществляем их классификацию по трем критериям.

Первый критерий заключается в соотношении объективного и субъективного в структуре лексического значения таких единиц.

Уменьшительные и увеличительные лексемы первого типа указывают на количественную характеристику (размер), которая определяется объективно присущими денотату свойствами и связана с его логическим восприятием. Такие диминутивы и аугментативы выражают **объективную (дескриптивную, квантитативную) оценку** по шкале «*больше – норма – меньше*». К примеру, диминутивное словосочетание *small boy* ‘маленький мальчик’ обозначает ребенка мужского пола с акцентом на малый размер референта, обусловленный юным возрастом. А аугментативом *big man* ‘здоровяк’ называют взрослого мужчину высокого роста, крепкого телосложения и с отличным здоровьем.

Ко второму типу относятся языковые единицы, выражающие качественную характеристику, которая ориентирована на эмоциональное отношение говорящего к предмету оценки и его чувственно-образное восприятие. Такие диминутивы и аугментативы выражают **субъективную (качественную, квалитативную) оценку** по шкале «*хорошо – безразлично – плохо*». Например, диминутив *daddy* ‘папочка’ указывает не на малый размер родственника, а

передает нежное отношение к нему. Лексически данное слово эквивалентно другому диминутиву *dear father* ‘дорогой отец’, который выражает эмоциональное отношение. Аугментатив *big head* ‘большая цаца’ не именуется большую голову или человека с большой головой, а обозначает высокомерного индивида и выражает неодобрение.

Диминутивы и аугментативы третьего типа дают количественно-качественную характеристику объекта и выражают **смешанную объективно-субъективную оценку** по шкалам «*больше – норма – меньше*» и «*хорошо – безразлично – плохо*». В основе данной корреляции лежит когнитивная и эмоциональная связь между размером и отношением к нему. К примеру, диминутив *little girl* ‘девчушка’ относится к маленькой милой девочке и выражает ласковое отношение к ней.

1.3.1.3 Второй критерий предполагает наличие эмотивного компонента в структуре лексического значения диминутивов и аугментативов, выражающих объективную, субъективную и объективно-субъективную оценку.

Оценочные диминутивы и аугментативы выступают в качестве специфического вида оценки человека с точки зрения его эмоциональных, психологических, этических, социальных, физических, этнических и других особенностей. Они отражают коллективные или индивидуальные представления о разной степени ценности человека. Ввиду этого можно различить общеоценочные (квалификаторы «хороший» и «плохой») и частнооценочные (психологические, эстетические, этические, гедонистические, нормативные квалификаторы) значения, обусловленные разными характеристиками [13, с. 198].

Уменьшительные и увеличительные лексемы первого типа не содержат эмотивного компонента в значении и выражают **рациональную оценку**. Например, диминутив *subdean* ‘заместитель декана’ и аугментатив *archdeacon* ‘архидиакон’ фиксируют занимаемое индивидом положение в служебной иерархии от низшего чина к высшему в порядке подчинения.

Диминутивы и аугментативы второго типа содержат эмотивный компонент и выражают **эмоциональную оценку**. Например, диминутив *ducks* ‘голубушка’ используется для выражения близости или ласки к тому, кто дорог, любим и мил. Тем не менее, Е. М. Вольф отмечает, что разум и чувства – это последовательные ступени познания реальности, в связи с чем оценка не может быть чисто эмоциональной [41]. Согласно ученому, объективный и субъективный аспект значения находятся в сложном взаимодействии и вместе образуют диалектическое единство. Ш. Балли также придерживается мнения, что языковая единица характеризуется логическим содержанием и эмоциональным компонентом, которые выражаются в разных пропорциях [15].

К третьему типу относятся диминутивы и аугментативы, в значении которых сочетается рациональный и эмоциональный компонент. Данные языковые единицы выражают **смешанную рационально-эмоциональную оценку**. Так, в аугментативе *superathlete* ‘суператлет’ рациональный тип оценки выражен словами-маркерами оценочности в толковании, а префикс *super-* выражает эмоциональную оценку выдающихся способностей и физической формы спортсмена, вызывающих восторг и восхищение: *superathlete* ‘суператлет’ – an athlete of extraordinary skill or fitness.

1.3.1.4 Третий классификационный критерий связан с аксиологической интерпретацией оценочного значения диминутивов и аугментативов.

Под оценочным значением понимается «информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого» [180, с. 54]. Одним из факторов, которым обусловлена лингвистическая оценка, является когниция, связанная с функцией человеческого сознания выражать положительное или отрицательное оценочное отношение к объективной действительности в ходе познавательной деятельности. Основная сфера значений, которые обычно соотносятся с оценочными, связана с признаками «хорошо» и «плохо».

По мнению А. В. Кунина, человек осмысливает мир с позиции его ценностного характера и соотносит фрагменты действительности с общепринятыми в человеческом коллективе социальными и моральными нормами [102], такими как добро / зло, красиво / безобразно, знание / невежество, святость / грех, важно / неважно. Тем не менее, если ценность объекта является константой, то оценка – это изменчивая величина, которая зависит от времени и места ее реализации и значимости для субъекта.

К первому типу диминутивов и аугментативов относятся единицы с **нейтральной оценкой**, которые выражают безразличное отношение к денотату. Такой тип оценки характерен лексемам без эмотивного компонента, которые выражают сугубо рациональную оценку (*grandaunt* ‘двоюродная тетя’).

Диминутивы и аугментативы второго типа обладают **положительной (мелиоративной) оценкой** и выражают одобрительное отношение человека к чему-либо, так как оно соответствует системе ценностей, зафиксированной в языковой картине мира субъекта речи (*nicey* ‘милашка’, *superbrain* ‘супермозг’).

К третьему типу принадлежат уменьшительные и увеличительные лексемы с **отрицательной (пейоративной) оценкой**, которые выражают неодобрительное отношение субъекта к объекту, поскольку искомое качество (ценность) обозначаемого не удовлетворяет ценностные представления говорящего (*keelie* ‘хулиган, головорез’, *superterrorist* ‘супер-террорист’).

1.3.1.5 Мелиоративная и пейоративная оценки легко просматриваются относительно нулевой оценки, которая выступает точкой отсчета при оценочной квалификации объекта. Средняя часть оценочной шкалы представлена бедно, поскольку «стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций» [13], а концы шкалы, указывающие на оценочные отклонения от нормы, богато представлены в языке.

На базе диминутивности и аугментативности может развиваться оценка со знаком «-» при наличии негативных коннотаций основы (*dummy* ‘глупец’ < *dumb* ‘глупый’, *superprick* ‘супермерзавец’ < *prick* ‘мерзавец’) и оценка со знаком «+»

при наличии положительных коннотаций (*beaut* ‘красоточка’ < *beauty* ‘красавица’, *supergenius* ‘сверхгений’ < *genius* ‘гений’).

Присоединение негативизирующего суффикса к слову с нейтральной или положительной оценкой изменяет его аксиологический знак [13]. Например, суффиксы *-ette* и *-aster* придают отрицательную коннотацию производному слову и выражают неполноценность. Суффикс *-ette* указывает на легкомысленность и недобросовестность женщины в сравнении с мужчиной аналогичной профессии, что дает почву для подшучивания и несерьезного отношения к ней: *farmerette* ‘фермерша’ < *farmer* ‘фермер’. Суффикс *-aster* сообщает производящей основе смысл профессиональной некомпетентности человека независимо от его половой принадлежности: *politicaster* ‘политикан’ < *politician* ‘политик’.

В силу амбивалентности одна и та же лексема может объединять в себе положительную и отрицательную оценку, которая определяется контекстом. Например, номинация взрослого человека диминутивом *kinglet* ‘царек’ порождает негативные коннотации, так как указывает на низкий социальный статус и значимость референта. Когда данная номинация относится к ребенку, играющему роль царя на сцене, она выражает положительное отношение [278, p. 2].

Анализ диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке демонстрирует асимметрию «хороший – плохой» в сторону преобладания отрицательно-оценочных слов и словосочетаний. Параллельно с этим наблюдается значительный перевес отрицательно-оценочных маркеров, которые представлены в большом многообразии в дефинициях диминутивов и аугментативов, среди них *weak, petty, inferior, minor, unimportant, poor, despicable, disgusting, repulsive, inexperienced, foolish, stupid, mad, ill-tempered, arrogant, cowardly, effeminate, promiscuous*. О. Л. Бессонова отмечает преобладание лексики с отрицательной оценкой и относит данное явление к языковым универсалиям [25, с. 12]. Преобладание пейоративной номинации лица связывают со свойством человеческой природы концентрировать внимание на недостатках и рассматривать

достоинства как нечто само собой разумеющееся, поскольку положительная оценка является нормой в структуре аксиологической шкалы.

Изучая пейоративные существительные-наименования человека по социальному статусу в английском языке, В. И. Карасик приходит к выводу, что первое место принадлежит дуракам и преступникам, за ними следуют болтуны, мошенники, женщины сомнительного поведения, представители других народов и люди с физическими недостатками, негодяи и подлецы, а также лентяи, извращенцы, подлизы, мужланы и пьяницы [88].

В итоге можно сказать, что диминутивы и аугментативы обладают многоплановой семантикой и кроме размерного значения содержат субъективную, чаще отрицательную, оценку говорящим объекта номинации.

1.3.2 Эмотивность и экспрессивность

1.3.2.1 В основе лингвистической категории эмотивности лежит понятие эмоции. Под эмоциями понимаются субъективные психические реакции человека на внутренние и внешние раздражители [298]. Эмоции делятся на нейтральные, положительные, отрицательные и различаются по интенсивности. К базовым эмоциям относятся радость, гнев, отвращение, удивление, страх, грусть, презрение. В основе выражения эмоций лежат рефлексы, генетически общие для всех людей. Следовательно, выделяют языковые (фонетические, лексические, синтаксические) и параязыковые (жесты, мимика, плачь, смех) средства передачи эмоционального состояния говорящего, при этом последние типизированы, кодированы и универсальны для данной языковой общности [211].

Эмоционально окрашенные диминутивные и аугментативные наименования лица не только указывают на объективные качества человека, но и отражают их значение для говорящего в данный момент. Таким образом, у диминутивов и аугментативов номинативная функция подкрепляется субъективным отношением. Следует констатировать, что диминутивы и аугментативы выражают более широкий круг эмоциональных переживаний, нежели об этом говорят эмотивные пометы в словаре. Это связано с

лексикографической практикой подачи информации об эмотивной семантике слова, согласно которой оттенки эмоций в значительной степени маргинальны, размыты и графически представлены обобщенно одной пометой [21, с. 18]: *the term of endearment* (ласк.), *jocular* (шутл.), *ironical* (ирон.), *derogatory* (уничиж.).

1.3.2.2 В основе экспрессии диминутивов лежит **бинарная модель «ласкательность – пренебрежительность»**, что свидетельствует о большом разрыве между оттенками значения на шкале эмоциональных оценок. В своей работе Е. О. Зинин подчеркивает, что значения уменьшительности-эмоциональности экспонируются по шкале «от нуля до собственно диминутивного значения, от нуля до собственно ласкательного значения и от нуля до собственно уничижительного значения» [72, с. 76].

Мелиоративные диминутивы выражают положительную оценку (одобрение), которая проявляется в различных формах: ласкательность (*popsy* ‘красоточка, куколка’), игривость (*roly-poly* ‘пончик’ (о полном человеке)), шутливость (*oldie* ‘старичок, старушка’). Прототипичным значением мелиоративных диминутивов является ласкательность, которая традиционно ориентирована на детей, женщин и детенышей животных. Ласкательные диминутивы активно используются в языке нянь при общении с ребенком и в речи детей, при разговоре с членами семьи, родственниками, близкими друзьями, в речи влюбленных, при общении с гостями, в ситуации, когда говорящий выражает заботу к собеседнику, а также при реализации речевой стратегии задабривания. В значении таких диминутивов ласкательность может сочетаться с жалостью, сочувствием, сожалением, трогательностью, шутливостью, игривостью, снисходительностью и другими оттенками эмоций.

Пейоративные диминутивы выражают отрицательную оценку (неодобрение), которая передается через отрицательную эмоцию: осуждение (*roughie* ‘грубиян’), пренебрежение (*nancy* ‘девчонка’ (о мальчике, юноше)), уничижение (*froggie* ‘французишка’), презрение (*puppy* ‘молокосос’ (о высокомерном или глупом парне)). Прототипичным значением пейоративных

диминутивов выступает пренебрежительность, которая связана с объективно низкой оценкой объекта, его низкокачественностью [198, с. 38]. Суффиксы со значением пренебрежительности способны выражать жалость, снисходительность, насмешку. Среди диминутивов много инвективных единиц, использование которых является оскорбительным (*darkie* ‘чернокожий’).

Можно выделить эмоциональные оттенки значения диминутивов, которые не укладываются в бинарную модель: жалость, сочувствие, сожаление, снисходительность, ирония, сарказм. Противоречивость этих сложных **амбивалентных эмоций** приводит к развитию у слова противоположных значений и совмещению ласкательности и пренебрежительности.

Так, сочувствие и жалость граничат как с нежностью, так и с презрением к убогости и слабости. Снисходительность сочетается как с терпимостью, мягкостью и милостивостью, так и с покровительственно-высокомерным отношением [294]. Иронические или шуточные диминутивы выражают субъективно-оценочное отношение, когда положительное или отрицательное значение диминутива и эмоциональный фон контекста находятся в противоречии.

Отметим, что слово приобретает эмоционально-оценочную окраску именно благодаря суффиксу. В связи с тем, что диминутивы способны одновременно выражать сложную и противоречивую гамму эмоций и оценок, В. В. Виноградов вводит новые термины: ласкательно-уничижительные, уничижительно-ласкательные, ласкательно-шуточные, ласкательно-фамильярные, иронически-ласкательные [37].

Встречаются случаи лексикализации диминутивов, то есть утраты экспрессии и стирания уменьшительной семантики, что превращает их в самостоятельные нейтральные единицы. К подобным лексемам применим термин «ложный диминутив» или «псевдодиминутив». Например, в слове *starling* ‘скворец’ древнеанглийский корень *star* архаизировался, а суффикс *-ling* десемантизировался и утратил уменьшительное значение. Часто аффиксация

приводит к созданию нового понятия (*козырь – козырек*) или является источником метафоризации (*жук – жучок* (о подслушивающем устройстве)).

Открытой остается дискуссия о статусе заимствованного из французского языка суффикса *-ette*. Ряд исследователей полагает, что в таких единицах как *conductolette* ‘кондукторша’, *sailolette* ‘морячка’, *usherette* ‘билетерша’ данный суффикс образует ложные диминутивы [128], другие лингвисты отмечают уменьшительность в его значении [32; 210; 278]. В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения, что диминутивы с суффиксом *-ette* выражают уменьшительное и оценочное значение.

1.3.2.3 В семантической структуре аугментативов выявлены как положительные, так и отрицательные коннотации, хотя традиционно им приписывают негативные значения. **Мелиоративные аугментативы** именуют носителя положительного качества в высшей степени его проявления и выражают восхищение, изумление, уважение, преклонение, трепет. Например, человек, стоящий выше других по социальному или профессиональному статусу, самый важный и имеющий наибольшее влияние, превосходящий других в каком-то деле, вызывает чувства восхищения и уважения (*supermodel* ‘супермодель’). Конечно, в определенном контексте старшие по званию и люди, занимающие руководящую должность, могут вызывать страх и ощущение собственной никчемности.

Пейоративные аугментативы обозначают того, кто олицетворяет высшую степень отрицательного качества и передают ужас, презрение, неприязнь, пренебрежение, отвращение, враждебность (*archfiend* ‘заклятый враг’).

С помощью таких **амбивалентных чувств** как ирония и сарказм говорящий может передать адресату положительные и отрицательные чувства.

Итак, диминутивы и аугментативы не сильно отличаются друг от друга с точки зрения их эмоциональной валентности. Однако, в то время как диминутивы ориентированы на близость и фамильярность, аугментативы выражают эмоции, которые чаще всего связаны с более широким социальным контекстом.

1.3.3 Образность

Категория образности, с помощью которой выражается отношение к называемому предмету, характеризуется семантической двуплановостью, метафоричностью и ассоциативностью внутренней формы [27]. Диминутивность и аугментативность также являются сложными лингвистическими категориями, из центральных значений которых по принципу метафорических, метонимических и других моделей развивается множество образных значений.

1.3.3.1 Указывая на ассоциативные связи между объективной малостью и экспрессивными значениями диминутивов, К. С. Аксаков выводит цепочку *малый – беззащитный – милый* и комментирует это следующим образом: «... малому свойственно быть милым. Самая ласка предполагает уменьшительность предмета, и вот почему для выражения милого, для ласки употребляется уменьшительное» [3, с. 58]. В. В. Виноградов развивает данную идею и пишет следующее: «Чтобы представить предметы милыми, чтобы высказать ласкающее отношение, на них как бы наводится уменьшительное стекло, и они, уменьшаясь, становятся милыми» [37, с. 97]. Примером этого языкового феномена являются диминутивные формы, образованные от терминов родства. С их помощью выражается не значение малого размера, а высказывается, что близкие люди милы говорящему (*mammy* ‘мамочка’, *nannie* ‘бабуля’).

К. С. Аксаков выводит еще одну цепочку экспрессивных значений диминутивов *малый – жалкий – бедный*, которые ассоциативно развиваются от нейтрального значения малости [3]. К. Шнайдер пишет о том, что ребенок может восприниматься как «недоделанный взрослый» или неполноценный человек в силу своей незрелости и вызывать негативную реакцию [278, р. 14]. Например, диминутивом *fledgeling* ‘неоперившийся юнец’ с пренебрежением называют неопытного молодого человека, который находится в возрастном промежутке между детством и зрелостью, и еще не вошел в мир взрослых.

Аналогичным образом может быть ассоциативно переосмыслено увеличительное значение аугментативов. В цепочке *большой – неестественный* –

ужасный от увеличительности развиваются отрицательные значения, поскольку референты, размер которых больше нормального, воспринимаются как нечто неправильное, отклоняющееся от нормы и представляющее опасность. К. Шнайдер иллюстрирует переосмысление признака большого размера в сторону развития новых отрицательно-оценочных значений на примере образа великана [278, р. 18]. Человек очень большого роста представляется нескладным, неповоротливым и неловким в движениях в силу своей массивной фигуры. Это проливает свет на вопрос, почему Д. Кристал называет безобразность и неуклюжесть значениями увеличительных аффиксов [308].

В другой ассоциативной цепочке *большой – превосходный – восхитительный* к увеличительности примешиваются положительные значения, так как референты, поражающие своей большой величиной, также рассматриваются как что-то выдающееся, превосходящее себе подобных, вызывающее восхищение и чувство почтения.

Следовательно, в силу двойственности понятий «малый» и «большой» рождаются новые диминутивные и аугментативные значения. К группе значений с семой уменьшительности отнесем женскость, низкое общественное положение, сочувствие, ласку, нежность, презрение [254], с увеличительным значением – важность, превосходство, изумление, восхищение, неодобрение.

1.3.3.2 Человеку свойственно логически обрабатывать сенсорную информацию, на основе чего создается образ, который кодирует образное содержание в языковой единице. Степень образности мышления, как утверждает М. С. Лебедева, напрямую зависит от уровня его эмоциональности [107, с. 20]. Так, образность взаимодействует с эмотивным компонентом коннотации.

Поскольку образное значение возникает из эмоционального отношения адресанта к объекту номинации, оценочные диминутивные и аугментативные наименования лица относятся к образной лексике, с помощью которой вербализуются различные представления о человеке, зафиксированные в

концептуальной картине мира языкового сообщества. Их образное значение проявляется в образе, закодированном в единице речи.

Часто диминутивы образуются от названий животных и могут использоваться в метафорическом значении в качестве ласковых обращений к детям и женщинам или, напротив, обидных и грубых слов. В основе наименования привлекательной девушки лежит образ лисы (*foxie* ‘красотулька’ < *fox* ‘лиса’), нежного прозвища – образ утки (*duckie* ‘солнышко’ < *duck* ‘утка’), француза – образ лягушки (*froggie* ‘французишка’ < *frog* ‘лягушка’). В основе расширения диминутивами семантики может лежать перенос характеристик с детеныша животного на человека по ассоциативному признаку, так как уменьшительность включена в их названия. Высокомерного и глуповатого юнца сравнивают с щенком (*puppy* ‘щенок’), лентяя – с детенышем свиньи (*shoat* ‘поросенок’).

В основе аугментативов также лежат яркие образы. Например, влиятельного человека сравнивают с большой рыбой (*big fish*), крупным зверем (*big beast*), большой головкой сыра (*big cheese*), большим колесом (*big wheel*).

Для адекватной расшифровки закодированного в образной единице значения необходимо владеть знаниями экстралингвистических факторов общения, особенностей прагматического значения, знаниями о культуре, истории и традициях, которые сложились в коллективе.

1.3.4 Интенсивность и градуальность

1.3.4.1 Логическая категория количества предполагает, что признак не абсолютен, не остается одинаковым навечно и может выражаться разной степенью интенсивности в результате проявления его качественных оттенков. Е. И. Шейгал приходит к выводу, что интенсивность находится на пересечении категорий качества и количества [216, с. 21–22]. Количественный компонент в семантической структуре градуируется и поддается количественной оценке, что свидетельствует о глубинной связи «градуирования с процессом сравнения или соотношения качественно-количественных свойств признака с имеющимися или желательными» [187, с. 15].

Показателем изменения количества является интенсивность. На шкале интенсивности точка отсчета соотносится с нормой (ординарный уровень). Вверх по шкале от нейтральной нормы располагается суперординарный уровень, сигнализирующий об усилении значения признака (интенсификация). Вниз по шкале от нулевой отметки находится субординарный уровень, указывающий на ослабление значения признака (деинтенсификация) [191].

Ш. Балли определяет интенсивность как растяжимую категорию и отмечает некоторые трудности по разграничению ее логического и эмоционального аспектов [14]. Для формирования четкого понимания процесса градуирования лексем с разными видами количественно-качественных значений обратимся к параметрическому и общеоценочному прилагательному. Сопоставив словосочетания *большой дом* и *хорошая сигарета*, понимаем, что *большой* – такой, размер которого выше среднего, то есть больше нормы, в свою очередь *хороший* – такой, который соответствует определенному стандарту или норме, а не превышает ее. Так, для параметрических слов норма находится в середине шкалы, а для общеоценочных слов ориентирована на ее крайнюю часть [229].

1.3.4.2 Диминутивность и аугментативность – это количественные категории, соответственно, диминутивные и аугментативные наименования лица содержат в своей семантической структуре количественный компонент, который дает основание для градуирования признаков. Диминутивы и аугментативы указывают на отклонение от нормы. Эксплицитными средствами репрезентации их градуального смысла выступают уменьшительные и увеличительные аффиксы, а также прилагательные «маленький» / «большой» и их синонимы.

Благодаря градуальной семантике диминутивные и аугментативные лексеммы могут выстраиваться в скалярные ряды, которые систематизируют единицы речи по принципу убывания или нарастания изменяемого признака. Графически это может быть представлено в виде градуальной шкалы. Зоны отклонения степени интенсивности признака в сторону убывания

(деинтенсификации) представлены диминутивами и в сторону нарастания (интенсификации) – аугментативами.

Типичным примером служит градуальная шкала трехкомпонентной структуры с двумя противоположными полюсами (меньше / больше) и точкой отсчета (нормой) между ними: *starlet* ‘звездочка’ – *star* ‘звезда’ – *superstar* ‘суперзвезда’. Как видно из примера, средний член оппозиции способен варьировать степень проявления признака в направлении убывания (диминутив) или нарастания (аугментатив). Необходимо подчеркнуть, что промежуточный член немаркирован и характеризуется нулевой оценкой, в то время как крайние члены оппозиции (антонимы) являются маркированными единицами.

Реже шкала градации имеет многокомпонентную структуру, члены которой характеризуются ступенчатым характером интенсивности одного и того же признака: *Petty Officer* ‘младший офицер’ – *Chief Petty Officer* ‘главный старшина’ – *Senior Chief Petty Officer* ‘первый главный старшина’ – *Master Chief Petty Officer* ‘мастер-главный старшина’. В паре *Petty Officer* ‘младший офицер’ – *Chief Petty Officer* ‘главный старшина’ вторая единица указывает на ранг повыше и интенсификацию, а в оппозиции *Chief Petty Officer* ‘главный старшина’ – *Senior Chief Petty Officer* ‘первый главный старшина’ указывает на статус ниже и деинтенсификацию.

На примере параметрических прилагательных рассмотрим многокомпонентную шкалу градации известную как векторный синонимико-антонимический комплекс [93, с. 78], в котором внутренние члены (синонимы) характеризуются различной степенью проявления одного и того же признака, а крайние члены оппозиции (антонимы) представляют собой состоявшийся переход в новое качество: *очень большой* – *большой* – *средний* – *маленький* – *очень маленький*.

Таким образом, диминутивы и аугментативы подвергаются градуированию и способны выстраиваться в скалярные ряды по принципу понижения или повышения интенсивности признака относительно нормы.

1.4 Лингвокультурологический аспект исследования диминутивных и аугментативных наименований лица

Исследования национально-культурной специфики языковых единиц в целом, и диминутивов и аугментативов в частности, обусловлены антропоцентрической парадигмой в лингвистике, которая вернула человеку статус «меры всех вещей». Достоянием антропологической парадигмы науки о человеке В. Н. Телия называет такой раздел языкознания как лингвокультурология, которая ориентирована на «культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [181, с. 222]. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, мыслящий человек стоит между миром и языком [184].

Одна из задач настоящего исследования заключается в изучении особенностей восприятия человека в английской лингвокультуре в соответствии с основными семантическими сферами его проявления [194, с. 115]: биолого-физические и антропологические (национальность, пол, возраст, внешность, язык); социально-трудовые и родственные отношения (к человеку, труду, собственности, социальным, политическим, религиозным, культурным и другим институтам и организациям); сфера психической деятельности и эмотивных оценок (способность мыслить, проявлять волю, воображение, эмоции, склонность или приверженность, мораль и нравственность).

В связи с этим, вслед за Е. И. Зиновьевой и Е. Е. Юрковым, считаем, что лингвокультурологические исследования позволяют определить специфику взаимодействия языка и культуры через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что позволяет получить информацию о значении анализируемых единиц, его оттенках, коннотациях, ассоциациях, отраженных в сознании носителей языка [73, с. 13].

Культурно-языковые универсалии детерминированы единством человеческого мышления, универсальными законами и категориями бытия и познания, общим характером развития культуры и цивилизации. Тем не менее, лексика может обладать национально-специфичным содержанием, которое

фиксируется на уровне денотативного и коннотативного компонентов значения, а также в лексическом фоне единицы. Примечательно, что фоновые компоненты семантического значения соотносятся с его коннотативной частью, которая считается наиболее культуроемкой. Культурно-языковые связи могут быть разной степени выраженности: имплицитной – в семантике, структуре; эксплицитной – при обозначении реалий [74, с. 10].

С точки зрения лингвокультурологии диминутивные и аугментативные наименования лица можно рассматривать как культурно-маркированные феномены лингвокогнитивной природы, поскольку за ними стоят материальная и духовная культура, менталитет нескольких этносов, говорящих на различных вариантах английского языка и проживающих в Великобритании, Америке, Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Африке. Фоновые знания о диминутивах и аугментативах включают в себя лингвокультурный, исторический, социальный, прагматический, лингвopsихологический, этнический, гендерный, возрастной, мировоззренческий, религиозный, идеологический, ассоциативный, оценочный, эмотивный, экспрессивный, стилистический компоненты, которые прямо или косвенно связаны с аксиологической сферой. Часто для понимания лексического фона требуется владеть информацией энциклопедического характера. Однако не всегда внутренняя форма слова раскрывается за счет общеизвестных событий, в ряде случаев за культурной коннотацией стоит небольшая социальная группа или история одного маленького городка. Помимо этого, важно обладать обыденными и лингвистическими знаниями, понимать правила взаимодействия в ситуации общения, чтобы осуществить коммуникацию.

Важную роль в процессе номинации играет языковая личность, в структуре которой Ю. Н. Караулов выделяет три уровня: лексико-семантический (нулевой), лингвокогнитивный (первый), прагматический (второй) [89]. Несмотря на скептицизм некоторых лингвистов в отношении культурологической детерминированности нулевого уровня, С. В. Иванова делает вывод, что «все уровни структурной организации личности культурологически маркированы»

[74, с. 18]. В подтверждение этой позиции приведем слова Г. В. Колшанского, который видит в акте номинации процесс познания и освоения мира [97], что можно рассматривать как социокультурный параметр. Кроме того, семантика ценностна [175], а культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, соответственно, язык «содержит ценностный компонент, то есть компонент культурологического плана» [74, с. 19].

Английские диминутивные и аугментативные наименования лица обладают обширным аксиологическим потенциалом. Данный пласт лексики является средством трансляции мироощущения и ценностных ориентиров английского лингвокультурного сообщества. Лингвокультурологический подход позволяет расшифровывать глубинные оценочные смыслы, закодированные в семантике лексических единиц, и реконструировать ценностную картину мира.

Выявление культурной информации при лингвокультурологическом анализе диминутивов и аугментативов основывается на следующих приемах [43; 122]: изучение культурных маркеров во внутренней форме слова; рассмотрение экстралингвистических факторов, которые мотивировали значение; выявление национально-культурных коннотаций; исследование особенностей национального менталитета англоязычных народов и их отражение в единицах.

Итак, реализация лингвокультурологического подхода при изучении культурной составляющей аксиологически осложненных диминутивных и аугментативных наименований лица представляется логически оправданной, поскольку данные единицы речи актуализируют духовные и материальные ценности представителей английского лингвокультурного сообщества.

1.5 Критерии отбора языкового материала и методика его описания

1.5.1 Критерии отбора английских диминутивных и аугментативных наименований лица из словарей

В фокусе исследования находятся диминутивные и аугментативные наименования лица. В соответствии с типом анализируемых единиц были

выделены критерии отбора диминутивов и аугментативов из авторитетных толковых словарей английского языка [297; 302; 303; 304; 309; 310; 311; 312; 313; 316; 317; 318; 319; 320; 321].

Выбор лексикографических источников обусловлен рядом причин, среди которых многоаспектное описание лингвистической и экстралингвистической информации о значении диминутивных и аугментативных наименований, а именно, подробное толкование значений слов и словосочетаний, наличие помет, указывающих на эмоционально-оценочную и стилистическую окраску, региональный вариант языка (британский, американский, австралийский, новозеландский, ирландский, шотландский, южноафриканский), этимологическая информация, словообразовательные особенности.

Эмпирический корпус исследования формировался с учетом следующих критериев (см. табл. 1.1):

Таблица 1.1

Критерии отбора английских диминутивных и аугментативных наименований лица

Критерии		Маркеры
1		2
Инвариантные критерии	Антропоморфные маркеры (маркеры лица)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ a person ▪ adj. + person ▪ a person of ... ▪ a person who ... ▪ a person like ... ▪ a person with ...
	Маркеры узуальной оценки	<ul style="list-style-type: none"> ▪ small, little, tiny, large, big, huge ▪ inferior, stupid, weak, attractive, prominent
Вариативные критерии	Аффиксы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ -ie /-y / -ey / -ee, -o, -ette, -ling, -ster / -aster / -ister, -et, -s, -kin, -let, -el / -elle, -een, -rel / -erel / -erelle, -ock, -ing, -a, -roo, -en, -chen, -ulus, -cle, -ino / -ina, -ito / -ita, -etto / -etta, -illo / -illa, -kie / -tjie, -oy / -ay, -ushk, -poo, -pie, mini-, sub-, under-, vice-, hypo-, sur- ▪ super-, arch-, grand-, great-, proto-, pro-, primo-, hyper-, ultra-, over-, mega-, -occio, -oon, -zilla

<i>1</i>		<i>2</i>
Вариативные критерии	Прилагательные с квантитативным компонентом	<ul style="list-style-type: none"> ▪ small, little, baby, tiny, junior, petty, basic, rear, half ▪ big, chief, senior, head, prime, superior, grand, master, leading, full, high
	Маркеры семантической деривации	<ul style="list-style-type: none"> ▪ fig., transf., transf.&fig.
	Эмотивные пометы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ a term of endearment, a pet-form of, a hypocoristic form, affectionately, tender, playfully, jocular, ironical, slightly, derogatory, contemptible
	Стилистические пометы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ used as a familiar form of address, informal, colloquial, slang, nursery ▪ archaic, obsolete, dated, historical, rare ▪ abusive, offensive, vulgar, taboo

Из таблицы 1.1 следует, что система критериев отбора английских диминутивных и аугментативных наименований лица включает инвариантные и вариативные критерии. К инвариантным критериям относятся антропоморфные маркеры в дефиниции лексемы, указывающие на человека: *beardie-weardie* ‘причудливый бородач’ – *disparaging, Scotland* a bearded person. Еще одним инвариантным критерием является наличие маркера узуальной оценки в толковании. На объективную, дескриптивную или квантитативную оценку указывают прилагательные с предметно-логическим значением уменьшительности *small* ‘маленький’, *little* ‘маленький’, *tiny* ‘крошечный’ и увеличительности *large* ‘большой’, *big* ‘большой’, *huge* ‘огромный’: *boyeen* ‘маленький мальчик’ – *Ireland* a small boy. На субъективную или качественную оценку указывают положительно-оценочные или отрицательно-оценочные прилагательные: *big wheel* ‘большая шишка’ – *US* a prominent, powerful and important person; *criticaster* ‘критикан’ – a minor or inferior critic.

К вариативным критериям относится наличие категориального показателя диминутивности или аугментативности в структуре лексемы. У диминутивов и аугментативов со структурой слова предметно-логическое и эмоционально-

оценочное значение выражается с помощью аффиксов: *Yale* ‘Йельский университет’ + *-ie* > *Yalie* ‘йелец’ (о студенте или выпускнике Йельского университета). У диминутивов и аугментативов со структурой словосочетания уменьшительность и увеличительность выражаются квантитативным компонентом, чаще прилагательным: *little fella* ‘малыш’ – UK a child.

Маркеры семантической деривации указывают на наличие образного компонента в структуре лексемы: *filly* ‘телочка’ – 1) a young female horse, especially one that is less than 4 years old; 2) *fig.*, UK a term for a sexy young woman.

Еще к вариативным критериям относятся лексикографические маркеры, фиксирующие дополнительные коннотативные смыслы в значении диминутивов и аугментативов. Эмотивные пометы передают субъективное эмоционально-оценочное отношение, стилистические пометы обозначают стилистическую ограниченность употребления единиц, ряд помет указывают на территориальное распространение лексем. Рассмотрим словарную статью диминутива: *whitey* ‘белый’ – *South African / US / UK, black slang (freq derog, racially offensive, taboo)* a white person. Помета *derog* выражает эмотивную сему диминутива и передает уничижительное отношение к человеку по расовому признаку, *racially offensive* и *taboo* выражают стилистическую сему и маркируют ненормативную, табуированную лексику, помета *slang* указывает на употребление диминутива в разговорной речи, маркеры *South African / US / UK* говорят об употреблении диминутива на территории Южной Африки, Америки и Британии, *black* свидетельствует об использовании слова темнокожим населением.

Таким образом, на основании установленных критериев отбора сформирован корпус материала исследования, в который вошло 2443 наименования лица в английском языке, в том числе 2130 диминутивов и 313 аугментативов.

1.5.2 Методы и приемы описания эмпирического материала

Анализ диминутивных и аугментативных наименований лица проводится в несколько этапов, на каждом из которых используются соответствующие методы и приемы описания эмпирического материала.

На первом этапе задача исследования заключается в семантической классификации диминутивных и аугментативных наименований лица по лексико-семантическим группам. Для осуществления данной классификации используется метод компонентного (семного) анализа. Данная процедура, основанная исключительно на словарных дефинициях, позволяет установить категориальные семы, архисемы и дифференциальные семы анализируемых диминутивов и аугментативов. Если лексема многозначная, тогда проводится компонентный анализ каждого отдельно взятого лексико-семантического варианта.

Категориальная сема определяется по ядерному слову дефиниции. Во всех лексических единицах выборки «существительное» является категориальной семой, которая подразделяется на «нарицательность» и «одушевленность».

Архисема и дифференциальная сема содержатся в денотативном (предметно-логическом, сигнификативном) значении лексической единицы. В нашем случае во всех диминутивных и аугментативных наименованиях лица «человеческое существо» является архисемой. Дифференциальная сема, индивидуализирующая признак денотата, позволяет отнести диминутив и аугментатив в ту или другую лексико-семантическую группу.

Второй этап предполагает вычленение уменьшительности и увеличительности из лексического значения диминутивов и аугментативов с целью определения какой тип значения актуализирован – размерное, оценочное или размерно-оценочное.

1. Уменьшительность и увеличительность реализуются в денотативном значении единицы с помощью маркеров узуальной количественной оценки в толковании и обозначают такие объективные параметры как размер, степень проявления качества, значимость, отклонение от нормы и некоторые другие: *underlooker* ‘горный техник на подземных работах’ – an assistant manager (as of a mine) usually engaged in superintendence and overseeing; *archconservative* ‘крайне консервативный человек’ – an extreme conservative.

2. Уменьшительность и увеличительность актуализируются в коннотативном значении с помощью маркеров узуальной качественной оценки в толковании и словарных помет и указывают на субъективную эмоционально-оценочную характеристику: *prissy* ‘зануда’ – *US colloq* а ‘kill-joy’; *supergenius* ‘сверхгений’ – а *genius of extreme brilliance*.

3. Уменьшительность и увеличительность одновременно реализуются в денотативном и коннотативном значении с помощью маркеров узуальной количественной и качественной оценки в толковании и словарных помет: *chickabiddy* ‘птенчик’ – *informal (originally nursery)* an affectionate form of address for a small child or a loved one; *bulk* ‘жиртрест’ – *derogatory* a person who is overweight or obese.

На третьем этапе осуществляется классификация диминутивных и аугментативных наименований лица по структурным типам с помощью словообразовательного метода.

1. Сема уменьшительности и увеличительности представлена на морфологическом уровне, то есть выражается в структуре слова с помощью морфологических средств (суффиксация, префиксация, аббревиация, редупликация). Такие лексемы называют синтетическими или морфологическими. Прототипическим диминутивом и аугментативом считается существительное, образованное от производящей основы суффиксальным способом.

2. Сема уменьшительности и увеличительности представлена на уровне синтаксиса, то есть значение передается не словом, а словосочетанием с диминутивным или аугментативным компонентом. Такие лексемы называют аналитическими или синтаксическими. В словосочетании компоненты могут характеризоваться различной степенью смысловой спаянности. Устойчивое неделимое сочетание слов или фразеологизм характеризуется высокой степенью семантической спаянности компонентов (*Little Sir Echo* ‘подголосок’, *big beast* ‘важная птица’ – *UK* an important, powerful person), а свободная комбинация слов обладает низкой степенью спаянности (*little trick* ‘красотка’).

3. Сема уменьшительности реализуется не на морфологическом и синтаксическом уровнях, а внутри слова с помощью семантических средств. Такие единицы называют лексическими (*sub* ‘подросток’ – a young man, especially one who is awkward or bad-mannered; *jumbo* – a very large person).

На четвертом этапе осуществляется анализ лексем с точки зрения их морфологической естественности. Степень естественности (маркированности) определяется по морфологической, семантической и стилистической сложности слова, иконичности словообразовательного процесса и морфотактической прозрачности. Иконичность языкового знака измеряется по шкале иконичности В. Майерталера [272], а степень морфотактической прозрачности устанавливается при детальном рассмотрении границы между морфемами. Степень прозрачности морфемной структуры понижается при наличии морфонологических явлений на морфемном шве.

Предложенную методику анализа диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке можно проиллюстрировать на примере анализа диминутива *wrinkly* ‘старикашка’:

wrinkly (*wrinkle* ‘морщина’ + -y) – *slang, derog., British* an old person [320].

Ядерное слово дефиниции *person* имеет частеречное значение существительного, принадлежащего к разряду нарицательных и одушевленных, и указывает на человеческое существо. Анализ денотативного значения позволил включить диминутив в лексико-семантическую группу «возраст» ввиду дифференциальной семы *old* ‘старый’, указывающей на возраст денотата. Поскольку в денотативном значении нет размерной семы, делаем вывод, что уменьшительность реализуется в коннотативном значении с помощью лексикографических помет. Эмотивная словарная помета *derogatory* фиксирует негативное эмоционально-оценочное отношение к адресату, стилистическая помета *British slang* указывает на ее функционирование в британском сленге. Словообразовательный анализ показал, что диминутивное значение выражено на морфологическом уровне с помощью суффикса -y, что относит его к разряду

синтетических диминутивов суффиксального структурного типа, то есть данное слово является примером прототипического диминутива. Анализируемая лексема является маркированным неестественным языковым средством, иконично образованным посредством суффиксации. На границе между основой *wrinkle* ‘морщина’ и диминутивным суффиксом -у не происходят морфонологические процессы, соответственно, диминутив отличается высоким уровнем морфотактической транспарентности. Таким образом, на шкале маркированности между полюсами «максимально естественный» и «максимально неестественный» диминутив занимает промежуточное положение.

На пятом этапе исследования для изучения функциональных особенностей диминутивных и аугментативных наименований лица в англоязычном дискурсе используется контекстуальный анализ, который демонстрирует прагматическую неоднозначность языковых единиц, специфику их употребления в различных коммуникативных ситуациях. Лингвокультурологический анализ позволяет сделать выводы об особенностях реализации диминутивности и аугментативности в британской, американской и австралийской лингвокультурах.

Метод количественного анализа использовался на всех этапах исследования и позволил определить соотношение моно- и полисемантических единиц в группе, продуктивность лексико-семантических групп, характер преобладающей оценки, количество единиц с актуализированной семой пола, возраста, интенсивности признака, продуктивность структурных типов.

Выводы к главе 1

1. Количество является важной категорией человеческого сознания, так как все формы материи характеризуются количественной определенностью, а самому мыслительному процессу свойственно квантитативное познание объективной действительности. О логическом характере категории говорит процесс познания и практики человека. В контексте философского аспекта рассматривается диалектическое единство количества и качества в мере, исходя из закона перехода

количественных изменений в качественные. В основе философских взглядов о количестве лежат методы и язык математики, точные цифровые данные, с помощью которых осуществляется объективное познание материального мира. Когда на количественную оценку (маленький / большой, мало / много, одинаково) влияет человеческий фактор, она психологизируется и выражается в приблизительных, субъективных формах.

2. В лингвистике количественность является частью универсальной семантической организации, на которой основывается человеческий язык и культура. Структура данной категории может быть представлена в виде семантических противопоставлений, что объясняется свойством человеческого мозга воспринимать и осмысливать реальность, сравнивая ее крайние грани. Количественность служит основой категории размера, которая в языке вербализована разными способами, в том числе с помощью диминутивов и аугментативов.

3. Диминутивность и аугментативность являются диалектически взаимосвязанными категориями одинакового теоретического статуса, которые выступают частным проявлением категории количества и находятся в неразрывном единстве с категориями качества и меры. Отсутствует единая концепция понимания семантической структуры диминутивов и аугментативов, в связи с чем диминутивность / аугментативность определяются по-разному, а именно, как обобщенные значения малого / большого размера, понятийные, грамматические, семантико-грамматические, семантико-прагматические, морфопрагматические категории, категории оценочной морфологии.

4. Существуют разные подходы к изучению структуры диминутивного значения. Принцип одноплановости позволяет рассматривать только один признак в семантике диминутива – либо объективную малость, либо субъективное отношение. Принцип двуплановости сообщает о сочетании в семантике диминутива малости и эмотивности. Принцип трехплановости заключается во взаимодействии денотативного, коннотативного и

прагматического компонентов значения. Также нет единого ответа на вопрос о доминирующем компоненте значения диминутивов и аугментативов. Согласно одному подходу, размерность первична, а оценочное значение вторично и исторически развивалось на базе уменьшительности и увеличительности. Согласно другому подходу, оценочное значение является базисным и центральным в семантике диминутивов и аугментативов.

5. Представляется целесообразным классифицировать диминутивы и аугментативы с оценочным значением по трем критериям: соотношение объективного и субъективного, наличие эмотивного компонента, аксиологическая интерпретация.

5.1 Согласно первому критерию, диминутивы и аугментативы, определяющие количественную величину, то есть размер как маленький или большой, выражают объективную (дескриптивную, квантитативную) оценку по шкале «больше – норма – меньше». Языковые единицы, которые указывают на качественную характеристику, то есть квалифицируют предмет как хороший или плохой, передают субъективную (качественную, квалитативную) оценку по шкале «хорошо – безразлично – плохо». Диминутивы и аугментативы, которые дают количественно-качественную характеристику объекта, выражают смешанную объективно-субъективную оценку по шкалам «больше – норма – меньше» и «хорошо – безразлично – плохо».

5.2 Согласно второму критерию, диминутивы и аугментативы, не выражающие эмоциональное отношение, являются рационально-оценочными. Единицы с эмотивным компонентом в значении являются эмоционально-оценочными. Лексемы, в значении которых сочетается рациональный и эмоциональный компонент, характеризуются смешанной оценкой.

5.3 Согласно третьему критерию, диминутивы и аугментативы способны выражать нейтральную, положительную (мелиоративную) и отрицательную (пейоративную) оценку, которая соответствует безразличному, одобрительному и неодобрительному отношению.

6. Категории диминутивности и аугментативности характеризуются радиальной структурой, что предопределяет развитие периферийных образных значений от ядерных исторически первичных и когнитивно универсальных значений в результате ассоциативного метафорического и метонимического переосмысления размерности.

6.1 От ядерных диминутивных значений «малый размер», «детскость», «молодость» развиваются периферийные коннотативные значения. Экспрессия диминутивов основана на бинарной модели «ласкательность – пренебрежительность», что объясняется двойственной природой понятия «малость»: малый значит милый (оценка со знаком «+») и малый значит жалкий (оценка со знаком «-»).

6.2 От центрального аугментативного значения «большой размер» и связанных с ним понятий «чудовищность», «безобразность», «неуклюжесть» развиваются периферийные значения. Выражаемая аугментативами экспрессия также охватывает оба полюса шкалы эмоциональных оценок, что объясняется двойственностью понятия: большой значит восхитительный (оценка со знаком «+») и большой значит ужасный (оценка со знаком «-»).

7. Диминутивность и аугментативность выполняют аналогичные функции с помощью разных стратегий. Диминутивы выражают понижение интенсивности признака относительно нормы (уменьшительность), а аугментативы, наоборот, выражают усиление интенсивности (увеличительность).

8. Лингвокультурологическая информация может фиксироваться в денотативном и коннотативном компонентах значения, при этом последний считается более культуроемким. Сам акт номинации представляет собой речемыслительный процесс обмена культуросносными смыслами. Исследование диминутивов и аугментативов в лингвокультурологическом аспекте предполагает изучение культурных маркеров во внутренней форме слова, рассмотрение экстралингвистической информации, выявление национально-культурных

коннотаций, исследование особенностей национального менталитета и его отражение в языке.

9. Отбор языкового материала исследования из словарей осуществляется по восьми критериям. Два критерия (антропоморфные маркеры, маркеры узуальной оценки) являются инвариантными и обязательно учитываются при отборе эмпирического материала. Остальные шесть критериев (диминутивные и аугментативные аффиксы, прилагательные с количественным компонентом, маркеры семантической деривации, эмотивные, стилистические, территориальные пометы) являются вариативными и нерегулярно учитываются при отборе.

10. Предлагаемая комплексная методика исследования включает ряд этапов, среди которых: определение критериев отбора материала; формирование корпуса эмпирического материала; семантическая классификация по лексико-семантическим группам, установление степени их продуктивности; определение актуализированного в семантике типа уменьшительного / увеличительного значения (размерное, оценочное, размерно-оценочное); выявление гендерной и возрастной маркированности единиц; определение интенсифицирующих средств в дефиниции; установление типа (рациональная, эмоциональная, смешанная) и характера оценки (нейтральная, положительная, отрицательная); описание лингвокультурологических особенностей; структурная классификация английских диминутивов и аугментативов, установление степени их продуктивности; описание особенностей диминутивов и аугментативов с учетом основных позиций теории естественной морфологии; определение функциональных особенностей разноуровневых диминутивов и аугментативов в англоязычном дискурсе; выявление национально-культурной специфики диминутивных и аугментативных наименований лица в британской, американской и австралийской лингвокультурах.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [137; 141; 142].

Глава 2

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИМИНУТИВНЫХ И АУГМЕНТАТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Во второй главе представлена семантическая классификация английских диминутивных и аугментативных наименований лица по лексико-семантическим группам, установлены наиболее продуктивные из них. Выявлены денотативные и коннотативные значения диминутивов и аугментативов. Анализ словарных помет позволил определить эмоционально-экспрессивную, стилистическую и территориальную маркированность лексем. Описаны особенности выражения оценочного значения диминутивных и аугментативных обозначений человека. Установлена сочетаемость дифференциальных сем в лексическом значении исследуемых единиц.

2.1 Семантика диминутивных наименований лица

В ходе анализа эмпирического материала было установлено, что диминутивные наименования лица в английском языке используются для обозначения человека по разным характеристикам, а именно: роду занятий, поведению, возрасту, этнорасовой принадлежности, умственным способностям, межличностным отношениям, внешности, родству, состоянию здоровья, убеждениям, месту жительства, положению в социальной группе, характеру, семейному статусу, материальному положению, образу жизни, неизвестному статусу и некоторым другим признакам (см. Приложение А, табл. А.1).

Из таблицы А.1 видно, что наибольшей продуктивностью в структуре английской языковой картины мира характеризуется семантическая группа *род занятий*, которая составляет ядро лексико-семантического поля *человек*. Данное наблюдение свидетельствует о том, что в англоязычном сообществе приоритетным считается социальный параметр. Человек воспринимается, в

первую очередь, как социально-деятельностное существо, поскольку именно деятельность определяет сущность человека и выделяет его из остального мира. Меньшей продуктивностью отличаются семантические группы *поведение, возраст, этнорасовая принадлежность, умственные способности, межличностные отношения, внешность, родство, состояние здоровья*, которые составляют приядерную зону поля. Наименьшей продуктивностью отличаются семантические группы *убеждения, место жительства, положение в социальной группе, характер, семейный статус, материальное положение, образ жизни, неизвестный статус*, которые определяют периферию изучаемого лексико-семантического поля и характеризуются ограниченным семантическим объемом.

2.1.1 Наименования лица по роду занятий

Первое место по продуктивности занимают диминутивные наименования лица по роду занятий. Данная лексико-семантическая группа насчитывает 617 единиц, что составляет 29,1% от общего объема диминутивных наименований лица в английском языке. Род занятий понимается в широком смысле и интерпретируется как любая деятельность человека. Это служит объяснением того, что в рамках рассматриваемой группы выделяются наименования лица, занимающегося трудовой, преступной, учебной деятельностью, хобби.

2.1.1.1 Лексико-семантическая подгруппа наименований лица по **трудовой деятельности** насчитывает 504 единицы, что составляет 82% от диминутивов по роду занятий. Трудовая деятельность предполагает получение специальной подготовки или официальной квалификации, а также оплату по выполнению.

Как показал анализ, такие диминутивные наименования лица используются для обозначения человека, который занимается трудом различного характера: физическим, умственным, творческим (см. Приложение А, табл. А.2). Самыми многочисленными являются наименования военнослужащего, сотрудника службы безопасности, работника сферы сексуальных услуг, представителя творческой профессии, работника физического труда, государственного служащего и работника транспортной сферы.

Первое место по продуктивности занимают наименования военнослужащего (68 единиц, 14%). Данное наблюдение свидетельствует об особом статусе профессии военнослужащего в англоязычном лингвокультурном сообществе. В корпусе зафиксированы наименования новобранца, только приступившего на военную службу и еще не имеющего необходимых навыков (*rookie* ‘салага’ – *slang* a raw recruit, esp. in an army or police force), воинские звания (*looie* ‘лейтенант’ – *US* a lieutenant), названия военнослужащего за заслуги (*stripey* ‘матрос’ – *Nautical slang* a long-service able seaman (with good conduct stripes)), обозначения человека, участвовавшего в вооруженном конфликте против Запада, в частности, войне во Вьетнаме (*noggy* ‘вьетнамский или корейский солдат’ – *Aus* a Vietnamese or Korean person or soldier).

Также продуктивностью отличаются наименования сотрудника службы безопасности (48 единиц, 10%), что объясняется важностью для англоязычных демократических стран защиты прав и основных свобод своих граждан, которые закреплены общепризнанными принципами и нормами международного права. Среди них наименования сотрудников судебных органов (*underlawyer* ‘младший адвокат’ – a subordinate lawyer), правоохранительных органов (*narco* ‘сотрудник службы по борьбе с наркотиками’ – *US* a narcotics detective), службы охраны (*night cossy* ‘тюремный надзиратель’ – *UK* in prison, a night patrolman), спасательной службы (*clubbie* ‘спасатель на воде’ – *Aus* a beach lifeguard).

В корпусе подгруппы выявлены диминутивы, в которых сочетаются семы: «трудовая деятельность + возраст», например, *baby pro* ‘молоденькая проститутка’ – *US* a very, very young prostitute; «трудовая деятельность + пол», например, *sailorette* ‘морячка’ – a female sailor; «трудовая деятельность + пол + этнос», например, *little guy* ‘маленький парень’ – *US* a Viet Cong or soldier in the North Vietnamese Army; «трудовая деятельность + возраст + пол + внешность», например, *starlet* ‘звездочка’ – a young and glamorous actress; «трудовая деятельность + место работы», например, *proggins* ‘проктор’ – a proctor at Oxford and Cambridge; «трудовая деятельность + умственные способности +

квалификация», например, *astrologaster* ‘псевдо-астролог’ – a foolish or petty astrologer; «трудовая деятельность + возраст + пол + внешность + умственные способности + квалификация», например, *autocutie* ‘телесуфлер-милашка’ – UK an attractive but incompetent television presenter (an attractive young woman).

В данной лексико-семантической подгруппе моносемантические диминутивные наименования лица (474 единицы) превалируют над полисемантическими (30 единиц) (94% и 6% соответственно). В 72 лексемах (14%) диминутивное значение выражается с помощью слов-маркеров уменьшительности в толковании, а также мотивировано морфологически, например, *bardling* ‘бард’ – inferior bard. Как видно из примера, при взаимодействии с нейтральной лексемой, обозначающей лицо по трудовой деятельности, диминутивный суффикс *-ling* модифицирует значение мотивирующей основы, выражая не нейтральное значение малого размера (*bardling* ‘бард’ ≠ small bard), а указывая на профессиональное несовершенство поэта-певца и выражая уничижительно-презрительное отношение к нему. Таким образом, диминутивные наименования лица по трудовой деятельности демонстрируют развитие переносных значений малости.

В 72 единицах (14%) диминутивное значение единицы определяется аффиксом, который передает не только уменьшительное значение, но и выражает субъективно-оценочное отношение к объекту, отклоняющемуся от нормы, например, *philologaster* ‘псевдо-филолог’ – a petty philologist; *rhymester* ‘рифмоплет’ – a minor or inferior poet. На отрицательную эмоциональную реакцию указывают маркеры качественной оценки в толковании, среди них *petty* ‘мелкий’, *inferior* ‘низший’, *minor* ‘незначительный’, *poor* ‘плохой’, *mediocre* ‘заурядный’ и другие. Наличие таких диминутивов в выборке свидетельствует о том, что в современном обществе все больше людей профессионально занимаются каким-либо видом труда, не обладая достаточным уровнем профессиональной подготовленности, специальными знаниями и умениями.

В 313 лексемах (62%) диминутивное значение мотивировано только морфологически и выражается диминутивными суффиксами, например, *medico* (от *medical doctor* ‘врач’) или усечением мотивирующей основы, например, *chauf* ‘шеф’ (от *chauffeur* ‘шафер’). В большинстве своем диминутивные наименования лица по трудовой деятельности стилистически маркированы пометами *slang*, *informal*, *colloquial*. Тем самым словарь предупреждает о негативном прагматическом эффекте, который возникает в результате употребления этих слов. Действительно, такие лексические единицы являются стилистически сниженными синонимами нейтральных наименований человека по профессии, которые выступают мотивирующей основой диминутивов. Они отличаются значительной фамильярностью, поэтому выражают не доброжелательную непринужденность, а бесцеремонность, граничащую с наглостью.

В 119 лексемах (24%) диминутивное значение выражается морфологически, а также с помощью слов-маркеров уменьшительности в толковании: *vice-director* ‘заместитель директора’ – *deputy* to a director, often empowered to assume the position on his or her death or absence; *junior sergeant* ‘младший сержант’ – a military rank used in the armed forces of many countries usually placed below sergeant. Однако, при взаимодействии с нейтральной лексемой, обозначающей лицо по трудовой деятельности (*director* ‘директор’, *sergeant* ‘сержант’), диминутивный префикс *vice-* или прилагательное *junior* модифицируют значение мотивирующей основы, выражая только нейтральное значение подчиненного положения в иерархии без эмоционально-оценочных оттенков. На подчиненность указывает ряд слов-маркеров уменьшительности в толковании, среди них *lower-ranking* ‘более низкого ранга’, *subordinate* ‘подчиненный’, *second* ‘второй’, *deputy* ‘заместитель’, *assistant* ‘помощник’, *below* ‘под’ и другие: *underhousemaid* ‘горничная’ – a lower-ranking housemaid; *sub-lieutenant* ‘младший лейтенант’ – a commissioned officer in the British navy ranking immediately below lieutenant; *surmaster* ‘второй мастер’ – the second master or deputy head in a school.

В 384 наименованиях лица по трудовой деятельности (76%) сема пола выражена недифференцированно. Как правило, одна и та же лексическая единица используется для обозначения мужчины и женщины, что обусловлено популяризацией гендерной нейтральности в английском языке. На сегодняшний день, акцентирование половой принадлежности считается проявлением сексизма.

Сема пола дифференцирована в 120 диминутивных наименованиях лица по трудовой деятельности (24%): с семой мужского пола – 34 единицы, с семой женского пола – 86 единиц (7% и 17% соответственно). Лексикографически она представлена с помощью опорных слов *man* ‘мужчина’, *boy* ‘мальчик’, *fellow* ‘молодой человек’, *chap* ‘парень’, *male* ‘особь мужского пола’, *woman* ‘женщина’, *female* ‘особь женского пола’, а также нейтральных наименований женщин по профессии *actress* ‘актриса’, *maid* ‘служанка’, *midwife* ‘акушерка’ в дефиниции.

Иногда индикатором принадлежности лица к определенному полу выступает компонент структуры диминутива. Это может быть гипокористическая форма имени, например, *Johnny* ‘Джонни’ от *John* ‘Джон’ (*Johnny* ‘полицейский’ – *US a police officer*), *Tillie* ‘Тилли’ от *Matilda* ‘Матильда’ (*Toiling Tillie* ‘Трудяжка Тилли’ – *US used as a personification of the stereotypical female office worker*). В данном случае имя собственное переходит в имя нарицательное и используется для обозначения лица по профессии, часто в устойчивых словосочетаниях.

Кроме того, компонентом структуры диминутивного наименования лица по трудовой деятельности могут быть лексемы *chick* ‘цыпочка’, *pussy* ‘киска’, *bunny* ‘зайка’, *bimbo* ‘телка’. Лексические единицы с таким компонентом используются для обозначения лица женского пола по профессии: *checkout chick* ‘кассирша’ – *Aus a woman who works at a shop checkout*; *booth bunny* ‘промо модель’ – *US an attractive, well-built, sometimes scantily clad woman hired to work in a company’s booth during a trade show*. Подобные диминутивы обладают отрицательной коннотацией. Во-первых, они выражают несерьезное, пренебрежительное отношение к женщине, занимающейся какой-либо трудовой деятельностью. Негативная оценка усиливается, если женщина молода и внешне привлекательна,

так как в обществе сложились стереотипы о том, что молодость и женская красота свидетельствуют о низком уровне интеллекта. Во-вторых, диминутивные наименования женщины с компонентами *chick* ‘цыпочка’, *pussy* ‘киска’, *bunny* ‘зайка’, *bimbo* ‘телка’ отражают сексизм в английском языке, поскольку внимание говорящего фокусируется не на деловых качествах сотрудницы, а ее внешности.

В некоторых случаях сема пола представлена дифференцированно с помощью суффиксов. Речь идет о семе женского пола и суффиксах феминизации. Так, в наименовании лица по трудовой деятельности сема женского пола выражается суффиксом *-ess*, а диминутивное значение – с помощью уменьшительного префикса, например, *undergoverness* ‘заместительница губернатора’ – a subordinate governess.

Иногда единственным индикатором принадлежности лица к определенному полу выступают фоновые знания. Так, в диминутивных наименованиях человека, занимающегося проституцией, сема пола не всегда представлена лексикографически с помощью опорных слов *woman* ‘женщина’, *female* ‘женский’, *male* ‘мужской’ и зачастую ограничивается гендерно нейтральным словом *prostitute* в дефиниции, значение которого не дает представления о его половой принадлежности: *prostie* ‘проститутка’ – US a prostitute. Считаем, что такие диминутивы содержат сему женского пола, так как обычно, когда речь идет о работе в сфере сексуальных услуг, имеется в виду женщина.

В 12 диминутивных наименованиях лица по трудовой деятельности (2,4%) наблюдается дифференциация семы возраста. Сема юного возраста взаимодействует с семой мужского пола в 2 единицах (0,4%), с семой женского пола в 6 единицах (1,2%), с недифференцированным компонентом пола в 4 единицах (0,8%). Лексикографически она представлена с помощью опорных слов *young* ‘молодой’, *boy* ‘мальчик’ в словарной дефиниции. Иногда сема юного возраста представлена дифференцированно с помощью компонента структуры диминутива, например, *baby* ‘малыш’, *teeny* ‘подросток’, *girl* ‘девочка’, *kid* ‘ребенок’. В одном случае сема юного возраста интенсифицируется с помощью

наречия *very* ‘очень’, повторяющегося дважды в толковании, чтобы повысить эмоционально-оценочное значение: *baby pro* ‘молоденькая проститутка’ – *US a very, very young prostitute*. Незначительная дифференциация по признаку возраста в рамках данной лексико-семантической группы логична, поскольку трудовую деятельность могут осуществлять только лица, достигшие совершеннолетия.

Оценка диминутивных наименований лица по трудовой деятельности носит рациональный, эмоциональный и смешанный рационально-эмоциональный характер. Рациональный тип оценки определяется на основании слов-маркеров оценочности в дефиниции, которые представлены антонимичной парой хороший / плохой. В рамках настоящего исследования общеоценочные прилагательные *good* ‘хороший’ и *bad* ‘плохой’ эквивалентны частнооценочным прилагательным, в значение которых входит дополнительный компонент, относящийся к структуре оценки [12, с. 71]. Например, *minicelebrity* ‘мини-знаменитость’ – а *minor* *celebrity*. Сема «плохой» содержится в прилагательном *minor* ‘незначительный’.

Эмоциональный тип оценки эксплицируется пометами *derogatory*, *offensive*, *racially offensive* и подчеркивается принадлежностью диминутива к разговорному стилю, что маркируется пометами *slang*, *nautical slang*, *military slang*, *informal*, *colloquial*, *nursery*, *dialectal*. Так, в следующем примере эмоциональный характер оценки выражен стилистической пометой: *nursey* ‘нянечка’ – *nursery&colloq* а *nurse*. Соответствующие пометы в словарной статье указывают на широкую географию употребления диминутивов в неформальном стиле коммуникации: *UK, Scotland, Northern Ireland, US, North American, Canada, Australian, New Zealand, South Africa, Nigerian Saint Kitts and Nevis*.

Смешанный характер оценки эксплицируется словами-маркерами оценочности в дефиниции и пометами в словарной статье. В толковании следующего диминутива оценка выражена как имплицитно, так и эксплицитно: *huckster* ‘торгаш’ – *disapproving* а *person who sells in an aggressive or ruthless way*.

Отмечено преобладание отрицательно-оценочных диминутивных наименований лица по трудовой деятельности (373 единиц, 74%), например,

courtling ‘судейка’ – a fawning or sycophantic member of a royal court. Второе место по продуктивности занимают нейтральные диминутивы (121 единиц, 24%), например, *vice chairman* ‘вице-председатель’ – a person who takes on the responsibilities of a chairman in his absence. Наименьшей продуктивностью отличаются положительно-оценочные наименования лица (10 единиц, 2%), например, *baby hero* ‘малыш-герой’ – *US in the Vietnam war*, a brave soldier.

Таким образом, диминутивное значение наименований лица по трудовой деятельности может быть мотивировано морфологически или выражено с помощью слов-маркеров уменьшительности в толковании. Диминутивный компонент имеет гендерную и возрастную специфику, выражает как эмоционально-оценочное, так и нейтральное значение. Высокая продуктивность обозначений военнослужащего и сотрудника службы безопасности является важным показателем их актуальности в сознании англоязычного сообщества.

2.1.1.2 Лексико-семантическая подгруппа наименований лица по **хобби** насчитывает 45 единицы, что составляет 7% от диминутивов по роду занятий. Хобби – это любимое занятие человека, которым он регулярно занимается в свободное от трудовой или учебной деятельности время ради удовольствия.

В структуре лексического значения наименований лица по хобби выделяются 5 семантических признаков, указывающих на человека, который увлекается спортом, туризмом, музыкой, искусством, компьютерными технологиями, чтением книг или просмотром фильмов в жанре научной фантастики или любит слоняться по торговым центрам (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по хобби в английском языке

№ п/п	Семантические признаки	Кол-во	%	Примеры
1	2	3	4	5
1.	Спорт	30	69	<i>surfie</i> ‘серфингист’ – <i>slang (chiefly Austral)</i> a surf-riding enthusiast
2.	Туризм	6	14	<i>Johnny Tourist</i> ‘курортник’ – <i>UK</i> a holiday-maker

Окончание табл. 2.1

1	2	3	4	5
3.	Музыка	2	5	<i>folkie</i> ‘народник’ – a singer, player, or fan of folk music
4.	Искусство	2	5	<i>arty-farty</i> ‘художничек’ – <i>derogatory</i> someone involved with or practising in the arts
5.	Другое	5	7	<i>mallie</i> ‘подросток, который проводит досуг в торговых центрах’ – a young person who spends their free time at shopping centres
	Всего	45	100	

Как видно из таблицы 2.1, наибольшей продуктивностью отличаются наименования человека, который занимается спортом (серфингом, скейтбордингом, планеризмом, атлетикой, лыжным спортом) или посещает спортивный зал. Особого внимания заслуживают диминутивы, обозначающие серфингиста, поскольку в их семантике отражена специфика данного вида спорта. Так, для занятия серфингом нужны набегающие на берег морские волны (*surfie* ‘серфингист’ от *surf* ‘прибой’), специальная доска для скольжения по воде (*boardie* ‘серфингист’ от *board* ‘доска’), владение разными техниками и способами катания на волнах (*kneelo* ‘серфингист, который катается на доске, стоя на коленях’ от *kneel* ‘колени’, *windie* ‘виндсерфер’ от *wind* ‘ветер’). Примечательно, что данные названия используются в американском, австралийском и новозеландском английском, поскольку особенности географического положения и климат стран способствуют занятию жителей данным видом спорта.

Отдельного внимания заслуживают диминутивы с усилительным компонентом *junkie* ‘помешанный’. Изначально данный термин применялся к человеку, пристрастившемуся к наркотикам. Со временем в результате метафорического переосмысления значения слово стало использоваться в отношении того, кто испытывает сильную увлеченность каким-то занятием, например, *air junkie* ‘планерист-энтузиаст’ – *US* in the language of hang gliding, a devoted, obsessed flier. Рассматриваемое значение диминутивных наименований лица реализуется с помощью следующих маркеров в дефиниции: *enthusiast*

‘энтузиаст’, *geek* ‘помешанный’, *devoted* ‘преданный’, *fanatic* ‘фанатичный’, *addicted* ‘зависимый’, *obsessed* ‘одержимый’, *regular* ‘регулярный’, *spend a great deal of time* ‘проводить много времени’.

В корпусе диминутивных наименований лица по хобби зафиксированы единицы, в которых сочетается несколько сем: «хобби + сильная увлеченность», например, *gym junkie* ‘физкультурник’ – a person addicted to the gym; «хобби + опыт + поведение», например, *grom* ‘начинающий серфингист’ – *Aus* a beginner surfer, especially one with a cheeky attitude; «хобби + возраст», например, *grommet* ‘молодой серфингист или скейтбордист’ – *Aus slang* a young surfer or skateboarder; «хобби + пол + внешность + местность», например, *Tourist Annie* ‘туристка Энни’ – *Trinidad and Tobago* the stereotypical female tourist in Port of Spain, dressed in what she perceives as traditional island clothing.

В данной группе все диминутивные наименования лица являются моносемантическими (45 единиц, 100%). В 41 лексеме (91%) семантика диминутивности выражается на морфологическом уровне, например, *yachtie* ‘яхтсмен’ – a yachtsman or yachtswoman. Суффикс *-ie* сообщает разговорную окраску и придает наименованию человека по хобби неформальный оттенок.

С. Ш. Исакова отмечает, что диминутивность не исчерпывается размерным значением и может выражать уменьшение особого типа как, например, принадлежность ребенку [78, с. 14]. В 4 лексемах (9%) диминутивность выражается не только на морфологическом или синтаксическом уровне, но и с помощью слов-маркеров в дефиниции, например, *diaper dandy* ‘щеголь в памперсах’ – *US* an athlete in his first year of college. Здесь *dandy* ‘щеголь’ является уменьшительной формой мужского имени *Andrew* ‘Эндрю’, а структурный компонент *diaper* ‘памперс’ и маркер *in his first year of college* ‘первого года обучения в колледже’ подчеркивают юный возраст референта.

Наименования лица с семей пола составляют 14 единиц (31%), из них с семей женского пола – 13 единиц, с семей мужского пола – 1 единица (29% и 2% соответственно). Сема пола дифференцирована с помощью гипокористической

формы женского (*Betty* ‘Бетти’, *Annie* ‘Энни’, *Suzie* ‘Сьюзи’) или мужского имени (*Johnny* ‘Джонни’) в структуре лексемы: *skate Betty* ‘скейтбордистка Бетти’ – *US a girl who associates with skateboarders, perhaps skateboarding herself*. Кроме того, сема женского пола выражена посредством существительных *bunny* ‘зайка’, *girl* ‘девочка’, *woman* ‘женщина’ и *female* ‘особь женского пола’. С помощью структурного компонента *bunny* ‘зайка’ выражаются семы пола, возраста, внешности и поведения: *beach bunny* ‘любительница посещать пляжи’ – *a young female who spends a great deal of time at the beach, surfing or associating with surfers*. Такие единицы вызывают в сознании образ молодой привлекательной девушки, которая посещает какие-то локации для завязывания знакомств.

Среди диминутивных наименований лица по хобби выявлены 3 единицы с семой юного возраста (7%), которая выражена с помощью прилагательного *young* ‘молодой’ в дефиниции. В период юности особенно возрастает необходимость искать свое «я», чему способствуют занятия разными увлечениями на досуге.

Диминутивные наименования лица по хобби функционируют в диалектной, сленговой и жаргонно-просторечной среде. Территориальная и социальная ограниченность использования диминутивных прозвищ маркируется с помощью помет *slang*, *informal*, *UK*, *US*, *Aus*, *NZ*. Оценка 39 диминутивов (87%) носит эмоциональный характер и не обусловлена положительными или отрицательными качествами человека с тем или иным увлечением, например, *arty-farty* ‘художничек’ – *derogatory someone involved with or practising in the arts*. В 6 диминутивах (13%) оценка отрицательная рационально-эмоциональная. К примеру, в следующем случае рациональная оценка выражена прилагательным *unskilled* ‘неумелый’, а помета указывает на подростковый возраст коммуникантов и территорию употребления: *grem* ‘неумелый скейтбордист’ – *UK, teen slang an unskilled skateboarder*.

Таким образом, диминутивное значение наименований лица по хобби может быть мотивировано морфологически, синтаксически или выражено с помощью слов-маркеров уменьшительности в толковании. Диминутивы имеют ярко

выраженную сему женского пола и оценочное значение, их употребление ограничено разговорным стилем речи. Продуктивность наименований лица по спорту говорит об особой роли серфинга и скейтбординга в английской культуре.

2.1.1.3 Лексико-семантическая подгруппа наименований лица по **преступной деятельности** насчитывает 41 единицу (7%). Под преступной деятельностью понимается совершение общественно опасного действия, которое подлежит уголовной ответственности.

Как показал анализ, диминутивы группы используются для обозначения человека, совершившего различные преступления (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по преступной деятельности в английском языке

№ п/п	Семантические признаки	Кол-во	%	Примеры
1.	Преступник	28	67,5	<i>crim</i> ‘преступник’ – <i>US</i> a criminal
2.	Сутенер	5	12,5	<i>sweet daddy</i> ‘сладкий папочка’ – <i>US</i> a pimp
3.	Мошенник	3	7,5	<i>fraudster</i> ‘мошенник’ – <i>British derogatory</i> a person who commits fraud, especially in business dealings
4.	Контрабандист и покупатель наркотиков, табака	2	5	<i>dope daddy</i> ‘наркобарон’ – <i>US</i> a drug dealer
5.	Насильник	2	5	<i>rapo</i> ‘насильник’ – <i>US</i> a rapist
6.	Вор	1	2,5	<i>comeback kid</i> ‘вор, вломившийся в свой гостиничный номер после выселения, используя тот же ключ’ – <i>US</i> a thief who breaks into a hotel room where he has previously stayed, using a key he failed to return
	Всего	41	100	

Как свидетельствуют данные таблицы 2.2, рассматриваемые диминутивные наименования лица обозначают преступника (рецидивиста, хулигана, члена преступной группировки), сутенера, мошенника, торговца и покупателя наркотиков или табака, насильника, вора. Наибольшей продуктивностью характеризуются диминутивы с обобщенным значением преступника, которые не уточняют вид совершенного преступления (28 единиц, 67,5%).

В корпусе рассматриваемой группы зафиксированы единицы, в которых сочетается несколько сем: «преступная деятельность + социальный статус», например, *little wheel* ‘мелкая сошка’ – *US a secondary rank of gang leader*; «преступная деятельность + повторная судимость», например, *puggy* ‘закоренелый преступник’ – *a hardened criminal*; «преступная деятельность + возраст», например, *juvie* ‘малолетний преступник’ – *a juvenile delinquent*; «преступная деятельность + раса + местность», например, *skolly* ‘хулиган’ – *especially in Cape Town, a non-white street hoodlum or petty criminal*.

В данной лексико-семантической группе все диминутивные наименования лица являются моносемантическими (41 единица, 100%). В 33 единицах (80%) семантика диминутивности выражается на морфологическом или синтаксическом уровне, например, *carvie* ‘табачный барон’ – *UK a prisoner who deals in contraband tobacco; a tobacco baron*. В 8 лексемах (20%) семантика диминутивности выражается еще и с помощью слов-маркеров в дефиниции. Рассмотрим синтаксический диминутив *little wheel* ‘мелкая сошка’, который обозначает заместителя лидера банды, то есть того, кто имеет власть, но остается менее важным, чем фактический главарь. Прилагательное *little* ‘маленький’ передает значение подчиненного положения, недостаточности важности и влияния, что сопровождается маркером *secondary* ‘второстепенный’

Когда речь идет о преступнике, в сознании возникает образ взрослого мужчины. Как показывает анализ материала, в дефиниции таких диминутивов семантический признак «преступная деятельность» выражен с помощью таких маркеров как *criminal* ‘преступник’, *thief* ‘вор’, *customer* ‘покупатель’, *prisoner* ‘заключенный’, *hoodlum* ‘бандит’, *escapee* ‘беглый преступник’, *leader* ‘лидер’, *member* ‘член’, которые в английском языке являются гендерно нейтральными.

Сема пола дифференцирована в 13 диминутивах (32%), из них сема мужского пола – в 12 единицах, сема женского пола – в 1 единице (29% и 3% соответственно). Гендерными маркерами выступают существительные *daddy* ‘папочка’, *female* ‘особь женского пола’, гипокористическая форма мужского

имени (*Jim* ‘Джим’, *Jack* ‘Джек’, *Joe* ‘Джо’, *Johnny* ‘Джонни’, *Charlie* ‘Чарли’) в структуре лексемы, а также существительные *boy* ‘мальчик’, *man* ‘мужчина’, *larrikin* ‘молодой хулиган’, *pimp* ‘сутенер’ в дефиниции: *shadie* ‘преступник’ – *US* a man, especially a young man, who spends his life on the edges of crime; *widgie* ‘малолетняя преступница’ – *Austral&NZ* a teenage female delinquent.

Дифференциация семы возраста наблюдается в 7 диминутивных наименованиях лица (17%). Лексикографически она представлена с помощью существительных *boy* ‘мальчик’, *larrikin* ‘молодой хулиган’ и прилагательных *young* ‘молодой’, *teenage* ‘подростковый’, *juvenile* ‘малолетний’ в дефиниции: *little shakesman* ‘маленький воришка’ – *UK* a small boy in a gang of burglars who is put through a narrow opening into a house, then lets the gang in.

Все диминутивные наименования лица по криминальной деятельности обладают рационально-эмоциональной оценкой, отрицательный характер которой заложен в названия преступника и обусловлен соотношением объекта номинации с системой ценностей данного общества.

Анализ наименований лица по преступной деятельности показал, что уменьшительное значение может выражаться на морфологическом и синтаксическом уровне, а также с помощью маркерных слов в дефиниции. Диминутивы группы обычно обозначают опытного преступника-мужчину. Продуктивность наименований малолетнего бандита связана с тем, что криминалитеты часто используют детей для разведки, ведь в силу маленького размера и ловкости им легче оставаться незаметными и не вызывать подозрения у окружающих. Кроме того, в связи с юным возрастом подростки часто вступают в молодежные преступные группировки, нарушают законы и социальные нормы, демонстрируя тем самым свой протест и несогласие с установленными правилами. Отрицательная оценка диминутивов имплицитно включена в названия преступника, что провоцирует негативное отношение.

2.1.1.4 Лексико-семантическая подгруппа **наименований лица по учебной деятельности** насчитывает 27 единиц, что составляет 4% от диминутивных

наименований лица по роду занятий. Под учебной деятельностью понимается целенаправленный процесс освоения учащимися знаний и умений.

В корпусе подгруппы выявлены единицы, в которых сочетается несколько сем: «учебная деятельность + место учебы», например, *schoolie* ‘школьник’ – *Aus* a school student; «учебная деятельность + место учебы + пол», например, *Joe College* ‘студент Джо’ – a stereotypical male college student; «учебная деятельность + место учебы + год обучения», например, *yearling* ‘студент первого курса’ – a student in his or her first year or beginning his or her second year at college; «учебная деятельность + поведение + пол», например, *high-school Harry* ‘старшеклассник Гарри’ – *US* an immature college male; «учебная деятельность + характер», например, *keeno* ‘зубрила’ – a pupil who works hard; «учебная деятельность + успеваемость», например, *underscorer* ‘студент, набравший меньшее количество баллов’ – one who achieves an unsatisfactorily low score on a test.

В данной подгруппе все наименования лица являются моносемантическими единицами, у которых диминутивность выражается на морфологическом или синтаксическом уровне, возможно маркерным словом в толковании. Например, следующий диминутив с суффиксом *-ie* используется в американском английском в неформальном общении для обозначения учащегося Йельского университета в Америке, доказательством этому служит лексикографическая помета: *Yalie* ‘йелец’ – *US colloq* a student or graduate of Yale University.

Как показывает анализ, большинство диминутивных наименований лица по учебной деятельности являются гендерно нейтральными единицами, а чем свидетельствуют маркеры *student* ‘студент’, *pupil* ‘ученик’, *swot* ‘зубрила’, *alumna* ‘выпускник’, *undergraduate* ‘студент последнего курса’, *graduate* ‘выпускник’, *postgraduate* ‘аспирант’. Данное наблюдение подтверждает тот факт, что право на образование является универсальным правом каждого человека.

Все же дифференциация по признаку пола прослеживается в 7 диминутивах по учебной деятельности (26%): с семой мужского пола – 2 единицы, с семой женского пола – 5 единиц (7% и 19% соответственно). Лексикографически она

представлена с помощью гипокористической формы женского (*Harriet* ‘Гарриет’) и мужского имени (*Joe* ‘Джо’, *Harry* ‘Гарри’) в структуре лексемы, а также существительных *male* ‘особь мужского пола’, *female* ‘особь женского пола’, *girl* ‘девочка’ в дефиниции. Например, в следующем слове диминутивная семантика и сема женского пола одновременно выражены через суффикс *-ette*, на коннотацию указывает эмотивная помета: *undergradurette* ‘студентка колледжа’ – *joc a female undergraduate* (i.e. college student).

Сема возраста дифференцирована только в одном диминутиве (4%) и выражена прилагательным *immature* ‘незрелый’ в дефиниции: *high-school Harry* ‘старшеклассник Гарри’ – *US an immature college male*. Вероятно, это связано с тем, что юный возраст лица по учебной деятельности считается чем-то само собой разумеющимся, так как основы знаний и умений закладываются в малом возрасте.

24 диминутивных прозвища учащихся (89%) наделены эмоциональной оценкой и являются частью современного сленга, который используется как в молодежной среде (школьниками, студентами, молодыми преподавателями), так и лицами среднего и старшего возраста. Три диминутива (11%) наделены рационально-эмоциональной оценкой, характер которой мотивирован качеством успеваемости, поведением или характером ученика. Например, в следующем случае рациональная оценка выражена фразой *spends too much time studying* ‘проводит слишком много времени за учебой’, а пометы передают неодобрительное отношение и неформальность коммуникативной ситуации: *keeno* ‘зубрила’ – *informal, disapproving a person who spends too much time studying*.

Таким образом, диминутивное значение наименований лица по учебной деятельности может быть мотивировано морфологически, синтаксически или выражено маркерным словом. В целом диминутивы гендерно нейтральны. Наименования учащегося обладают ярко выраженной эмоциональной оценкой и используются в неформальном общении.

2.1.2 Наименования лица по поведению

Второе место по продуктивности занимают диминутивные наименования лица по поведению (246 единиц, 11,6%). Поведение трактуется нами как совокупность поступков и действий человека, которые регулируются нормами нравственности и представлениями о хорошем и плохом, а также вызывают одобрение или неодобрение общества. В зависимости от оценочной и эмоциональной характеристики диминутивов выделяются наименования лица по положительному и отрицательному поведению (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по поведению в английском языке

№ п/п	Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1.	Отрицательное поведение	233	95	<i>aggie</i> 'агрессивный человек' – <i>US</i> an aggressive, domineering male
2.	Положительное поведение	13	5	<i>goody-goody</i> 'хороший человек' – <i>colloq</i> a good person
	Всего	246	100	

Данные, приведенные в таблице 2.3, указывают на преобладание диминутивных наименований лица по отрицательному поведению. Это объясняется тем, что человеку свойственно замечать плохое в окружающей действительности и вербально реагировать на него.

Еще одним подтверждением сказанного является семантическая структура диминутивов по поведению, в которой зафиксировано большее разнообразие порицаемых обществом поступков нежели одобряемых. В структуре пейоративов выделяется 27 сем: сексуальная распущенность, гомосексуализм, эксцентричность, хулиганство, самодовольство, грубость, бесчестность, бездельничество, надоедливость, критиканство, болтливость, шутовство, злодеяние, крикливость, легковёрность, занудство, безвольность, хитрость, своенравность, агрессивность, ворчливость, заискивание, плаксивость, обидчивость, простоватость, привередливость, чрезмерная осторожность. В

структуре мелиоративов выделяется только 4 семы: добродетель, упорство, хорошее поведение, утонченность.

Первое место по продуктивности занимают наименования сексуально распущенного человека (80 единиц, 33%). Данное наблюдение свидетельствует об активном процессе сексуальной революции, который происходит в развитых странах Запада со второй половины XX века и по настоящее время. Отметим, что диминутивные наименования развратного человека являются гендерно маркированными единицами. Так, в корпусе зафиксированы наименования сексуально раскрепощенной женщины (*coquette* ‘кокетка’ – a woman who trifles with men’s affections), девушки с беспорядочными половыми связями (*slaggy* ‘распутная девица’ – US a groupie who is promiscuous and sluttish, even by groupie standards), бабника (*sugar cookie* ‘сахарная печенька’ – a man who pursues casual sexual relationships with multiple women), нерешительного любовника (*old slowie* ‘нерешительный любовник’ – an indecisive man with whom one has sexual relations). Среди диминутивных наименований сексуально распущенного человека преобладают диминутивы с семой женского пола. Это подтверждает, что в современном обществе женщина рассматривается как объект сексуального желания, причиной которого часто служит привлекательная внешность или специфическая манера поведения, формирующие образ сексуально доступной женщины. В свою очередь, диминутивные наименования с семой мужского пола указывают на то, что нередко молодой неженатый мужчина любит ухаживать за женщинами, а женатый мужчина имеет любовные отношения на стороне.

Также значительной продуктивностью отличаются наименования гомосексуального человека (48 единиц, 20%). На наш взгляд, высокая численность таких наименований лица в английском языке связана с ослаблением гендерной деполяризации в Западном мире, что приводит к феминизации мужчин, маскулинизации женщин и нормализации однополых отношений. В 40 диминутивах данной группы прослеживается дифференциация по признаку пола (16%): с семой мужского пола – 29 единиц, с семой женского пола – 11 единиц

(12% и 4% соответственно), например, *tophy* ‘гомик’ – *slang, chiefly S. Afr.* a male homosexual; *lessie* ‘лесби’ – *slang* a female homosexual.

Диминутивные наименования эксцентричного человека занимают третье место по продуктивности (17 единиц, 7%). На улицах западных демократических держав, которые гарантируют свободу самовыражения своим гражданам, в большом количестве встречаются люди с экстравагантным внешним видом и не менее необычным, вызывающим поведением. В английском языке таких людей называют *bizarro* ‘чудик’ – *US* a *bizarre* person. Часто в лексическом значении таких наименований лица сочетаются семы «поведение + здоровье», например, *wacko* ‘шизик’ – *slang (orig&chiefly N. Amer)* a mad or eccentric person. Таким образом, чудаковатое поведение, выходящее за рамки общепринятых норм и шокирующее окружающих, объясняется расстройствами психики.

Четвертое место по продуктивности занимают наименования хулиганистого человека (14 единиц, 6%). Среди таких единиц отмечены диминутивы с семой юного возраста, например, *jillet* ‘кокетка’ – *Scot* a frivolous or irresponsible young woman, a wench. Это наблюдение можно объяснить тем, что в данный период индивид проходит этап становления, и у него все еще формируется культура поведения. В корпусе зафиксированы наименования хулиганистого человека с семой мужского и женского пола. Особый интерес представляют наименования девушки-хулиганки, образованные от соответствующих названий лица мужского пола с помощью суффикса *-ette*, такие как *thugette* ‘бандитка’ от *thug* ‘бандит’. Хулиганистость, которая всегда считалась типично мужской чертой поведения, перенимается женщинами. Считаем, что появление в английском языке таких слов свидетельствует о смещении гендерных ролей в современном обществе.

В корпусе данной группы зафиксированы лексемы, в которых сочетаются несколько сем: «поведение + пол», например, *blokette* ‘женщина, которая не теряет самообладания перед мужчиной’ – *joc, Aus slang* a woman who can hold her own with the men; «поведение + раса + пол», например, *Uncle Tom* ‘дядя Том’ – *derog* a black man who is submissively loyal or servile to white people; «поведение +

умственные способности + пол + возраст», например, *birkie* ‘умник’ – *joc, Scot a lively smart assertive (especially young) man*; «поведение + характер + внешность + возраст», например, *angelet* ‘ангелочек’ – *rare a beautiful, sweetly innocent, or very well-behaved child*.

В данной лексико-семантической группе моносемантические диминутивные наименования лица (238 единиц) заметно преобладают над полисемантическими (8 единиц) (97% и 3% соответственно). В 36 лексемах (15%) семантика диминутивности выражается не только на морфологическом, синтаксическом или лексическом уровне, но и с помощью слов-маркеров в дефиниции, например, *baby vamp* ‘малышка-соблазнительница’ – *informal, dated a young adult aged girl or a young woman who is seductive and uses her physical attractiveness and unparalleled charm for manipulation of male*. В данном диминутивном словосочетании прилагательное *baby* ‘маленький’ модифицирует значение стержневого компонента, указывая на юный возраст обольстительницы, что находит выражение в маркере *young* ‘молодой’. Указанием на неформальность является усечение слова *vampire* ‘вампир’ и соответствующая стилистическая помета.

В дефинициях наименований человека по поведению отмечен ряд слов-маркеров объективной и переосмысленной уменьшительности. Сема объективной малости, согласно Ю. В. Слабко, описывает размер и возраст человека, который проявляется через компоненты «детскость» и «молодость» [167, с. 7]. Маленький размер и низкий рост, являющиеся отклонением от антропометрической нормы, актуализируются через маркер *small* ‘маленький’ (*budgie* ‘говорящий попугайчик’ – *UK a talkative man, especially one of small stature*). На юный возраст адресата может указывать маркер *young* ‘молодой’ (*bungo-toughy* ‘маленький разбойник’ – *Guyana a young child who behaves poorly; a little ruffian*), в то время как маркер *little* ‘маленький’ реализует размерную сему и эмосему.

По мнению С. Ш. Исаковой, диминутивность связана не только со значением уменьшенных экземпляров и принадлежностью ребенку, но также может выражать свойственность женщине [78, с. 14]. В этой связи

диминутивными маркерами также можно рассматривать *effeminate* ‘женоподобный’, *lacking in masculinity* ‘недостаточно мужественный’ в толковании: *gussie* ‘женоподобный мужчина’ – *Aus, US* a weak, effeminate man; thus a male homosexual; *poncey* ‘гомик’ – *derog* a gay man and used to describe any man considered to be lacking in masculinity. В английском языке женоподобного или гомосексуального мужчину называют гипокористической или сокращенной формой женского имени, чтобы вызвать ассоциации с женским началом (*Kate* ‘гомосексуал’ – *US* used as a term of address among male homosexuals).

Еще один вариант развития переносных значений малости просматривается на примере маркера *minor* ‘незначительный’, который указывает на малую значимость и второстепенность (*wide-o* ‘мелкий злодей’ – a minor villain).

Дифференциация по признаку пола прослеживается в 140 диминутивных наименованиях лица по поведению (57%): с семей мужского пола – 55 единиц, с семей женского пола – 85 единиц (22% и 35% соответственно). Лексикографически она представлена с помощью опорных слов *man* ‘мужчина’, *male* ‘особь мужского пола’, *youth* ‘юноша’, *boy* ‘мальчик’, *woman* ‘женщина’, *female* ‘особь женского пола’, *girl* ‘девочка’, *hoeyden* ‘разбитная девица’ в словарной дефиниции.

Гендерным маркером наименований лица по поведению могут служить существительные *daddy* ‘папочка’, *papa* ‘папа’, *mama* ‘мама’, *grannie* ‘бабушка’, *uncle* ‘дядя’, *aunt* ‘тетя’, *chick* ‘цыпочка’ и гипокористическая или сокращенная форма имени в структуре лексемы. Например, диминутивные словосочетания с компонентом *uncle* ‘дядя’ используются для обращения к любому мужчине, как и словосочетания с компонентом *aunt* ‘тетя’ – к любой женщине. Проиллюстрируем генерализацию значения диминутивных единиц следующими примерами: *Aunt Tillie* ‘тетушка Тилли’ – *US* a fussy old maid; *Sam Slick* ‘Сэм Слик’ – *US slang* a type of smooth-spoken sharp-practising New Englander; a resourceful trickster.

Встречаются случаи, когда диминутивы, относящиеся к женскому или мужскому роду, применяются к представителям обоих полов. Словосочетанием

old grannie ‘старушка’ называют любого придирчивого или назойливого человека, а фразеологизмом *moaning Minnie* ‘ворчун’ от *Wilhelmina* ‘Вильгельмина’ – любого ноющего, вечно недовольного человека.

Выявлены диминутивы с суффиксом *-ette*, сообщающим об уподоблении женщины мужчине по антиповедению и выражающим пренебрежительное отношение: *chavette* ‘гопница’ – *Britain, derog, slang a female chav*.

В 39 диминутивных наименованиях (16%) наблюдается дифференциация по возрасту: юность – 33 единицы, старость – 6 единиц (13% и 3% соответственно). Сема юного возраста взаимодействует с семой мужского пола в 6 единицах (2%), с семой женского пола в 22 единицах (9%), с недифференцированным компонентом пола в 5 единицах (2%). Сема старческого возраста пересекается с семой мужского пола в одной единице (1%) и с семой женского пола в 5 единицах (2%). Сема возраста представлена с помощью опорных слов *child* ‘ребенок’, *girl* ‘девочка’, *little* ‘маленький’, *young* ‘молодой’, *old* ‘старый’ в дефиниции или компонента структуры *baby* ‘маленький’, *kitten* ‘котенок’.

В целом оценка наименований лица по поведению носит смешанный рационально-эмоциональный характер. В следующем примере сема «плохой» содержится в толковании и выражена оценочной пометой: *puppet* ‘марионетка’ – *disapproving a person who is easily manipulated or controlled*. Эмотивность эксплицируется эмоционально-экспрессивными пометами (*derogatory, offensive, humorous, ironical, jocular*) и маркерами семантической деривации (*fig, transf*). Стилистические пометы, соотносящие диминутив с литературно-книжной (*archaic, obsolete, dated, historical, rare*) и разговорной лексикой (*slang, informal, colloquial, dialectal, nursery*), сообщают о степени формальности.

В 4 единицах семантический признак поведения интенсифицируется с помощью прилагательного *excessive* ‘чрезмерный’, наречий *overly* ‘слишком’ и *very* ‘очень’, чтобы указать на высокую степень проявления признака.

2.1.3 Наименования лица по возрасту

Третье место по продуктивности занимают диминутивные наименования лица по возрасту (239 единиц, 11,2%). В ходе исследования удалось сгруппировать их по 5 возрастным категориям: младенчество, детство, юность / молодость, зрелость, старость (см. табл. 2.4).

Таблица 2.4

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по возрасту в английском языке

№ п/п	Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1.	Детство	114	48	<i>legit</i> ‘законнорожденный ребенок’ – <i>colloq</i> a legitimate child
2.	Юность / молодость	59	25	<i>chicklet</i> ‘цыпочка’ – <i>slang</i> a young woman
3.	Зрелость	33	14	<i>blokey</i> ‘паренек’ – <i>UK</i> a man
4.	Старость	17	7	<i>wrinkly</i> ‘старикашка’ – <i>slang, derogatory British</i> an old person
5.	Младенчество	16	6	<i>weanling</i> ‘отнятый от груди ребёнок’ – a human child that has been recently weaned
	Всего	239	100	

Как свидетельствуют приведенные в таблице 2.4 данные, наибольшей продуктивностью отличаются наименования ребенка (114 единиц, 48%). Данное наблюдение закономерно, так как центральное значение диминутивности – это «ребенок». Также высокой продуктивностью характеризуются наименования молодого человека (59 единиц, 25%), так как в этом возрасте индивид воплощает собой красоту и надежду на светлое будущее. Вместе с тем, наименования взрослого человека также многочисленны (33 единицы, 14%), поскольку средний возраст считается наиболее продуктивным периодом жизни. Наименьшей номинативной плотностью характеризуются обозначения пожилого человека (17 единиц, 7%) и новорожденного ребенка (16 единиц, 6%).

Анализ семантических особенностей английских диминутивных наименований лица по возрасту позволил установить бинарную оппозицию «молодость – старость», которая равнозначна таким дихотомическим парам как «начало – конец», «норма – не норма». Статистические показатели дают

возможность сделать определенные выводы. Возраст – это не просто количество лет от рождения человека, а конструкт, которым измеряется уровень социальных достижений индивида. Интерес англоязычного общества к человеку молодого возраста объясняется тем, что на него возлагается основная надежда и ответственность за решение общественно значимых задач и общее благосостояние. Возможности пожилого человека и младенца одинаково ограничены, поэтому оба не могут принести пользы обществу и государству. Не зря народная мудрость гласит: «Что старый, что малый».

В корпусе группы выявлены единицы, в структуре которых сочетаются несколько сем: «возраст + медицинские показания», например, *prem* ‘недоношенный новорожденный ребенок’ – a premature baby; «возраст + родительское попечение», например, *foundling* ‘подкидыш’ – an infant that has been abandoned by its parents and is discovered and cared for by others; «возраст + социальный статус + материальный статус», например, *yuppette* ‘ребенок яппи’ – *slang* a brat child of yuppie; born with the proverbial spoon in his or her mouth; «возраст + опыт», например, *sapling* ‘юнец’ – a young or inexperienced person; «возраст + пол» например, *kitten* ‘котенок’ – *US* a young girl; «возраст + пол + внешность», например, *pimplie* ‘прыщавый’ – a youth, especially a spotty-faced youth; «возраст + пол + внешность + поведение», например, *mostie* ‘сексуально привлекательная женщина’ – *NZ* a sexually attractive woman; «возраст + пол + внешность + умственные способности», например, *gigglette* ‘хохотушка’ – an attractive young girl of limited intelligence; «возраст + пол + убеждения», например, *teenie* ‘девочка-подросток’ – *colloq.* a young teenager or pre-teenager, esp. a female one who keenly follows the latest fashions in pop music, clothes, etc; «возраст + пол + семейный статус», например, *maiden* ‘незамужняя девушка’ – *now chiefly literary* a girl or an unmarried young woman.

В данной лексико-семантической группе моносемантические диминутивные наименования лица (211 единиц) превалируют над полисемантическими (28 единиц) (88% и 12% соответственно). В 50 лексемах (21%) диминутивное

значение выражается только на морфологическом уровне, например, *grimy* ‘женщина средних лет’ – *UK a middle-aged woman*. В 189 лексемах (79%) семантика диминутивности выражается морфологически и с помощью маркеров в толковании, например, *reckling* ‘младший ребенок в семье’ – *dial the youngest or smallest child in a family*. На высшую степень малости указывает превосходная степень сравнения прилагательных *young* ‘молодой’ и *small* ‘маленький’ в дефиниции, а также диминутивный суффикс *-ling*.

Сема пола прослеживается в 124 диминутивах (51%) и взаимодействует с признаком «юность / молодость» в 46 единицах (19%), «детство» в 41 единице (17%), «взрослость» в 32 единицах (13%), «старость» в 5 единицах (2%). Дифференциация по признаку пола совсем не выявлена среди наименований лица по младенческому возрасту. Данное наблюдение можно связать с тем, что на первом году жизни между полами сохраняется равенство и дети являются своего рода бесполовыми существами.

Диминутивы с семой мужского пола составляют 33 единицы, с семой женского пола – 91 единицу (14% и 38% соответственно). Лексикографически сема пола представлена с помощью опорных слов *man* ‘мужчина’, *male* ‘особь мужского пола’, *lad* ‘парень’, *fellow* ‘молодой человек’, *chap* ‘парень’, *youth* ‘юноша’, *bloke* ‘парень’, *boy* ‘мальчик’, *woman* ‘женщина’, *female* ‘особь женского пола’, *lady* ‘леди’, *miss* ‘мисс’, *girl* ‘девочка’ в словарной дефиниции.

Гендерным маркером наименований лица по возрасту могут служить производящие основы диминутивных существительных *miss* ‘мисс’, *girl* ‘девочка’, *lady* ‘леди’, *lass* ‘девочка’ (*lassie* ‘девчушка’ – *chiefly Scot. a term of endearment for a girl, a young woman*) и *boy* ‘мальчик’, *chap* ‘парень’ (*boykin* ‘мальчишка’ – *rare, as a term of affection a little boy*).

Также на половую принадлежность адресата могут указывать суффиксы диминутивных существительных, заимствованных в английский из романских языков. Испанские суффиксы *-ito / -ita* и эквивалентные итальянские *-ino / -ina* образуют уменьшительно-ласкательные формы наименований лица мужского и

женского пола соответственно, например, *senorita* ‘сеньорита’ – a respectful form of address to a young esp. unmarried Spanish or Spanish-speaking woman.

Оценка диминутивных наименований лица по возрасту носит смешанный рационально-эмоциональный характер. Они реализуют денотативные семы «детскости» и «молодости» или «взрослости» и «старости» и выражают эмоционально-оценочное отношение к констатируемому факту. Так, *ladykin* – это не просто маленькая юная леди, а милая, симпатичная, приятная девочка: *ladykin* ‘маленькая леди’ – *sometimes used as an endearment a little lady*.

При обращении к детям и в разговорах взрослых о детях диминутивные наименования лица по возрасту, как правило, выражают ласковое отношение, нежность, умиление, несерьезность, что выражается пометами *affectionately, an endearing term of address, jocular, a patronising term of address*. Диминутивы, маркированные стилистическими пометами *informal, colloq, slang, as a familiar form of address, dial*, используются при неформальном дружеском или интимном общении и передают как ласкательность, так и уничижительность, что выражается пометами *derog, offensive, vulgar, a term of contempt*. Например, *chick* ‘цыпочка’ – *slang, informal, sometimes offensive a young woman*.

В 5 единицах наблюдается интенсификация признака малого возраста с помощью наречия *very* ‘очень’.

2.1.4 Наименования лица по этнорасовой принадлежности

Рассмотрим далее диминутивные наименования лица по этнорасовой принадлежности (141 единица, 6,6%). Этническая картина мира включает в себя расу, этнос и язык. Сложное пересечение трех признаков дает возможность установить сочетание нескольких сем в структуре лексического значения английских диминутивных наименований лица: «лицо + этнос», например, *Chinky* ‘китаеза’ – *slang, offensive a Chinese person*; «лицо + раса», например, *blackie* ‘черныш’ – a black person. Таким образом, в рамках рассматриваемой лексико-семантической группы выделяются наименования представителей этносов (97 единиц, 69%) и рас (44 единицы, 31%).

В работе термин «этноним» понимается в широком смысле и интерпретируется как языковая единица, в которой актуализируется признак этнической, религиозной, политической или территориальной идентичности [7]. Генерализация значения данного термина вызвана текущими изменениями в восприятии собственной идентичности членами многих этнических сообществ.

Этнонимы – это нейтральные названия этносов, которые имеют только денотативное значение. Они, в свою очередь, производят этнические прозвища, которые именуют человека по этническому признаку и выражают субъективно-оценочное отношение к нему: *Esky* ‘эскимосик’ от *Eskimo* ‘эскимос’, *Nip* ‘япошка’ от *Japanese* ‘японец’. Этническое прозвище и этноним вступают в привативную оппозицию, в которой первый маркированный компонент информативно и коннотативно богаче немаркированного официального названия.

Среди этнических прозвищ с диминутивным значением выявлены названия представителей крупных этносов, образованных от макроэтнонимов; названия представителей небольших этнических групп и племен, образованные от микроэтнонимов; названия представителей рас (см. Приложение А, табл. А.3).

Как следует из таблицы А.3, наиболее частотными диминутивными прозвищами по этническому признаку являются названия представителей крупных этносов (86 единиц, 61%), а именно, еврея, англичанина, шотландца, ирландца, китайца, японца, австралийца, цыгана, немца. Малочисленными оказались диминутивы, именующие лицо другой национальности: американца, вьетнамца, француза, франкоканадца, египтянина, ливанца, пакистанца, филиппинца, венгра, корейца, албанца, араба, аргентинца, армянина, мексиканца, голландца, грека, новозеландца, тасманийца, костариканца, зимбабвийца, ямайца, новогвинейца, русского, уэльсца, индийца; и обозначающие лица смешанного этнического происхождения: англо-индеец, англо-австралиец, американец итальянского или албанского происхождения [144]. Наименования представителей небольших этнических групп и племен демонстрируют низкую продуктивность (11 единиц, 8%). Среди них прозвища австралийского аборигена,

эскимоса, апачи, маори, тонга. Диминутивные названия представителей рас также демонстрирую продуктивность (44 единицы, 31%). Наиболее численными оказались диминутивные наименования темнокожего человека. Как видим, чем выше экономический уровень народа, тем меньше стереотипов складывают о нем представители других этносов.

Примечательно, что прозвища по расе содержат указание на цвет кожи не только в значении, но и форме слова [17, с. 46]: *brownie* ‘черномазый’ от *brown* ‘коричневый’, *whitey* ‘белый (в речи темнокожих)’ от *white* ‘белый’.

В корпусе анализируемой группы зафиксированы наименования лица, в которых сочетаются несколько сем: «народность + пол», например, *Apachette* ‘апачка’ – *archaic, humorous a female Apache*; «народность + социальное положение + отношение», например, *Greekling* ‘грек’ – *a little Greek; a degenerate contemptible Greek*; «раса + внешность», например, *fuzzy-wuzzy* ‘курчавая голова’ – *slang, racially offensive a black person, esp, one with tightly curled hair*; «раса + народность + возраст + внешность», например, *pickaninny* ‘негритенок’ – *chiefly W. Indies, S. African, Austral a small black or Australian Aboriginal child*.

В данной лексико-семантической группе моносемантические диминутивные наименования лица (131 единица) преобладают над полисемантическими (10 единиц) (93% и 7% соответственно). Так, прозвищем *froggie* ‘лягушатник’ раньше называли голландцев, а сейчас французов и франко-канадцев. Во всех лексемах группы семантика диминутивности выражается на уровне слова (*Aussie* ‘австралиец’ – *informal an Australian*) или словосочетания (*Johnny Gypso* ‘египтянин Джонни’ – *UK an Egyptian*).

Дифференциация по признаку пола прослеживается в 13 диминутивах (9%): с семой мужского пола – 9 единиц, с семой женского пола – 4 единицы (6% и 3% соответственно). Маркером мужского пола служит диминутивный суффикс тагальского языка *-ou* и слово *man* ‘мужчина’ в дефиниции. Маркером женского пола может выступать суффикс французского происхождения *-ette*, диминутивный суффикс тагальского языка *-au* и слова *female* ‘особь женского

пола' и *woman* 'женщина' в дефиниции. Заимствованное из тагальского языка неформальное самоназвание филиппинцев имеет мужскую (*pino* 'пиной') и женскую (*pina* 'пинай') формы, отличающиеся диминутивным суффиксом, который добавляется к усеченной от *Filipino* 'филиппинец' основе *pino* 'пино'. Два диминутива именуют маленького темнокожего ребенка, например, *niglet* 'негритенок'. Сема малости выражается диминутивными суффиксами *-let* и *-ette*.

В большей степени оценка диминутивных наименований лица по этнорасовой принадлежности носит эмоциональный характер (134 единицы, 95%), и только в 7 единицах (5%) зафиксирован рационально-эмоциональный тип. Прежде чем определить характер оценки на оценочной шкале отметим, что большая часть диминутивных наименований лица по этнорасовой принадлежности являются экзоэтнонимами, то есть названиями, которые даны другими народами. Итак, все этномаркированные экзонимы выступают этническими или расовыми оскорблениями, а эндонимы добавляют фамильярность или шутливость. Например, диминутив *Pakky* 'паки' расценивается как презрительное прозвище пакистанцев у жителей Великобритании, а самоназвания *Aussie* 'австралиец' и *Tassie* 'тасманиец' не несут отрицательного посыла и лишь придают разговору дружеский и неофициальный стиль. В целом, в австралийском варианте английского языка диминутивы активно используются в повседневной речи и не огрубляют ее.

Данное явление напрямую связано с лингвокультурологической оппозицией «свой – чужой», которую можно интерпретировать как «мы – они» или «хороший – плохой». Действия «своих» рассматриваются как «правильные», «мирные», «дружеские», действия же их оппонентов – «чужих» ассоциируются с «неправильными», «плохими», «вражескими» [57, с. 8]. Отрицательное отношение может быть вызвано сложностями, с которыми сталкивается говорящий при попытках декодировать чужой мир со специфической системой ценностей, культурой, религией, типом внешности.

2.1.5 Наименования лица по умственным способностям

Рассмотрим далее диминутивные наименования лица по умственным способностям (118 единиц, 5,5%). Умственные способности – это способность человека к познанию, обобщению, оценке и решению сложных проблем. В зависимости от наличия или отсутствия у человека умственных способностей выделяются две семы в структуре лексического значения диминутивов – глупость и ум (см. табл. 2.5).

Таблица 2.5

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по умственным способностям в английском языке

№ п/п	Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1.	Глупость	114	97	<i>imbo</i> ‘дурачок’ – <i>Aus</i> a fool; an imbecile
2.	Ум	4	3	<i>cleverkins</i> ‘умняшка’ – <i>UK</i> a clever person
	Всего	118	100	

Как видно из таблицы 2.5, наименования лица с низким уровнем интеллекта (114 единиц, 97%) преобладают над обозначениями умного человека (4 единицы, 3%). Данная тенденция связана с присущим человеку свойством заострять внимание на чужих недостатках. Более того, недостаточность является одним из центральных значений диминутивности, а глупость расценивается как недостаток ума, то есть отклонение от нормы, порицаемое обществом.

В корпусе группы зафиксированы лексемы, в семантике которых сочетается несколько сем: «умственные способности + пол», например, *ditsy* ‘глупышка’ – *Aus* an empty-headed woman; «умственные способности + опыт», например, *gosling* ‘несмышлениш’ – *fig* a foolish, inexperienced person; «умственные способности + характер», например, *calf* ‘теленочек’ – *fig* a stupid or inoffensive person; «умственные способности + здоровье», например, *madling* ‘безумец’ – an insane or foolish person.

В рассматриваемой группе преобладают моносемантические диминутивы (116 единиц, 98%). Так, диминутив *sawney* называет простофилю и одновременно является устаревшим шутивным прозвищем шотландца.

Семантика диминутивности выражается на уровне слова и словосочетания. Как видно из примеров выше, уменьшительность передается через названия детенышей животных. Гипокористические формы некоторых мужских имен становятся нарицательными существительными и используются для обозначения глупого человека: *Dobbie* ‘Добби’ (от *Robert* ‘Роберт’), *Charley* ‘Чарли’ (от *Charles* ‘Чарльз’), *Tommy* ‘Томми’ (от *Thomson* ‘Томсон’). Считается, что добавление фемининного суффикса к мужским именам превращает слово в оскорбление. Также уменьшительная форма личного имени часто выступает компонентом рифмованных сленговых наименований лица, например, словосочетание *Willy Wonka* ‘Вилли Вонка’ рифмуется с *plonker* ‘придурок’.

Дифференциация по признаку женского пола прослеживается в 2 диминутивах (2%), сема юного возраста выражена в одной лексеме.

Все диминутивные наименования лица по умственным способностям содержат смешанный тип оценки, поскольку оппозицию «умный – глупый» можно интерпретировать как «хороший – плохой». Отмечено преобладание пейоративных диминутивов (114 единиц, 97%). Примечательно, что суффиксы *-caster* и *-ling* модифицируют значение мотивирующей основы *wit* ‘остряк’ и *witty* ‘остроумный’ таким образом, что слово приобретает пренебрежительный оттенок: *witticaster* ‘недалекий человек’ – an inferior or pretended wit.

В наименовании умной женщины *Einsteinette* ‘Эйнштейнетка’ наблюдается интенсификация признака с помощью усилительного наречия *extremely* ‘чрезвычайно’. Фамилия знаменитого физика-теоретика Альберта Эйнштейна стала именем нарицательным, когда идет речь о высоком уровне интеллекта.

2.1.6 Наименования лица по внешности

Рассмотрим диминутивные наименования лица по внешности (113 единиц, 5,3%). Под внешностью понимается комплекс зрительно воспринимаемых признаков человека. Черты лица, фигура, волосы, одежда, опрятность, сексуальная привлекательность – все это компоненты облика, на базе которых осуществляется оценка внешности индивида (см. Приложение А, табл. А.4).

Как следует из таблицы А.4, наименования привлекательного человека количественно превосходят обозначения непривлекательного индивида. Современная английская культура называет сексуальность и телосложение главными параметрами физической привлекательности, особенно молодого парня или девушки. Данный факт объясняется ценностными ориентирами англоязычного сообщества, которое продвигает призрачные идеалы красоты по всему миру и ценит внешнюю оболочку больше, чем внутренние качества.

Отметим, что красота является противоречивым понятием, так как пережитое чувство эстетического удовольствия или отвращения опирается как на объективные параметры объекта, так и зависит от личных предпочтений субъекта оценки. Например, соотношение роста и веса считается базовым показателем красивого и здорового тела, поэтому диминутивные прозвища коренастого человека с лишним весом выражают осуждение.

В корпусе группы зафиксированы единицы, в которых сочетаются семы «внешность + пол + возраст», например, *foxie* ‘красотулька’ – *US* an attractive girl.

Моносемантические диминутивы (107 единицы, 95%) преобладают над полисемантическими (6 единиц, 5%). Так, человека, внешне напоминающего маленькую круглощековую куколку-купидончика с завитком волос на голове, называют *kewpie* ‘пупсик’, вслед за патентованным названием бренда.

Семантика диминутивности выражается в структуре слова с помощью морфологических средств (*baldie* ‘лысик’ – *US* a bald man), вне слова с помощью синтаксических средств (*candy kid* ‘модница’ – *Canada* a girl who wears a lot of inexpensive plastic or acrylic jewellery).

Дифференциация по признаку пола прослеживается в 77 диминутивах (68%): с семой женского пола – 74 единицы, с семой мужского пола – 3 единицы (65% и 3% соответственно). Наиболее частотными гендерно-маркированными диминутивами по внешности оказались наименования сексуальной и привлекательной женщины. Сема юного возраста выражена в 7 лексемах (6%).

Наименования лица по внешности имеют смешанный и эмоциональный тип оценки. Параметрами для отрицательной рационально-эмоциональной оценки служат не вписывающиеся в рамки представлений о красоте черты: низкий рост, большой вес и нос, отсутствие волос на голове, неопрятность. Параметрами для положительной оценки выступают милость и сексуальность.

Признаки уродства и красоты интенсифицируются с помощью *very* ‘очень’ и *extremely* ‘чрезвычайно’: *mud puppy* ‘страшненькая девочка’ – *US a very ugly girl*; *patootie* ‘милашка’ – *US an extremely attractive young woman, girl or girlfriend*.

2.1.7 Наименования лица по межличностным отношениям

Обратимся к диминутивным наименованиям лица по межличностным отношениям (112 единиц, 5,2%). Основой межличностных отношений выступают чувства людей друг к другу, которые могут быть положительными, отрицательными и нейтральными. Поскольку диминутивы группы являются эмоционально-оценочными лексемами, выделяем наименования человека по доброжелательному и презрительному отношению (см. табл. 2.6).

Таблица 2.6

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по межличностным отношениям в английском языке

№ п/п	Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1.	Доброжелательность	91	81	<i>chucky</i> ‘цыпленочек’ – a term of endearment: <i>dearie, little one</i>
2.	Презрительность	21	19	<i>shmucko</i> ‘мерзавец’ – <i>Australia</i> a reprehensible person
	Всего	112	100	

Из таблицы 2.6 следует, что диминутивные наименования лица выражают два противоположных отношения к референту. Благожелательное чувство сближает людей, а враждебное, наоборот, разъединяет. Уменьшительно-ласкательные слова передают симпатию, любовь, нежность к любимому человеку (другу, возлюбленному, родственнику, ребенку), а уменьшительно-уничижительные слова выражают неприязнь, ненависть. Отмечено количественное преобладание мелиоративных диминутивов (91 единица, 81%)

над пейоративными (21 единица, 19%), что можно связать с важной ролью нравственных ценностей дружбы, любви и семьи в англоязычном сообществе.

В корпусе данной группы зафиксированы наименования лица, в которых сочетаются несколько сем: «межличностные отношения + пол», например, *broette* ‘подружка’ – *slang* a female comrade or friend; «межличностные отношения + характер», например, *walkie* ‘дружочек’ – *US* a close and dependable friend.

В данной лексико-семантической группе моносемантические диминутивные наименования лица (111 единиц) преобладают над полисемантическими (1 единица) (99% и 1% соответственно). Так, следующий диминутив одновременно называет женщину-недоброжелательницу и мелкого врага: *fiendette* ‘вражишка’ – 1) a female fiend; 2) a little fiend. Семантика диминутивности выражается преимущественно на уровне слова. В выборке также обнаружены малочисленные диминутивы-словосочетания: *poo-poo head* ‘засранец’ – *US* an objectionable person.

Единицы группы за исключением 2 лексем (1,8%) являются гендерно-нейтральными и могут употребляться как дружеское, ласковое или нежное обращение к представителю мужского и женского пола: *luvvy* ‘душечка’ – *colloq* used as a term of endearment: love, sweetheart. В то же время уменьшительно-ласкательные формы применяются как ко взрослому человеку, так и ребенку, и служат проявлением любви и нежности: *chickabiddy* ‘птенчик’ – *informal (originally nursery)* an affectionate form of address for a small child or a loved one.

Диминутивные наименования лица по межличностным отношениям наделены эмоциональной (*matey* ‘товарищ’ – *colloq* a companion, a mate) и смешанной (*guttie* ‘неприятный человек’ – *Ireland* an unpleasant person) оценкой. Некоторые слова меняют характер оценки в зависимости от контекста. Так, *sod* ‘негодник’ может использоваться как презрительно, так и любя.

2.1.8 Наименования лица по родству

Изучим диминутивные наименования лица по родству (103 единицы, 4,8%). Люди, происходящие от общего предка или состоящие в семейной связи,

считаются родственниками. Корпус наименований лица по родству включает названия близких и дальних родственников (см. Приложение А, табл. А.5).

Как свидетельствуют данные таблицы А.5, среди диминутивных наименований лица по родству самыми многочисленными являются обозначения матери (20 единиц, 19%), что свидетельствует о ее особой значимости в жизни каждого человека. Во-первых, во всех культурах архетип матери является древнейшим, ведь именно женщина – это прародительница, дающая начало роду. Во-вторых, в христианских англоязычных странах женское божественное начало подкрепляется образом Богородицы, матери Иисуса Христа. В-третьих, в связи с коренными изменениями общественных ценностей и модели брачно-семейных отношений на смену патриархату пришло гендерное равенство в семье.

В корпусе данной группы зафиксированы диминутивы, в которых сочетаются несколько сем: «родство + пол», например, *daddy* ‘папочка’ – *colloq a father*; «родство + форма семейного воспитания», например, *stepkid* ‘пасынок, падчерица’ – *a stepchild*. В данной группе моносемантические диминутивные наименования лица (88 единиц) преобладают над полисемантическими (15 единиц) (85% и 15% соответственно). К примеру, диминутивом *sissy* нежно называют сестру или с пренебрежением изнеженного мужчину; диминутивом *nana* с лаской обращаются к бабушке или уничижительно к глупому человеку.

Диминутивность выражается морфологическими и синтаксическими средствами. Интересным находим рифмованную сленговую номинацию *little blister* ‘маленький волдырь’, которая рифмуется с термином родства *sister* ‘сестра’ и используется для обозначения младшей сестры. Дифференциация по признаку пола прослеживается в 85 диминутивах (83%): с семьей женского пола – 44 единицы (мать, бабушка, тетя, сестра, внучка, жена), с семьей мужского пола – 41 единица (отец, дедушка, дядя, брат, сын, муж) (43% и 40% соответственно).

В диминутивных наименованиях лица по родству отмечена положительная эмоциональная оценка, так как функционально термины родства напоминают семейные титулы, которые не принято использовать в грубой форме. В редких

случаях единицы группы выражают фамильярность, что обусловлено разговорно-бытовым стилем общения с родственниками: *cuz* ‘кузен, кузина’ – *NZ* a cousin.

2.1.9 Наименования лица по состоянию здоровья

Рассмотрим диминутивные наименования лица по состоянию здоровья (90 единиц, 4,2%). Здоровье – это собирательное понятие, которое связано с физическим и психическим состоянием человека (см. табл. 2.7).

Таблица 2.7

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по состоянию здоровья в английском языке

№ п/п	Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1.	Физические особенности	24	27	<i>wheelie</i> ‘колясочник’ – <i>Austral</i> a person in or confined to a wheelchair
2.	Алкоголизм	19	21	<i>alco</i> ‘алкаш’ – <i>Austral</i> an alcoholic
3.	Наркомания	18	20	<i>dopey</i> ‘наркоман’ – <i>US</i> a drug user or addict
4.	Сексуальные расстройства	15	17	<i>transy</i> ‘транссексуал’ – <i>US</i> a transsexual
5.	Психические расстройства	9	10	<i>schizo</i> ‘шизик’ – <i>colloq</i> a schizophrenic
6.	Самочувствие	5	5	<i>tireling</i> ‘уставший человек’ – a tired person
	Всего	90	100	

Как показывают результаты количественного анализа, приведенные в таблице 2.7, самыми многочисленными являются наименования лица по физическим признакам (24 единицы, 27%), что связано со свойством человека в первую очередь обращать внимание на визуальные признаки нездоровья. Довольно многочисленными оказались наименования алкоголика, наркомана и человека с сексуальными расстройствами, что свидетельствует об актуальности данных явлений в современном английском обществе.

В корпусе данной группы зафиксированы наименования лица, в которых сочетаются несколько сем: «состояние здоровья + род занятий», например, *limbie* ‘инвалид’ – *NZ* an amputee, especially a member of the armed forces who has lost a limb; «состояние здоровья + пол», например, *old toughie* ‘мужчина с большой половой потенцией’ – *vulgar* a man with a strong sexual potency; «состояние

здоровья + пол + место жительства», например, *crack mama* ‘наркоманка’ – *US a homeless woman addicted to crack cocaine*.

В данной группе все лексемы моносемантически. Семантика диминутивности выражается преимущественно с помощью морфологических средств, встречаются и диминутивы-словосочетания. Дифференциация по женскому полу прослеживается в 4 диминутивах (4%). Отрицательная эмоциональная и смешанная оценка диминутивных прозвищ передает фамильярное и унижительное отношение к человеку с физическими особенностями и психическими недугами. Как уже говорилось ранее, особенностью австралийского английского является активное использование уменьшительных сокращений. Так, в разговорной речи беременную женщину называют *preggo* ‘беременяшка’, что порой может звучать не ласково, а оскорбительно по отношению к женщине в положении.

2.1.10 Наименования лица по убеждениям

Рассмотрим диминутивные наименования лица по убеждениям (75 единицы, 3,5%). Под убеждениями понимаются мировоззренческие принципы индивида, в правильность которых он твердо верит. В корпусе диминутивов данной группы зафиксированы наименования лица по обыденному мировоззрению, политической, социальной, религиозной, эстетической ориентации (см. табл. 2.8).

Таблица 2.8

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по убеждениям в английском языке

№ п/п	Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1.	Социальная ориентация	21	28	<i>fluffie</i> ‘пушистик’ – <i>UK an anti-globalisation activist with a belief in peaceful protest</i>
2.	Эстетическая ориентация	20	27	<i>glamour groovie</i> ‘гламурный модник’ – <i>US a fashion-conscious person</i>
3.	Религиозная ориентация	19	25	<i>muzzie</i> ‘мусульманин’ – <i>slang, offensive, religious slur a Muslim</i>
4.	Политическая ориентация	9	12	<i>leftie</i> ‘левак’ – <i>colloq an adherent of the left (in politics)</i>
5.	Обыденное мировоззрение	6	8	<i>foodie</i> ‘любитель поесть’ – <i>colloq a person with a particular interest in food</i>
	Всего	75	100	

Из таблицы 2.8 следует, что самыми многочисленными являются наименования человека по социальной (21 единица, 28%), эстетической (20 единиц, 27%) и религиозной ориентации (19 единиц, 25%). Это закономерно, поскольку внешний и внутренний облик человека, а также его реализация в обществе служат показателем гармоничного развития личности.

В корпусе группы зафиксированы наименования лица, в которых сочетается несколько сем: «убеждения + пол», например, *punkette* ‘панк-рокерша’ – a female member of the punk subculture; «убеждения + возраст + трудовая деятельность», например, *hipster* ‘хипстер’ – *informal* a liberal, culturally orientated person under 30, often in creative occupations; «убеждения + род занятий + этнорасовая принадлежность + место жительства», например, *bungie* ‘банджи’ – *South Africa* a mildly left-wing white student in South Africa during the struggle against apartheid.

В данной группе моносемантические (72 единицы) диминутивные наименования лица превалируют над полисемантическими (3 единицы) (96% и 4% соответственно). Например, диминутивом *earthling* называют жителя планеты Земля и приземленного человека, поглощенного житейскими заботами; диминутивом *leftie* обращаются к человеку, который владеет левой рукой лучше, чем правой, и приверженцу левых взглядов в политике.

Диминутивность выражается с помощью морфологических и синтаксических средств. Интересными находим суффиксные диминутивы по политической ориентации, мотивирующей основой которых выступают фамилии политиков. Например, сторонника Джорджа Буша называют *Bushie* ‘Буши’. Дифференциация по признаку пола прослеживается в 17 диминутивах (23%): с семьей женского пола – 14 единиц, с семьей мужского пола – 3 единицы (19% и 4% соответственно). Сема юного возраста выражена в 3 лексемах (4%).

Диминутивные наименования лица по убеждениям являются эмоционально-оценочными единицами, которые выражают оскорбительное или фамильярное отношение к последователю тех или иных взглядов. Например, диминутив *Trumpette* ‘Трампетка’ используется в американском политическом

сленге в социальных сетях для уничижительной номинации женщин-сторонниц Дональда Трампа. А поклонницы британского музыкального бойз-бенда The Vamps придумали общее фанатское имя *Vampette* ‘Вампетка’ по аналогии, например, со *Swiftie* ‘Свифти’ (фанат американской певицы Тейлор Свифт).

2.1.11 Наименования лица по месту жительства

Рассмотрим диминутивные наименования лица по месту жительства (71 единица, 3,3%). В зависимости от занимаемой территории место жительства можно рассматривать на макро- и микроуровне. К макропространству относятся город и регион, микропространству – деревня и жилое помещение; отдельного внимания заслуживают случаи смены места жительства в связи с иммиграцией (см. табл. 2.9).

Таблица 2.9

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по месту жительства в английском языке

№ п/п	Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1.	Макропространство	39	55	<i>Arkie</i> ‘арки, арканзасец’ – <i>contempt US a resident of Arkansas</i>
2.	Микропространство	25	35	<i>roomie</i> ‘сосед по комнате’ – <i>US a roommate</i>
3.	Смена места жительства	7	10	<i>hunkie</i> ‘венгр’ – <i>North American slang, derog an immigrant to North America from Hungary or the Slavonic countries of Europe, esp. one of inferior class.</i>
	Всего	71	100	

Из таблицы 2.9 видно, что наименования жителя макропространства являются самыми продуктивными (39 единиц, 55%). В английском языке анализируемые диминутивные прозвища номинируют лица, проживающие в Англии (Бирмингем, Ньюксл, графства Линкольншир и Западный Йоркшир), Шотландии (Шетландские острова), Ирландии (Дублин), Америке (штаты Арканзас и Оклахома), Канаде (Ньюфаундленд), Австралии (Сидней), Новой Зеландии (Окленд). Добавим, что английские диминутивы обозначают человека из англоязычной страны, которая имеет контакты или долгую историю взаимоотношений с Великобританией.

Среди диминутивных наименований лица по месту жительства выявлены этномаркированные оттопонимические образования, которые связаны с административно-территориальным делением государства, в котором проживает адресант: графство как в Англии (*Wessie* ‘весси’ – *colloq.* A resident of West Yorkshire, primarily Leeds), штат как в США (*Okie* ‘оки, житель Оклахомы’ – *colloq., chiefly US* a native or inhabitant of Oklahoma), остров (*Sheltie* ‘шелти, шетландец’ – *chiefly joc.* a Shetlander).

В данной группе моносемантические диминутивы (66 единиц) превалируют над полисемантическими (5 единиц) (93% и 7% соответственно). К примеру, многозначный диминутив *westie* ‘житель западных окраин’ именуется жителем западного района новозеландского Окленда или австралийского Сиднея. Семантика диминутивности выражается на уровне слова (*strayling* ‘бездомный’ – *rare* a stray person) или словосочетания (*Johnny Foreigner* ‘иностранец Джонни’ – UK anyone who is not British). Дифференциация по признаку пола прослеживается в 7 диминутивах (10%). В 2 диминутивах (3%) дифференцирована сема возраста.

Обозначения жителя деревни (8 единиц, 11%) обладают рационально-эмоциональной оценкой, которая фиксирует негативный стереотип, актуализирующийся в маркерных словах *rough* ‘грубый’, *unsophisticated* ‘неотесанный’, *awkward* ‘неуклюжий’: *culchie* ‘деревенщина’ – *informal, Irish, pejorative* a rough or unsophisticated country-dweller from outside Dublin. В одном случае наименование иммигранта указывает на низкий социальный статус адресата. Остальные диминутивы наделены эмоциональной оценкой (63 единицы, 89%). В целом, неформальные прозвища по месту жительства активно функционируют в разговорной речи и имеют сниженную окраску.

2.1.12 Наименования лица по положению в социальной группе

Обратимся к диминутивным наименованиям лица по положению в социальной группе (66 единиц, 3,1%). В обществе ценится социальное положение человека, происхождение и наличие титула (см. табл. 2.10).

Таблица 2.10

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по положению в социальной группе в английском языке

№ п/п	Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1.	Социальная важность	33	50	<i>minikin</i> ‘козявка’ – a small or insignificant person
2.	Социальное происхождение	20	30	<i>aristo</i> ‘аристократ’ – <i>colloq</i> an aristocrat
3.	Сословный титул	13	20	<i>lordling</i> ‘лордик’ – <i>derog</i> a little lord, a petty or minor, unimportant lord
	Всего	66	100	

Из таблицы 2.10 видно количественное преобладание диминутивных наименований лица по социальной важности (33 единицы, 50%). Здесь представлены обозначения маловажного и исключенного из социума человека. Это свидетельствует об особой роли высокого социального положения.

В корпусе группы зафиксированы единицы, в которых сочетается несколько сем, например, «положение в социальной группе + возраст + пол + этнос», например, *grisette* ‘гризетка’ – a young working-class woman, esp. Frenchwoman.

Все наименования группы являются моносемантическими единицами, в которых уменьшительность выражается с помощью морфологических и синтаксических средств, а также слов-маркеров в толковании. В следующем примере значение малости выражено прилагательным *little* ‘маленький’ в структуре словосочетания и маркером *insignificant* ‘незначительный’ в дефиниции: *little shot* ‘мелкая сошка’ – *US* an insignificant person.

Дифференциация по признаку пола выявлена в 20 диминутивах (30%): с семьей женского пола – 4 единицы, с семьей мужского пола – 16 единиц (6% и 24% соответственно). Сема юного возраста выражена в 3 лексемах (5%). Чаще лексем группы имеют смешанную оценку: *royalet* ‘королек’ – a petty king or chieftain.

2.1.13 Наименования лица по характеру

Рассмотрим диминутивные наименования лица по характеру (49 единиц, 2,3%). Характер трактуется нами как совокупность психических свойств человека,

обнаруживающихся в поведении. В зависимости от оценочной и эмоциональной характеристики диминутивов выделяются наименования лица по положительным и отрицательным чертам характера (см. табл. 2.11).

Таблица 2.11

Количественная характеристика диминутивных наименований лица по характеру в английском языке

№ п/п	Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1.	Отрицательные черты характера	41	84	<i>weakling</i> ‘тряпка’ – a person who is spiritually weak
2.	Положительные черты характера	8	16	<i>Rambette</i> ‘женщина-Рэмбо’ – a female Rambo, i.e. reckless, fearless, the warrior woman
	Всего	49	100	

Из таблицы 2.11 видно превалирование наименований лица по отрицательным чертам характера (41 единица, 84%), так как человеку свойственно концентрировать внимание на недостатках, а хорошее оставлять незамеченным. Пейоративные диминутивы указывают на изнеженность, трусливость, слабохарактерность, высокомерность, нерешительность, скупость, упрямство, излишнюю доверчивость, никчемность, вспыльчивость, ленивость, раздражительность, хитрость, наивность. Мелиоративные диминутивы фиксируют доброту, надежность, твердость, бесстрашие [135]. В целом, единицы группы имеют рационально-эмоциональный тип оценки.

В значении диминутивов обнаружено сочетание сем: «характер + поведение + внешность + пол», например, *pussycat* ‘лапка’ – *nursery&colloq* an attractive, amiable, or submissive woman. При номинации женщины особое внимание уделяется ее внешности. Также наблюдается сочетание отрицательных черт (*namby-pamby* ‘плакса-вакса’ – a weak and spineless, weakly sentimental, affectedly or childishly simple person) и комбинация положительных и отрицательных качеств (*spunkie* ‘блуждающий огонек’ – *Scot* a spirited or hot-tempered person).

Моносемантические (44 единицы, 90%) диминутивы превалируют над полисемантическими (5 единиц, 10%). Отметим, что семантика диминутивности

может реализоваться при образном переосмыслении прямого значения: *lamb* ‘ягненок’ – *fig* a person who is meek, gentle, innocent, or weak as a lamb.

Дифференциация по признаку пола прослеживается в 17 диминутивах (35%): с семьей женского пола – 4 единиц, с семьей мужского пола – 13 единиц (8% и 27% соответственно). Обозначения изнеженного мужчины и гомосексуалиста наиболее численны, так как суффикс вызывает ассоциации с женским началом и придает уничижительное значение: *tweetie* ‘малыш’ – an effeminate male.

2.1.14 Наименования лица по семейному статусу

Рассмотрим диминутивные наименования лица по семейному статусу (12 единиц, 0,6%). Диминутивы группы обозначают холостяка или незамужнюю женщину, а также человека, который состоит в законном или гражданском браке.

В значении диминутивов группы обнаружено сочетание нескольких сем: «семейный статус + пол», например, *single* ‘холостяк’ – *UK* a single man; «семейный статус + род занятий + материальное положение + отношение к детям», *dinkie* ‘динки’ – *colloq* a partner in a well-off working couple with no children.

Все диминутивные наименования лица группы моносемантические. Семантика диминутивности может реализоваться на морфологическом и синтаксическом уровне. Дифференциация по признаку пола прослеживается в 11 диминутивах (92%): с семьей женского пола – 5 единиц (42%), с семьей мужского пола – 6 единиц (50%). Выявлены случаи сочетания семы возраста с семьей женского пола: *damsel* ‘девица’ – a young unmarried woman; *spinster* ‘старая дева’ – *dated, derog* an unmarried woman, typically an older woman beyond the usual age for marriage. Диминутивы группы являются стилистически окрашенными единицами с эмоциональным типом оценки. Большая их часть выражает бесцеремонность говорящего, который грубо вмешивается в личную жизнь.

2.1.15 Наименования лица по материальному положению

Диминутивные наименования лица по материальному положению (9 единиц, 0,4%) обозначают богатого (*richling* ‘маленький богач’ – a rich youth) или бедного человека (*povo* ‘бедняк’ – *Australian slang, used to dismiss*

contemptously a poor person). Диминутивное значение преимущественно реализуется с помощью уменьшительных суффиксов. Негативная реакция на материальное благополучие, особенно молодого человека, связана с убеждением, что его богатство незаслуженно. Пренебрежение к бедному человеку вызвано его малообеспеченностью и несостоятельностью.

2.1.16 Наименования лица по образу жизни

Диминутивные наименования лица по образу жизни (7 единиц, 0,3%) охватывают эмоционально-оценочные названия аскетичного (*shaveling* ‘бритоголовый’ – a monk) и разгульного человека (*champagne Charlie* ‘шампань Чарли’ – a man who enjoys a luxurious, if somewhat dissipated, lifestyle), а также того, кто ведет привычный образ жизни (*weekend hippie* ‘хиппи по выходным’ – a person with a conventional lifestyle who at the weekend adopts a counterculture).

2.1.17 Наименования лица по неизвестному статусу

Диминутивные наименования лица по неизвестному статусу (7 единиц, 0,3%) являются примерами гендерно-нейтральной лексики, уменьшительное значение которой выражается на морфологическом и синтаксическом уровне. Примером служит диминутивное словосочетание *little bird* ‘пташка’, которое в ироничном и шутовском ключе указывает на неназванный источник информации.

2.1.18 Наименования лица по другим признакам

Отдельную лексико-семантическую группу формируют единичные диминутивные наименования лица (55 единиц, 2,7%), которые не могут быть отнесены ни к одной из вышеперечисленных категорий по выделенному признаку, например, *ped* ‘пешеход’ – UK a pedestrian.

2.2 Семантика аугментативных наименований лица

В ходе анализа эмпирического материала установлено, что аугментативные наименования лица в английском языке используются для обозначения человека по разным характеристикам, а именно: родству, роду занятий, положению в социальной группе, убеждениям, характеру, поведению, способностям,

межличностным отношениям и некоторым другим признакам (см. Приложение Б, табл. Б.1). Наибольшей продуктивностью обладает семантическая группа *род занятий*, которая составляет ядро лексико-семантического поля *человек*. Это подтверждает наше наблюдение, сделанное при изучении английских диминутивных обозначений человека. Преобладание аугментативов по роду занятий говорит о важной роли деятельности в человеческой жизни. Приядерную зону поля составляют семантические группы *родство, положение в социальной группе, поведение, убеждения*. Периферию изучаемого лексико-семантического поля определяют семантические группы *межличностные отношения, характер*.

2.2.1 Наименования лица по роду занятий

Аугментативные наименования лица по роду занятий насчитывают 136 единиц (43%) и включают обозначения представителей различных профессий и преступников (см. Приложение Б, табл. Б.2). Самыми многочисленными являются наименования служителя религиозного культа, представителя творческой профессии и военнослужащего. Наблюдение объясняется тем, что в церковных должностях и воинских званиях содержится значение старшинства, фиксирующее иерархию; в названиях представителей творческих, медийных профессий есть значение превосходства, высшей степени качества, которое указывает на высокий профессиональный уровень, успешность и известность.

В корпусе данной группы зафиксированы наименования лица, в которых сочетается несколько сем: «трудовая деятельность + старшинство», например, *archdean* ‘архидиакон’ – a chief dean; «трудовая деятельность + успешность», например, *superstar* ‘суперзвезда’ – *transf* an exceptionally famous or successful actor, musician, sportsman or sportswoman; «преступная деятельность + пол + возраст + характер», например, *superpredator* ‘суперзлодей’ – a youth who repeatedly commits violent crimes as a result of being raised without morals.

Все аугментативные наименования лица группы являются моносемантичными. В 6 лексемах (5%) аугментативность реализуется только с помощью словообразовательных аффиксов или на уровне словосочетания. В

130 лексемах (95%) аугментативное значение выражается увеличительными префиксами (*protodeacon* ‘протодиакон’ – а senior *deacon*) и прилагательными (*prima donna* ‘примадонна’ – the principal *female singer in an opera or opera company*), а также с помощью таких слов-маркеров увеличительности в дефиниции как *superior* ‘старший’, *chief* ‘главный’, *senior* ‘старший’, *principal* ‘главный’, *of the highest order* ‘наивысшего порядка’, которые указывают на старшинство и профессиональную компетентность. В 38 единицах наблюдается интенсификация признака с помощью наречий *very* ‘очень’, *highly* ‘чрезвычайно’, и *significantly* ‘значительно’, что говорит об особой важности профессионализма.

Дифференциация по признаку пола четко прослеживается в 13 аугментативах по роду занятий (9%): с семьей мужского пола – 7 единиц, с семьей женского пола – 6 единиц (5% и 4% соответственно). Гендерным маркером наименований лица может служить суффикс *-ess*, а также существительные *father* ‘отец’, *mother* ‘мать’, *lady* ‘леди’, *chick* ‘цыпочка’ в структуре лексем. Также фоновые знания играют определяющую роль в фиксации гендерного компонента. К примеру, знание того, что тенором называют певца с самым высоким голосом, помогает выделить сему мужского пола в лексеме: *primo tenore* ‘прима-тенор’ – the *principal tenor in an opera or opera company*. Гендер аугментативных наименований лица по религиозному сану не отражен в их семантике или грамматической форме. Так исторически сложилось, что данные аугментативы относятся исключительно к мужчинам.

Часть аугментативных наименований лица по роду занятий можно отнести к профессиональной лексике (80 единиц, 59%), которая выражает нейтральное значение высшего положения в иерархии: *archpastor* ‘архипастырь’ – а *chief pastor*. Тем не менее, некоторые ученые отмечают развитие качественно-оценочного значения интенсивности таких аугментативов [120]. Сленговые аугментативные наименования по роду занятий (56 единицы, 41%) обладают эмоциональной или смешанной оценкой и выражают восхищение (*supercook*

‘суперповар’ – an exceptional cook) или фамильярность (*big fellow* ‘верзила’ – *US a law enforcement official of the US federal government*).

2.2.2 Наименования лица по родству

Аугментативные наименования лица по родству насчитывают 66 единиц (21%). В корпусе группы значение увеличительности выражается с помощью увеличительных префиксов и проявляется по-разному: первичность, большой размер, старшинство, превосходство, высшая степень качества, степень родства.

Самыми многочисленными являются аугментативы, обозначающие степень родства (58 единиц, 88%): два поколения (*grandmother* ‘бабушка’ – *the mother of one’s father or mother*); три поколения (*great granduncle* ‘двоюродный прадед’ – *an uncle of one’s grandfather or grandmother*); четыре поколения (*great-great-grandfather* ‘прапрадед’ – *the father of one’s grandparent*). Также аугментативы могут называть предка, от которого ведет свое начало род (4 единицы, 6%): *primogenitor* ‘прародитель’ – *an ancestor in the direct line*.

Ярким примером слова, в котором сочетаются несколько сем, служит аугментатив *archwife* ‘архисупруга’ – *obsolete a big, strong, masculine woman disposed to rule her husband*. Здесь дается характеристика человека по родству, полу, внешности, характеру и поведению. Увеличительное значение связано с большим размером, старшинством и превосходством.

Аугментативы группы являются моносемантическими. Дифференциация по признаку пола прослеживается в 38 лексемах (58%): с семьей женского пола – 21 единица, с семьей мужского пола – 17 единиц (32% и 26% соответственно). Наименования, указывающие на родство через поколения и первичность, являются нейтральными. Единицы со значением старшинства, превосходства, высшей степени качества выражают изумление исключительностью референта.

2.2.3 Наименования лица по положению в социальной группе

Аугментативные наименования по положению в социальной группе составляют 30 единиц (10%) и указывают на лицо высокого социального статуса. В целом, лексемы группы моносемантически, исключение составляет *overlord*,

обозначающее крупного феодала и образно называет человека при власти: *overlord* ‘повелитель’ – 1) a lord superior to other lords or rulers; 2) *transf* any person in a position of superiority or supreme power. В значении аугментативов возможно сочетание таких признаков как социальный статус, материальное положение, пол.

В 26 лексемах (87%) увеличительность реализуется на уровне устойчивых словосочетаний, например, *big gun* ‘большая шишка’ – *US* a very important person. В 4 лексемах (13%) увеличительная семантика реализуется с помощью увеличительных префиксов. Увеличительность выражается в дефиниции лексем с помощью таких слов-маркеров как *important* ‘важный’, *influential* ‘влиятельный’, *prominent* ‘выдающийся’, *of high rank* ‘высокого ранга’, *chief* ‘главный’, *in a position of superiority* ‘в положении превосходства’. В 2 единицах наблюдается интенсификация признака с помощью прилагательного *most* ‘самый’ и наречия *highly* ‘очень’, которые подчеркивают важность персоны.

Дифференциация по признаку пола прослеживается в 5 аугментативах (16%): с семьей женского пола – 1 единица (3%), с семьей мужского пола – 4 единицы (13%). Количественный перевес связан с гендерными стереотипами о том, что очень богатым и успешным скорее становится мужчина, чем женщина. Дифференциация семьи возраста в аугментативах группы не наблюдается.

Большинство аугментативных наименований по положению в социальной группе являются разговорными ироничными прозвищами большого и влиятельного человека. И лишь *archduke* ‘эрцгерцог’ и *archduchess* ‘эрцгерцогиня’ как сословные титулы выступают нейтральными обозначениями.

2.2.4 Наименования лица по поведению

Аугментативные наименования лица по поведению составляют 16 единиц (6%). Лексемы группы называют человека по конкретной линии поведения: расточительство, хвастливость, болтливость, лживость, надоедливость, критиканство, сексуальная распущенность, злодеяние, предательство, навязчивое желание достигать целей любыми способами. В значении одного аугментатива сочетается несколько признаков, а именно, несдержанность, хвастливость,

многословность и болтливость: *big mouth* ‘большой рот’ – an indiscreet, boastful or overly verbose person; a quality of indiscreet talkativeness.

В данной группе моносемантических аугментативов увеличительность реализуется морфологически (*archliar* ‘архилгун’ – a great liar) и синтаксически (*big legs* ‘транжира’ – US a generous spender) и связана со значением чрезмерности и высшей степени качества, которое в дефиниции выражено с помощью прилагательных *big* ‘большой’, *chief* ‘главный’, *great* ‘большой’ и наречия *overly* ‘слишком’. Дифференциация по признаку пола и возраста не прослеживается.

Аугментативные наименования лица группы сообщают об отрицательном поведении индивида и, соответственно, являются эмоционально-оценочными пейоративами, выражающими презрительное отношение.

2.2.5 Наименования лица по внешности

Аугментативные наименования лица по внешности составляют 14 единиц (4%). Лексемы группы называют человека по таким физическим параметрам тела как рост, вес и телосложение. Слова с увеличительным значением указывают на необыкновенно высокий рост (*Gulliver* ‘гулливер’ – a very tall person, giant), лишний вес (*elephant* ‘слон’ – a slang term someone who is overweight or obese) и крепкое телосложение (*hunk* ‘качок’ – a large, attractive and well-built man, often used to describe someone who is physically appealing).

В значении аугментативов возможно сочетание нескольких сем: «внешность + поведение», например, *leviathan* ‘гигант’ – a very large, powerful, difficult to control, and rather frightening person; «внешность + положение в социальной группе», например, *mastodon* ‘мастодон’ – a person of immense size, power, influence, etc. Семантика аугментативности мотивирована внутренней формой слова. Все наименования лица по внешности являются полисемантическими и образуются в результате метафорического переноса. Так, большого, тучного и неповоротливого человека фамильярно называют *elephant* ‘слон’ из-за ассоциаций с крупнейшим наземным млекопитающим. Наречия *very* ‘очень’, *extremely* ‘чрезвычайно’, *exceptionally* ‘исключительно’, *particularly*

‘особенно’ и прилагательное *impressive* ‘впечатляющий’ выражают высшую степень проявления внешнего признака.

Один аугментатив (*hunk* ‘качок’) содержит сему мужского пола и отражает стереотипное представление о том, что мужчина с развитой мускулатурой является физически привлекательным. Дифференциация семы возраста в аугментативах группы не наблюдается.

Наименования лица по внешности имеют смешанный тип оценки. Параметрами для отрицательной оценки служит лишний вес. Пейоративные аугментативы по внешности используются для принижения человека, чьи внешние параметры не соответствуют стандартам красоты. Параметром для положительной оценки выступает крепкое телосложение мужчины.

2.2.6 Наименования лица по убеждениям

Аугментативные наименования лица по убеждениям составляют 14 единиц (4%) и связаны с политической, социальной и религиозной ориентацией индивида. Увеличительность выражена в значении чрезмерности и наиболее ярко проявляется в названиях лица по политическим (фашизм, империализм, либерализм, консерватизм, модеорнизм, лоялизм, патриотизм, национализм) и социальным взглядам (сексизм, расизм), что обусловлено феноменом радикализма, пронизывающим английское общество на всех этапах его развития: *superfascist* ‘супер-фашист’ – a person who is above or beyond fascism.

В данной группе моносемантических аугментативов увеличительность реализуется только морфологически (*superracist* ‘супер-расист’ – a highly racist person), а в дефиниции проявляется в виде маркера интенсификации признака. Прилагательные *most* ‘самый’ и *strong* ‘сильный’, наречия *very* ‘очень’, *extremely* ‘чрезвычайно’ и *highly* ‘очень’ подчеркивают крайние экстремистские взгляды. Дифференциация по признаку пола и возраста не прослеживается.

Аугментативные наименования лица по убеждениям являются пейоративными единицами с рационально-эмоциональной оценкой, которые передают неодобрительное отношение к фанатикам и радикалам.

2.2.7 Наименования лица по способностям

Аугментативные наименования лица по способностям составляют 14 единиц (4%) и называют очень талантливого человека. Их увеличительность выражается в значении высшей степени проявления качества, например, *hyperpolyglot* ‘гиперполиглот’ – one who masters or becomes fluent in many different languages (six or more). Интенсивность признака повышается в 4 единицах с помощью наречий *very* ‘очень’, *unusually* ‘необыкновенно’, *exceptionally* ‘исключительно’, которые подчеркивают уникальность способностей человека относительно среднего уровня (нормы).

В данной группе моносемантических аугментативов увеличительность реализуется только с помощью префиксов. Дифференциация по признаку пола прослеживается в 4 аугментативах (29%). Сема возраста выявлена в 3 случаях (21%), например, *supergirl* ‘супер-девочка’ – *informal* a girl who is particularly successful, talented, or otherwise remarkable.

Аугментативные наименования лица по способностям являются разговорными мелиоративными лексемами с рационально-эмоциональной оценкой, которые передают изумление выдающимися способностями.

2.2.8 Наименования лица по межличностным отношениям

Аугментативные наименования лица по межличностным отношениям составляют 5 единиц (2%) и называют врага или противника: *archfoe* ‘злейший враг’ – a principal foe. Увеличительность лексем связана с высшей степенью качества, которая выражается маркерным словом *principal* ‘главный’ в дефиниции. У моносемантических аугментативов группы увеличительность мотивирована морфологически. Дифференциация по признаку пола и возраста не прослеживается. Аугментативы группы являются отрицательно-оценочными и выражают презрительное отношение к враждебно настроенному человеку.

2.2.9 Наименования лица по характеру

Аугментативные наименования лица по характеру составляют 3 единицы. Выявлены полисемантические лексемы, в значении которых сочетается несколько

сем. Следующий аугментатив образно называет женоподобного, трусливого и слабохарактерного мужчину, подчеркивая тем самым сходство взрослого мужчины с девочкой: *big girl* ‘нытик’ – an effeminate, weak or cowardly male.

Увеличительность аугментативов группы заключается в выражении высшей степени качества и мотивирована морфологически или синтаксически. Дифференциация по признаку пола прослеживается единожды. Сема возраста не выявлена. Лексемы группы являются разговорными эмоционально-оценочными единицами, выражающими восхищение определенной чертой характера человека или неодобрение. К примеру, бережливость вызывает положительную реакцию: *supersaver* ‘очень бережливый человек’ – *informal* a very thrifty person.

2.2.10 Наименования лица по другим признакам

Аугментативные наименования лица по другим признакам составляют 15 единиц (5%). В корпусе группы значение увеличительности интерпретируется как первичность (*archfounder* ‘основатель’ – one that founds or establishes) и высшая степень качества (*superfan* ‘супер-фанат’ – an extremely dedicated fan), которая интенсифицируется наречиями *highly* ‘очень’, *extremely* ‘чрезвычайно’.

Увеличительность моносемантических аугментативов выражается морфологически или синтаксически. Аугментатив *supercrip* ‘супер-калека’, обозначающий спортсмена, который преодолел свои ограниченные возможности благодаря силе духа и добился исключительного успеха, сочетает в своем значении ряда признаков: состояние здоровья, род занятий, способности. В 6 единицах наблюдается дифференциация по признаку пола (32%).

Выводы к главе 2

1. Анализ лексического значения диминутивных и аугментативных наименований лица показал, что уменьшительность и увеличительность могут реализоваться как в денотативном, так и коннотативном значении.

В денотативном значении диминутивов малость выражается следующими разновидностями: меньший по размеру, детский возраст, молодость, низшей

степени проявления какого-либо качества, отклонение от нормы по какому-либо признаку, уменьшенное подобие. В денотативном значении аугментативов увеличительность выражается так: большой по размеру, высшей степени проявления качества, отклонение от нормы, первоначальность, степень родства.

В коннотативном значении диминутивов уменьшительность выражает ласкательность, нежность, пренебрежительность, уничижительность, презрение, шутливость, иронию. В коннотативном значении аугментативных наименований лица увеличительность выражает восхищение, презрение. Проявление эмотивности в диминутивах и аугментативах основано на двухполюсной градуированной шкале оценки, тем не менее набор средств по реализации диминутивной экспрессии отличается большим разнообразием.

2. Значение диминутивов характеризуется эмоционально-экспрессивными коннотациями и стилистической маркированностью, что отражено в лексикографических источниках. Эмоционально окрашенные диминутивы часто маркированы пометами «пренебрежительный», «уничижительный», «презрительный» и редко «ласкательный», что свидетельствует о тенденции к развитию негативной эмоциональной реакции, основанной на малости (незначительности) объекта.

В лексикографическом описании диминутивов преобладают такие стилистические пометы как «фамильярное», «неформальное», «разговорное», «сленг», что указывает на сниженную стилистическую окраску и ограничение в употреблении. Пометы «бранимый», «оскорбительный», «вульгарный», «табуированный» указывают на ненормативный характер лексики, которая может использоваться для выражения отрицательной эмоционально-экспрессивной реакции на возраст, пол, расу, внешность, интеллект, поведение (старость, женщина как сексуальный объект, темный цвет кожи, лишний вес, глупость, странное поведение, алкогольная зависимость). Таким образом, диминутивы целенаправленно используются, чтобы продемонстрировать дружественный

настрой и близкое знакомство из чисто прагматических соображений или проявить ненависть и нетерпимость.

Исследование словарных толкований английских наименований лица показало нулевую эмотивную маркированность диминутивов и аугментативов, которые употребляются в терминологическом значении.

В лексикографическом описании аугментативов преобладают такие стилистические пометы как «исторический», «устаревший», «архаичный», «редкий», «неформальный», «сленг» в связи с тем, что одна часть аугментативов является устаревшей лексикой (когда-то существующие титулы, звания, чины, должности), а другая представляет собой нестандартный слой современной эмоционально-оценочной лексики языка. Такие пометы как *British, UK, North American, US, Australian* указывают на территориальную принадлежность к британскому, американскому, австралийскому вариантам английского языка.

3. По типу оценки преобладают эмоционально-оценочные диминутивы и аугментативы (94% и 53% соответственно), которые преимущественно употребляются в разговорной речи в неформальной обстановке и направлены на достижение желаемого прагматического эффекта. По характеру оценки преобладают пейоративы.

Диминутивы со значением второстепенности по положению в иерархии (6%) и аугментативы со значением старшинства, первоначальности и степени родства (47%) выражают только рациональную нейтральную оценку. Диминутивная / аугментативная форма таких лексем несет уменьшительность / увеличительность на уровне денотативного значения, а также меньшую / большую интенсивность, но не выражает привязанность или неприязнь.

4. Семантическая классификация диминутивов насчитывает 18 групп (64%), а аугментативов – 10 групп (36%). Такое количественное различие свидетельствует о большем семантическом многообразии лексем с уменьшительным значением. Общими для английских диминутивных и аугментативных наименований лица являются семантические признаки *род*

занятий, родство, положение в социальной группе, поведение, внешность, убеждения, межличностные отношения, характер, другие признаки. Специфическими семантическими признаками диминутивов являются возраст, этнорасовая принадлежность, умственные способности, состояние здоровья, место жительства, семейный статус, материальное положение, образ жизни, неизвестный статус, а аугментативов – способности.

5. Среди английских диминутивов и аугментативов наиболее многочисленными являются наименования лица по роду занятий (29% и 43% соответственно) в связи с тем, что в ценностной картине мира английского лингвосоциума наиболее важным жизненным приоритетом человека является деятельность. Лексико-семантическая группа «род занятий» включает подгруппы: трудовая деятельность, учебная деятельность, хобби, преступная деятельность. Данные виды деятельности отражают ценности, характерные для английской культуры, в соответствии с которой работа, учеба и отдых – это краеугольные камни человеческой жизни, совмещение которых или достижение так называемого *work-life balance* представляет собой серьезный вызов.

6. В значении диминутивных наименования лица центральная дифференциальная сема наиболее часто сочетается с семой возраста, пола, внешности, этнорасовой принадлежности, интеллекта, поведения и характера, а в значении аугментативных наименования лица – с семой пола и возраста. Установленная асимметрия диминутивных и аугментативных наименований лица по наличию семы молодого возраста (12% и 1% соответственно) объясняется тем, что сема количества коррелирует с детским и юным возрастом у диминутивов и взрослостью у аугментативов.

7. Большинство диминутивных и аугментативных наименований лица характеризуются гендерной нейтральностью (68% и 69% соответственно). В то же время анализ единиц с выраженной семой пола показал гендерную асимметрию. Среди гендерно маркированных диминутивов отмечено преобладание женских

наименований (65%) над мужскими (35%), а среди аугментативов, напротив, доминирование мужских обозначений (65%) над женскими (35%).

Реально существующая в современной английской культуре социальная гендерная асимметрия проявляется в языке диминутивами (женские языковые формы) и аугментативами (мужские языковые формы). С помощью диминутивов женщина изображается слабой, неполноценной, занимающей подчиненное перед мужчиной положение и сексуально объективируется. Посредством аугментативов создается образ сильного, влиятельного, успешного мужчины, занимающего руководящую должность. Такое распределение гендерных ролей объясняется андроцентричной природой английского языка: мужское значит объективное, норма; женское значит другое, чужое, субъективное, отклонение от нормы.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [21; 22; 135; 136; 138; 139; 143; 144; 145].

Глава 3

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ДИМИНУТИВНЫХ И АУГМЕНТАТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В третьей главе описана многоуровневая специфика выражения диминутивности и аугментативности в английских наименованиях лица, установлены наиболее продуктивные структурные типы. Проведен анализ этимологических, семантических и прагматических особенностей диминутивных и аугментативных аффиксов. Исследован словообразовательный потенциал лексем с точки зрения принципов естественной морфологии. Установлена роль образности внутренней формы в усилении экспрессивности.

3.1 Синтетические диминутивы

Диминутивная семантика синтетических наименований лица (1755 единиц, 82,5%) реализуется на уровне слова. Синтетические диминутивы образуются посредством морфологической деривации. Рассмотрим количественную характеристику структурных типов синтетических диминутивов (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1

**Количественная характеристика структурных типов
синтетических диминутивных наименований лица в английском языке**

№ п/п	Структурный тип	Кол-во	%	Примеры
1.	Суффиксальный	1305	74	<i>pisso</i> 'пьяница' (<i>pissed</i> 'пьяный' + -o)
2.	Аббревиатурный	222	13	<i>hon</i> 'милочка' (<i>honey</i> 'милый')
3.	Префиксальный	148	8	<i>underwit</i> 'дурак' (<i>under-</i> + <i>wit</i> 'остряк')
4.	Редупликативный	50	3	<i>buddy-buddy</i> 'дружище' (<i>buddy</i> 'приятель')
5.	Композитно-суффиксальный	30	2	<i>nobodaddy</i> 'никчемный человек' (<i>nobody</i> 'никто' + <i>dad</i> 'папа' + -y)
	Всего	1755	100	

3.1.1 Суффиксальные диминутивы

Суффиксация занимает первое место по продуктивности (1305 единиц, 74%). Для создания суффиксальных наименований лица используется ряд

диминутивных суффиксов: *-ie /-y /-ey /-ee, -o, -ette, -ling, -ster /-aster /-ister, -et, -s, -kin, -let, -el /-elle, -een, -rel /-erel /-erelle, -ock, -ing, -a, -roo, -en, -chen, -ulus, -cle, -ino /-ina, -ito /-ita, -etto /-etta, -illo /-illa, -kie /-tjie, -oy /-ay, -ushk, -poo, -pie.* В английском языке выявлено 12 наиболее продуктивных формантов, участвующих в образовании диминутивов (см. табл. 3.2).

Таблица 3.2

**Количественная характеристика частотных диминутивных суффиксов
наименований лица в английском языке**

№ п/п	Суффикс	Кол-во	%	Примеры
1.	<i>-ie /-y /-ey /-ee</i>	709	57	<i>greenie</i> ‘новичок’ (<i>green</i> ‘зелёный’ + <i>-ie</i>)
2.	<i>-o</i>	156	14	<i>politico</i> ‘политикан’ (<i>politician</i> ‘политик’ + <i>-o</i>)
3.	<i>-ette</i>	91	7	<i>thugette</i> ‘бандитка’ (<i>thug</i> ‘бандит’ + <i>-ette</i>)
4.	<i>-ling</i>	85	7	<i>popeling</i> ‘попик’ (<i>pope</i> ‘поп’ + <i>-ling</i>)
5.	<i>-ster /-aster /-ister</i>	66	5	<i>trickster</i> ‘ловкач’ (<i>trick</i> ‘обман’ + <i>-ster</i>)
6.	<i>-et</i>	29	2	<i>baronet</i> ‘баронет’ (<i>baron</i> ‘барон’ + <i>-et</i>)
7.	<i>-s</i>	26	2	<i>fats</i> ‘толстяк’ (<i>fat</i> ‘толстый’ + <i>-s</i>)
8.	<i>-kin</i>	21	2	<i>manikin</i> ‘человечек’ (<i>man</i> ‘человек’ + <i>-kin</i>)
9.	<i>-let</i>	15	1	<i>lordlet</i> ‘лордик’ (<i>lord</i> ‘лорд’ + <i>-let</i>)
10.	<i>-el /-elle</i>	14	1	<i>haverel</i> ‘пустозвон’ (<i>haver</i> ‘пустой разговор’ + <i>-el</i>)
11.	<i>-een</i>	13	1	<i>girleen</i> ‘девчушка’ (<i>girl</i> ‘девочка’ + <i>-een</i>)
12.	<i>-rel /-erel /-erelle</i>	12	1	<i>wastrel</i> ‘расточитель’ (<i>waste</i> ‘тратить’ + <i>-rel</i>)
	Всего	1237	100	

3.1.1.1 Из таблицы 3.2 видно, что наиболее словообразовательно активным диминутивным суффиксом английского языка выступает *-ie* и его орфографические форманты *-y, -ey, -ee*. Последователи теории естественной морфологии утверждают, что соответствующая этим графемам фонема [ɪ] является прототипическим гласным звуком, который сигнализирует о диминутивном значении [272]. Данный суффикс не только реализует сему уменьшительности, но и является прагматически-маркированным формантом, который выражает ласкательность (*lovey* ‘душечка’ < *love* ‘любовь’) или уничижительность (*chippy* ‘потаскушка’ < *chip* ‘щепка’), не меняя при этом предметно-логического значения производящей основы. Специфику их

использования определяют пометы *endearment form, used affectionately* или *derog, contempt, disparaging, offensive, colloq, slang*.

Данный суффикс демонстрирует особую активность в оформлении усеченных основ [150, с. 54], например, *poddy* ‘пользователь айпода’ < *iPod* ‘айпод’ + -y). Согласно Г. Маршану, слова с таким суффиксом обычно содержат не более двух слогов [268, р. 238]. Также *-ie* передает значение агентивности и вытесняет в суффиксальном сокращении исконно английские суффиксы *-er* и *-or*, синонимичный суффикс греческого происхождения *-ist*, а также словообразовательный элемент *-man*: *goalie* < *goalkeeper*, *forkie* < *forklift operator*, *gynie* < *gynaecologist*, *postie* < *postman*. Так, диминутивный суффикс выступает маркером неформальности и сообщает производному слову разговорную эмоционально-оценочную окраску.

Суффикс *-ie* и его варианты часто используется при множественной диминутивизации и в комбинации нескольких уменьшительных суффиксов стоит как левее (*wrinklies* < *wrinkle* ‘морщина’ + *-ie* + *-s*), так и правее (*wifockie* < *wife* ‘жена’ + *-ock* + *-ie*). Также данный суффикс образует диминутивы, производящей основой которых является акроним (*yuppie* ‘яппи’ < *young urban professional* ‘молодой городской житель’ + *-ie*).

3.1.1.2 Суффикс *-o* демонстрирует значительную продуктивность и активно используется в американском, австралийском и новозеландском разговорном английском. Сленговый суффикс, который также активно оформляет усечения, не меняет значение производящего слова, но придает ему уничижительно-презрительную коннотацию, о чем говорят пометы *derog, offensive*.

Наименования с суффиксами *-ie* и *-o*, образованные от одной и той же производящей основы, являются конкурирующими формами: *veggie* – *veggo* (вегетарианец), *weirdie* – *weirdo* (чудак), *kiddie* – *kiddo* (мальш). Однако В. Дресслер констатирует тенденцию к избеганию синонимии в языке и утверждает, что синонимы по меньшей мере отличаются коннотацией [261], за которую в нашем случае отвечают суффиксы. Так, диминутивы с суффиксом *-ie*

выражают доброжелательное отношение, а с суффиксом *-o* напротив унижают собеседника.

3.1.1.3 Далее особый интерес представляет полисемантический суффикс французского происхождения *-ette*. Значение женскости, неполноценности и более низкого статуса развилось из значения имитации. Таким образом, диминутивные наименования с суффиксом *-ette* указывают не только на пол, но и второстепенность женщины в сравнении с мужчиной. А. А. Буряковская объясняет негативное значение диминутивов андроцентричностью английского языка, в котором зафиксирована мужская перспектива [32, с. 53].

Образованные от нейтральных лексем суффиксальные феминитивы являются маркированными членами оппозиции с отрицательной коннотацией: *Apachette* ‘апачка’ < *Apache* ‘апач’, *farmerette* ‘фермерша’ < *farmer* ‘фермер’, *usherette* ‘билетерша’ < *usher* ‘билетер’. Вышеперечисленные наименования женщины употребляются с установкой на уничижительное отношение как *kinglet* ‘царек’ или *squireen* ‘мелкий помещик’ [277, р. 95] и считаются проявлением сексизма в языке. В отношении мужчины диминутив с суффиксом *-ette* ведет себя аналогично и выражает пренебрежение (*wimpette* ‘трусиска’ < *wimp* ‘трус’). В гендерно-нейтральных наименованиях лица данный суффикс вносит значение молодости и недостаточности (*poetette* ‘поэтишка’ < *poet* ‘поэт’).

3.1.1.4 Древнегерманский суффикс *-ling* выражает семы молодой (*sapling* ‘юнец’ < *sap* ‘сок растений’), первый (*firstling* ‘первенец’ < *first* ‘первый’), новый (*fledgling* ‘неоперившийся юнец’ < *fledge* ‘оперившийся’), некомпетентный (*authorling* ‘писателишка’ < *author* ‘автор’), несовершеннолетний (*weakling* ‘тряпка’ < *weak* ‘слабый’), в наименованиях по сословному титулу характеризует человека маловажным (*princeling* ‘князек’ < *prince* ‘князь’). В основном суффикс имеет негативную коннотацию, реже может реализовать сему ласкательности (*catling* ‘котенок’ (о девушке) < *cat* ‘кот’).

Суффикс *-ling* устаревший, о чем свидетельствуют пометы *historical*, *archaic*, *long obsolete*, *exclusively dialectal*. На данный момент он непродуктивен и

новые диминутивы не образует. В связи с этим развивается тенденция к замене *-ling* на более продуктивные суффиксы, при этом возможна генерализация прежнего значения: *kidling* – *kiddie* – *kiddo* (малыш), *softling* – *softy* (слабак).

3.1.1.5 Древнеанглийский суффикс *-ster* и его варианты *-aster*, *-ister* не меняют предметно-логического значение основы, лишь выражают презрительное отношение по признаку, выраженному в ней (*gamester* ‘картежник’ < *game* ‘игра’, *oldster* ‘старикашка’ < *old* ‘старый’, *criticaster* ‘критикан’ < *critic* ‘критик’).

3.1.1.6 Суффикс французского происхождения *-et* обычно актуализирует уничижительную сему (*bratchet* ‘сорванец’ < *brach* ‘сучка’ (о собаке)), ласкательное значение встречается редко (*moppet* ‘малютка’ < *top* ‘ребенок’).

3.1.1.7 Эмоционально-оценочный суффикс *-s*, реализующий сему фамильярности и близости, используется для образования ласковых обращений (*honeycakes* ‘пряничек’ < *honeysake* ‘физически привлекательная женщина’) и прозвищ (*homes* ‘дружбан’ < *homeboy* ‘хороший друг’). Также он присутствует в метонимических наименованиях: *thicklips* ‘толстогубый’ (о темнокожем человеке) образовано по модели синекдохического переноса с части тела на человека.

3.1.1.8 Голландский суффикс *-kin* традиционно несет семы близости, нежности и любви, так как указывает на родственные отношения (*sweetkin* ‘лапочка’ < *sweet* ‘милый’), а также выражает терпимое отношение к недостаткам ближнего (*sillikin* ‘дурачок’ < *silly* ‘глупый’).

3.1.1.9 Суффикс французского происхождения *-el* (*-elle*) непродуктивен, тем не менее в английском языке сохранились наименования лица, выражающие шутовское (*damsel* ‘девица’ < *dame* ‘дама’) или пренебрежительное отношение (*gangrel* ‘бродяга’ < *gang* ‘банда’).

3.1.1.10 Орфографически адаптированный суффикс ирландского происхождения *-een* выражает малость (*ladeen* ‘мальчуган’ < *lad* ‘юноша’), ласку (*loveen* ‘душечка’ < *love* ‘любовь’) и пренебрежение (*spalpeen* ‘бездельник’ < основа неизвестного происхождения). Некоторые диминутивы имеют две

параллельные формы с исконно английским и англицированным суффиксом: *lovey – loveen* (душечка), *priestling – priesteen* (попик), *laddie – ladeen* (паренек).

3.1.1.11 Непродуктивный суффикс французского происхождения **-rel (-erel, -erelle)** выражает пренебрежительное отношение к незначительному и никчемному человеку (*mongrel* ‘помесь’ < *mong* ‘дворняжка’).

3.1.1.12 Редко используется древнегерманский суффикс **-ing** (*lording* ‘лордик’ < *lord* ‘лорд’), древнеанглийские **-ock** (*wretchock* ‘заморыш’ < *wretch* ‘негодяй’) и **-en** (*kitten* ‘котенок’ < *cat* ‘кот’).

3.1.1.13 Также сленговые суффиксы **-a, -poo, -roo** развивают в своем значении сему диминутивности (*gubba* ‘белый’ < *gub* ‘белокожий человек’).

3.1.1.14 Среди лексем встречаются заимствования с итальянскими диминутивными суффиксами **-ino / -ina** (*bambina* ‘малышка’ < *bambo* ‘глупый’) и **-etto / -etta** (*amoretto* ‘возлюбленный’ < *amore* ‘любовь’), испанскими **-ito / -ita** (*señorita* ‘сеньорита’ < *señora* ‘сеньора’) и **-illo / -illa** (*guerilla* ‘партизан’ < *Guerra* ‘война’), латинскими **-cle** (*cutiecle* ‘милашечка’ < *cutie* ‘милашка’) и **-culus** (*homunculus* ‘человечек’ < *homo* ‘человек’), тагальским **-oy / -ay** (*pinay* ‘пинка’ (о филиппинской женщине) < *Pilipino* ‘филиппинец’), русским **-ushk** (*babushka* ‘бабушка’ < *baba* ‘баба’), немецким **-chen** (*liebchen* ‘дорогой’ < *Lieb* ‘любовь’), с суффиксом **-kie / -tjie** в африкаансе (*outjie* ‘паренек’ < *ou* ‘парень’).

3.1.1.15 Сложносуффиксальные диминутивы в английском языке редки. В выборке встречаются ряд моделей, среди них: **-s + -ie** (*mumsie* ‘мамусик’ < *mum* ‘мама’), **-s + -o** (*fatso* ‘толстунчик’ < *fat* ‘толстый’), **-kin + -s** (*cleverkins* ‘умняшка’ < *clever* ‘умный’), **-er + -s** (*crackers* ‘сумасшедший’ < *cracked* ‘чокнутый’), **-y + -o** (*daddy-o* ‘папочка’ < *dad* ‘папа’), **-ie + -poo** (*chickie-poo* ‘цыпочка’ < *chick* ‘цыпленок’), **-ie + -pie** (*lambie-pie* ‘ягненок’ < *lamb* ‘ягненок’).

3.1.1.16 Анализ диминутивных суффиксов показывает, что в английском языке суффиксальные диминутивные наименования лица образуются от субстантивных (N), глагольных (V), адъективных (Adj), местоименных (Pro), количественных (Num), предложных (Prep), акронимных (Acronym),

междометных (Inj), звукоподражательных (Onomatop) основ. Далее модели образования диминутивов расположены в порядке уменьшения продуктивности:

1. Модель «**N + DIM < N_{dim}**» (1060 единицы, 81,2%) занимает первое место по продуктивности. Высокой активностью образования суффиксальных диминутивов отличаются субстантивные основы, представленные антропонимами (984 единиц, 93%), а именно, имена и фамилии людей, названия стран, городов (*Augustus* ‘Огастус’ + *-ie* < *gussie* ‘женоподобный мужчина’). Нарисательные существительные (76 единицы, 7%) выступают мотивирующей основой гораздо реже (*dust* ‘пыль’ + *-ie* < *dustie* ‘дряхлый старик’).

2. Модель «**Adj + DIM < N_{dim}**» (173 единицы, 13,3%) занимает второе место по продуктивности. Использование адъективных основ отмечается при образовании диминутивных наименований лица со значением качества или состояния (*tropical* ‘тропический’ + *-o* < *troppo* ‘псих’).

3. Модель «**V + DIM < N_{dim}**» (53 единицы, 3,9%) занимает третье место по продуктивности. Глагольная основа идентифицирует поведение или деятельность человека (*lam* ‘бежать из тюрьмы’ + *-roo* < *lameroo* ‘беглый преступник’).

4. Модель «**Acronym + DIM < N_{dim}**» (11 единиц, 0,8%) заключается в использовании акронимных основ, то есть аббревиатур, образованных начальными звуками слов или словосочетаний (*double income, no kids* ‘двойной доход, без детей’ + *-ie* < *dinkie* ‘динки’).

5. Модель «**Prep + DIM < N_{dim}**» (3 единицы, 0,3%), например, *between* ‘между’ + *-y* < *tweeny* ‘служанка, помогающая кухарке или горничной’.

6. Модель «**Pro + DIM < N_{dim}**» (2 единицы, 0,2%), например, *whose* ‘чей’ + *-a* < *wooza* ‘девчонка’.

7. Модель «**Num + DIM < N_{dim}**» (1 единица, 0,1%), например, *first* ‘первый’ + *-ling* < *firstling* ‘первенец’.

8. Модель «**Inj + DIM < N_{dim}**» (1 единица, 0,1%), например, *gotcha* ‘ага, попался’ + *-ie* < *gotchie* ‘охранник’.

9. Модель «**Onomator + DIM < N_{dim}**» (1 единица, 0,1%), например, *coco* ‘ко-ко’ (кудахтанье) + *-ette* < *cocotte* ‘дорогая проститутка’.

3.1.2 Аббревиатурные диминутивы

Аббревиация занимает второе место по продуктивности (222 единицы, 13%). Вслед за О. Д. Мешковым, понятия «аббревиатура», «усечение» и «сокращение» рассматриваются как синонимичные и могут использоваться в отношении любого сокращенного варианта написания и произнесения слова, независимо от его структуры и характера [125, с. 40].

Тенденция к сокращению слов уходит корнями в детское словообразование. Так как в раннем онтогенезе ребенку сложно произносить длинные слова, он сокращает их до одно-двусложных: *ma* < *mama* < *mother* (мать). Сейчас аббревиация служит средством рационализации языка, экономии языковых усилий и активного пополнения лексики разговорными и сленговыми наименованиями. Аббревиатурные диминутивы передают непринужденность, добавляют фамильярности высказыванию.

Усеченные наименования формируются от субстантивных (N), глагольных (V) и адъективных (Adj) основ. Отсубстантивные диминутивы занимают первое место по продуктивности (207 единиц, 93%). В качестве производящей основы чаще выступают собственные существительные (195 единиц, 94%), представленные именами людей и названиями стран (*Fritz* ‘Фриц, немец’ < *Friedrich* ‘Фридрих’). Малочисленны усечения, образованные от нарицательного существительного (12 единиц, 6%), например, *hume* ‘чел’ < *human* ‘человек’. Отадъективные диминутивы занимают второе место по продуктивности (14 единиц, 6%), например, *prem* ‘недоношенный ребенок’ < *premature* ‘преждевременный’. Отглагольные диминутивы представлены единичными образованиями (1 единица, 1%): *bam* ‘идиот’ < *bamboozle* ‘одурачивать’.

Усеченные диминутивные наименования лица образованы по следующим моделям: инициальная – при сокращении начала слова (*nana* ‘дурачок’ < *banana* ‘банан’), финальная – при сокращении конца слова (*prof* ‘препод’ < *professor*

‘профессор’), комбинированная – при сокращении нескольких компонентов (*fem* ‘женоподобный мужчина’ < *effeminate* ‘женоподобный’). Финальные усечения демонстрируют наибольшую продуктивность (187 единиц, 84%)

На материале диминутивных наименований удалось разработать модель формирования усеченных диминутивов в английском языке (см. табл. 3.3).

Таблица 3.3

**Модели формирования усеченных диминутивных наименований лица
в английском языке**

№ п/п	Модели	Примеры
Модель 1. Усечение с учетом слоговой структуры слова		
1.	Усечение до первого слога	<i>bod</i> ‘чел’ < <i>body</i> ‘тело’
2.	Усечение до первого слога + согласный	<i>girlf</i> ‘подружка’ < <i>girlfriend</i> ‘девушка’
3.	Усечение до первых двух слогов	<i>alco</i> ‘алкаш’ < <i>alcoholic</i> ‘алкоголик’
4.	Усечение до первых трех слогов	<i>aristo</i> ‘аристократик’ < <i>aristocrat</i> ‘аристократ’
5.	Усечение до последнего слога	<i>tot</i> ‘черномазый’ < <i>Hottentot</i> ‘готентот’
Модель 2. Усечение с учетом морфологической структуры слова		
6.	Усечение агентивного суффикса, сохранение основы	<i>butch</i> ‘мясник’ < <i>butcher</i>
7.	Усечение основы, сохранение префикса	<i>hetero</i> ‘гетеро’ < <i>heterosexual</i> ‘гетеросексуал’

Как показал анализ моделей, для английского языка естественно, когда усечение оканчивается на согласную фонему (*jap* ‘япошка’ < *Japanese* ‘японец’) или гласную *-o* (*abo* ‘туземец’ < *aborigine* ‘абориген’). Менее оптимально, когда слово оканчивается на другие гласные буквы (*prohi* ‘надзорщик’ < *prohibition agent* ‘агент по надзору’). Иногда в процессе усечения происходит чередование конечных фонем (*prod* ‘протестантишка’ < *protestant* ‘протестант’).

Приведенные цепочки слов демонстрируют тенденцию к образованию более экономных стилистически-сниженных экспрессивных коррелятов: *narc* < *narko* < *narcotomaniac* (наркоман, нарик); *klep* < *klepto* < *kleptomaniac* (клептоманьяк, клептоман); *schiz* < *schizo* < *schizophrenic* (шизофреник, шизик).

Сокращения имен вместо индивидуализирующей выполняют обобщающую функцию и переходят в разряд имен нарицательных: *Kate* ‘гомик’ < *Katherine* ‘Кетрин’ используется в жаргоне гомосексуалистов в качестве обращения.

3.1.3 Префиксальные диминутивы

Префиксация занимает третье место по продуктивности (148 единиц, 8%). Префиксальные диминутивы образуются путем добавления к корневым морфемам префиксов *mini-*, *sub-*, *under-*, *vice-*, *hypo-*, *sur-*.

Префикс латинского происхождения *mini-* выражает незначительность (*minicelebrity* ‘мини-селебрити’ < *celebrity* ‘селебрити’) и уменьшенное подобие (*mini-me* ‘мини-я’ < *me* ‘я’). Древнегерманский префикс *under-*, префиксы латинского происхождения *sub-*, *vice-*, *sur-* и греческий префикс *hypo-* указывают на недостаточность, второстепенность, подчиненное положение. Примечательно, что *sur-* является ассимилированной формой префикса *sub-*. Префикс *under-* формирует наименования лица по латинской модели с префиксами *sub-* и *sur-* (*under-secretary* ‘заместитель министра’ < *secretary* ‘министр’, *subcontractor* ‘субподрядчик’ < *contractor* ‘подрядчик’, *surmaster* ‘заместитель директора’ < *master* ‘директор’). Префикс *vice-* также выражает значение заместителя, помощника и оформляет звания или титулы лица следующего по важности (*vice-captain* ‘вице-капитан’ < *captain* ‘капитан’). Префикс *hypo-* обозначает более низкую должность (*hypodeacon* ‘иподьякон’ < *deacon* ‘дьякон’).

3.1.4 Редупликативные диминутивы

Редупликация является малопродуктивным способом образования диминутивов (50 единиц, 3%). Редупликаты являются средством языковой игры, так как имитируют детскую или детоцентрическую речь, чтобы подчеркнуть несерьезность ситуации.

Редупликативные диминутивы формируются от субстантивных (N), глагольных (V), адъективных (Adj) и звукоподражательных (Onomatop) основ. Отсубстантивные редупликаты занимают первое место по продуктивности (30 единиц, 60%), мотивирующей основой служат нарицательные

существительные (29 единиц, 97%) как в *nig-nog* ‘негритос’ < *nigger* ‘ниггер’ и собственные существительные (1 единица, 3%) как в *Jacky-Jacky* ‘джеки-джеки’ < *Jacky* ‘джеки’. Малопродуктивными являются следующие типы мотивирующих основ: отадъективные (14 единиц, 28%) как в *fuzzy-wuzzy* ‘кучеряшечка’ < *fuzzy* ‘курчавый’, звукоподражательные (3 единицы, 6%) как в *ga-ga* ‘неопытный гомосексуалист’ < *ga* ‘га’ (детский лепет), отглагольные (3 единицы, 6%) как в *roly-poly* ‘пончик’ (о полном человеке) < *roll* ‘вертеть, катать’.

Диминутивное значение редупликантов реализуется при полном, рифмованном и аблаутивном повторении слова. Главным условием редупликации второго и третьего типа является наличие суффикса *-ie* (-y, -ey) у первого слова. При полной редупликации слово повторяется без изменений (*kiddie-kiddie* ‘малышок’ < *kiddie* ‘малыш’), при рифмованной редупликации слово повторяется, но изменяется начальный согласный звук (*popsy-wopsy* ‘девчущечка’ < *popsy* ‘девчущка’), при аблаутивной редупликации изменяется гласный звук (*willie-wellie* ‘распутница’ < *wellie* ‘веллингтонский сапог’). Наибольшую продуктивность демонстрируют рифмованные редупликанты (33 единицы, 66%), что связано с их эстетической, экспрессивной и коммуникативной функцией.

В случае рифмованной и аблаутивной редупликации рифмующийся компонент – это фонетически измененный вариант первого слова. Он может быть самостоятельной лексемой, дополняющей смысл редупликата (*walk* ‘гулять’ + *talk* ‘разговаривать’ < *walkie-talkie* ‘уоки-токи’ (о заключенном)), или же не нести лексического значения (*wishy-washy* ‘расхлябанный человек’ < *washy* ‘жидкий’).

3.1.5 Композитно-суффиксальные диминутивы

Диминутивы, в образование которых задействовано словосложение и суффиксация, демонстрируют низкую продуктивность (30 единиц, 2%). Для английского языка характерны семь моделей словосложения:

1. Модель «**N1 + N2 + DIM** < **N_{dim}**» (13 единиц, 43,4%), например, *cry* ‘плачь’ + *babe* ‘малыш’ + -y < *cry-baby* ‘плакса’.

2. Модель «**N1 + DIM + N2 < N_{dim}**» (8 единиц, 26,7%), например, *pants* ‘штаны’ + *-ie / -y* + *waist* ‘талия’ < *pantywaist* ‘неженка’.

3. Модель «**N1 + DIM + N2 + DIM < N_{dim}**» (3 единицы, 10%), например, *sadist* ‘садист’ + *-ie* + *masochist* ‘мазохист’ + *-ie* < *sadie-maisie* ‘садо-мазохист’.

4. Модель «**N + Adj + DIM < N_{dim}**» (3 единицы, 10%), например, *bungo* ‘хулиган’ + *tough* ‘грубый’ + *-ie* → *bungo-toughie* ‘озорник’

5. Модель «**Adj1 + DIM + Adj2 < N_{dim}**» (1 единица, 3,3%), например, *black* ‘черный’ + *-ie* + *white* ‘белый’ → *blackie-white* ‘метис’.

6. Модель «**Pron + N + DIM < N_{dim}**» (1 единица, 3,3%), например, *nobody* ‘никто’ + *dad* ‘папа’ + *-y* < *nobodaddy* ‘никчемный человек’.

7. Модель «**N + DIM + V + DIM < N_{dim}**» (1 единица, 3,3%), например, *kid* ‘ребенок’ + *-ie* + *wink* ‘подмигнуть’ + *-ie* → *kiddiewinkie* ‘ребеночек’.

Так, диминутивное значение композитно-суффиксальных наименований лица реализуется при добавлении диминутивного суффикса к первой, второй или обоим основам. Наибольшую продуктивность демонстрируют слова, у которых диминутивный суффикс крепится ко второй основе (17 единиц, 57%).

3.2 Аналитические диминутивы

Диминутивная семантика аналитических наименований лица реализуется на уровне свободного и устойчивого диминутивного словосочетания. Рассмотрим количественную характеристику их структурных типов (см. табл. 3.4).

Таблица 3.4

Количественная характеристика структурных типов аналитических диминутивных наименований лица в английском языке				
№ п/п	Структурный тип	Кол-во	%	Примеры
1.	Устойчивое диминутивное словосочетание	325	89	<i>stud puppy</i> ‘привлекательный человек’ (<i>stud</i> ‘чистокровный’ + <i>pup</i> ‘щенок’ + <i>-y</i>)
2.	Свободное диминутивное словосочетание	39	11	<i>little bugger</i> ‘маленький негодник’ (о ребенке) (<i>little</i> ‘маленький’ + <i>bugger</i> ‘шельмец’ (о мальчике))
	Всего	364	100	

3.2.1 Устойчивые диминутивные словосочетания

Устойчивые диминутивные словосочетания (325 единиц, 89%), которые представляют собой неделимое сочетание слов и относятся к фразеологизмам, занимают первое место по продуктивности, что обусловлено их экспрессивной окрашенностью, благодаря которой говорящий выражает эмоции и чувства.

В структуру устойчивого словосочетания может входить два (*old grannie* ‘старушка’ (о назойливом человеке)), реже три (*stage door Johnny* ‘поклонник актрисы’) или четыре (*nice little piece of furniture* ‘физически привлекательная девушка’) полнозначных слова.

Прототипическим аналитическим диминутивом выступает словосочетание с прилагательными *small* или *little*. Известно, что первый дескриптор выражает только размерное значение, в то время как второй – размерное и эмоционально-оценочное. Тем не менее, в устойчивых диминутивных словосочетаниях оба прилагательных выполняют одинаковую функцию. Доказательством этого служат диминутивы *small fry* и *little shot*, в которых маркеры уменьшительности указывают на недостаточность по социальному статусу и пренебрежение со стороны более привилегированного и важного человека. Любопытно, что в состав некоторых устойчивых диминутивных наименований лица по невысокому положению в обществе входят названия объектов небольшого размера или молодых животных (*small fry* ‘мелкая сошка’ от *fry* ‘малек, мелкая рыбешка’).

Также диминутивное значение в устойчивом словосочетании актуализируется с помощью суффикса (*top* ‘лучший’ + *tot* ‘малыш’ + *-ie* < *top totty* ‘горячая малышка’), сокращения имени собственного (*Charles* ‘Чарльз’ + *-ie* + *Potatoes* ‘картошка’ < *Charlie Potatoes* ‘Чарли Картошка (важный мужчина)’), редупликации (*poo-poo* ‘экскремент’ + *head* ‘голова’ < *poo-poo head* ‘засранец’). Изредка диминутивность реализуется одновременно в нескольких компонентах устойчивого словосочетания, как в *cuticle cutie* ‘милая милашечка’ (о физически привлекательной девушке) наблюдается диминутивизация обоих слов с помощью разных суффиксов *-cle* и *-ie*, выступающих маркером неформальности.

Отметим тенденцию к сближению имени собственного и нарицательного, о чем говорит использование личных имен в 253 устойчивых диминутивных наименованиях лица (78%). Самыми распространенными являются мужские имена *Willy, Mickey, Charlie, Franky, Harry, Dickie, Johnny, Jerry, Jack, Joe*. Гипокористическая форма служит компонентом такого словосочетания: *Weary* ‘уставший’ + *William* ‘Уильям’ + *-ie* < *Weary Willie* ‘тунеядец’). Иногда диминутив используется вслед за прозвищем персонажа фильма или книги (*champagne* ‘шампанское’ + *Charles* ‘Чарльз’ + *-ie* < *champagne Charlie* ‘шампань Чарли’).

Внимания заслуживают сленговые устойчивые словосочетания, в основе которых лежит рифма. В рифмующихся словосочетаниях диминутивное значение подкрепляется шутливым и несерьезным отношением за счет рифмования между собой первого и второго слова, оканчивающихся на фонему [ɪ], например, *happy chappie* ‘довольный парнишка’, *city kitty* ‘женщина-полицейский’.

В рифмованных словосочетаниях рифмуется не сама звучащая форма, а подразумеваемое слово или словосочетание, например, *Charlie Chester* ‘Чарли Честер’ = *child molester* ‘растлитель малолетних’. В некоторых случаях рифмующееся общепотребительное слово также содержит сему уменьшительности (*tea caddy* ‘чайница’ = *Paddy* ‘ирландец’). Чаще всего по своей форме рифмованные диминутивные словосочетания напоминают имя и фамилию. Искать логическую связь между значением сленгизма и рифмующейся единицы бессмысленно, так же как пытаться понять почему предмет одежды называют именем американского президента, а алкогольный напиток – именем американской поп-исполнительницы: *Barack Obama* ‘Барак Обама’ = *pyjamas* ‘пижама’, *Britney Spears* ‘Бритни Спирс’ = *beers* ‘пиво’. Соответственно, если не владеть этим сленгом, то понять зашифрованный смысл едва получится.

По частеречной принадлежности стержневой компонент словосочетаний может быть нарицательным существительным (221 единица, 68%), собственным существительным (98 единиц, 30%), прилагательным (6 единиц, 2%). В основе стержневого компонента устойчивых диминутивных словосочетаний с

компонентами *small* и *little* лежит образ. Метафорический перенос представлен моделями *человек* → *человек*, *артефакт* → *человек*, *еда* → *человек*, *животное* → *человек*. Например, женщину легкого поведения сравнивают со скитающимся бродягой (*little tramp* ‘блудница’), ничтожного человека соотносят с отходами (*little shit* ‘маленький говнюк’) и безалкогольным пивом (*small beer* ‘мелкая сошка’), информатора сравнивают с птицей (*little bird* ‘пташка’).

3.2.2 Свободные диминутивные словосочетания

Свободные диминутивные словосочетания (39 единиц, 11%) представляют собой свободную комбинацию слов. Их малая представленность в лексикографической выборке связана с тем, что такие диминутивы являются речевым, а не языковым явлением.

Традиционно свободные словосочетания имеют двухкомпонентную структуру и состоят из прилагательного и существительного (*tiny gangster* ‘бандюк’), реже характеризуются трехкомпонентной структурой, когда существительное модифицируется сразу двумя прилагательными (*sweet little thing* ‘милашка’). Отметим, что в диминутивах трехкомпонентной структуры второе место всегда занимает прилагательное *little*, в свою очередь первое прилагательное дает качественную характеристику денотата (*sweet* ‘милый’, *poor* ‘бедный’), которая определяет характер оценки всего диминутива.

Главное прилагательное, снижающее степень проявления признака, – это дескриптор *little*. В свою очередь, слово *small* не выявлено в структуре анализируемых единиц, поскольку имеет более скудное содержание. Синонимы *baby* ‘маленький’, *tiny* ‘крошечный’, *junior* ‘младший’, *petty* ‘мелкий’, *basic* ‘рядовой’, *rear* ‘младший’, *half* ‘неполный’ оказались менее продуктивными.

Лексемы *baby* и *tiny* добавляют сему молодости (*baby pro* ‘молоденькая проститутка’ < *prostitute* ‘проститутка’), дескрипторы *junior*, *petty*, *basic*, *rear*, *half* указывают на подчиненность и более низкое положение (*junior sergeant* ‘младший сержант’ < *sergeant* ‘сержант’), а прилагательное *little* актуализирует

ласкательность или уничижительность, что определяется контекстом (*little bugger* ‘маленький негодник’ (о ребенке) < *bugger* ‘шельмец’ (о мальчике)).

По частеречной принадлежности стержневой компонент свободных диминутивных словосочетаний является нарицательным существительным (39 единиц, 100%). Диминутивность в свободных словосочетаниях с лексемами *little* и *baby* может реализоваться дополнительно в стержневом компоненте, выраженном существительным, морфологически (*little fella* ‘малыш’ < *fellow* ‘малый’) или семантически (*little puss* ‘кокетка’ < *puss* ‘кошечка’).

3.3 Лексические диминутивы

Лексические диминутивы оказались непродуктивными (11 единиц, 0,5%). Здесь уменьшительность мотивирована внутренней формой слова. В качестве основы для метафорического переноса выступают названия детенышей животных: *shoat* ‘поросенок, непутевый’ → *transf* an idle worthless person; *colt* ‘жеребенок, неопытный человек’ → *fig* a young or inexperienced person.

3.4 Синтетические аугментативы

Синтетические аугментативные наименования лица в английском языке представлены двумя структурными типами, а именно, префиксальным и суффиксальным. Рассмотрим их количественную характеристику (см. табл. 3.5).

Таблица 3.5

Количественная характеристика структурных типов синтетических аугментативных наименований лица в английском языке

№ п/п	Структурный тип	Кол-во	%	Примеры
1.	Префиксальный	223	95	<i>supercook</i> ‘суперповар’ (<i>super-</i> + <i>cook</i> ‘повар’)
2.	Суффиксальный	11	5	<i>picaroon</i> ‘плут’ (от <i>picaro</i> ‘жулик’ + <i>-oon</i>)
	Всего	234	100	

3.4.1 Префиксальные аугментативы

Префиксация занимает первое место по продуктивности (223 единицы, 95%). Префиксальные аугментативы образуются путем добавления к корневым морфемам таких префиксов как *super-*, *arch-*, *grand-*, *great-*, *proto-*, *pro-*, *primo-*, *hyper-*, *ultra-*, *over-*, *mega-*.

Префикс греческого происхождения ***arch-*** выражает старшинство (*archbishop* ‘архиепископ’ < *bishop* ‘епископ’), высшую степень качества (*archmurderer* ‘массовый убийца’ < *murderer* ‘убийца’) и первоначальность (*archfather* ‘прародитель’ < *father* ‘отец’). На старшинство указывает префикс греческого происхождения ***proto-*** (*protodeacon* ‘протодиакон’ < *deacon* ‘диакон’), а на первичность – латинские префиксы ***pro-*** и ***primo-*** (*primogenitor* ‘прародитель’ < *genitor* ‘родитель’). Греческий префикс ***mega-*** и латинский ***super-*** выражают значительность и превосходство (*megastar* ‘мегазвезда’ < *star* ‘звезда’). Еще ***grand-*** указывает на превосходство в званиях (*grandmaster* ‘большой мастер’ (гроссмейстер) < *master* ‘мастер’), а древнеанглийский префикс ***over-*** означает превосходство и старшинство (*overman* ‘сверхчеловек’ < *man* ‘человек’) [76, с. 77–86]. Греческий префикс ***hyper-*** выражает чрезмерность (*hyperpolyglot* ‘гиперполиглот’ < *polyglot* ‘полиглот’).

Древнеанглийские префиксы ***grand-*** и ***great-*** в наименованиях лица фиксируют степень межпоколенного родства. От старофранцузского *grant* ‘большой, высокий; взрослый; великий, мощный, важный; строгий, суровый; обширный; многочисленный’, которое происходит от латинского *grandis* ‘большой; полный, обильный; взрослый; сильный, мощный, важный, суровый’, произошло английское *grand* [314]. От старо-английского *grēat* ‘крупный, высокий, толстый, массивный; грубый’, которое восходит к прагерманскому *grautaz* ‘грубый, толстый’, произошли английское *great*, немецкое *groß*, нидерландское *groot*, люксембургское *grouss* [314].

Значение предка в английском языке передается с помощью *grand-* (*grandmother* ‘бабушка’), французском *grand-* (*grand-mère* ‘бабушка’), немецком

groß (*Großvater* ‘дедушка’), нидерландском *groot* (*grootvader* ‘дедушка’), люксембургском *grouss* (*Groussmamm* ‘бабушка’). Считаем английские наименования лица, у которых значение степени родства выражается префиксом *grand-*, лексикализованными или застывшими аугментативами, которые утратили исходное увеличительное значение. Количество повторений *great-* при добавлении к наименованию с морфемой *grand-*, указывает на количество поколений, разделяющих родственников (*great-great-granddaughter* ‘праправнучка’ < *granddaughter* ‘внучка’).

Этимологический анализ префиксов *grand-* и *great-* позволяет сделать вывод, что от ядерного аугментативного значения ответвляются новые семантические зоны. Центральное значение «большой размер» мотивирует следующие денотативные значения: *взрослый, предок, степень родства, мужской пол, первостепенность, высокая степень социальной важности, значительность, суровость, неуклюжесть, безобразность, чудовищность* (см. Приложение Б, схему Б.1). С понятием большого размера связано развитие значений *изумления, восхищения, уважения, ужаса, враждебности, неприязни* (см. Приложение Б, схему Б.2).

Наименования лица с префиксами *super-* и *mega-*, образованные от одной основы, являются синонимичными аугментативами, которые отличаются друг от друга степенью интенсивности. Так, *megastar* ‘мегазвезда’ – это знаменитость более высокого уровня, чем *superstar* ‘суперзвезда’. Аугментативы с префиксами *arch-* и *proto-*, образованные от одной мотивирующей основы, также не являются абсолютными синонимами. К примеру, *archdeacon* ‘архидиакон’ – это старший безбрачный диакон, а *protodeacon* ‘протодиакон’ – это старший женатый диакон.

Префикс *super-* обладает самой высокой словообразовательной активностью и может комбинироваться с различными основами, в то время как *arch-* и *proto-* являются архаичными аффиксами, которые не способствуют пополнению английского языка новыми аугментативами.

3.4.2 Суффиксальные аугментативы

Суффиксация – малопродуктивный способ образования аугментативов (11 единиц, 5%), что объясняется отсутствием в английском языке собственных увеличительных суффиксов. Для заполнения словообразовательных лакун используются заимствованные и образованные на базе иноязычных слов суффиксы.

Аугментативные наименования лица в английском языке имеют итальянский суффикс *-occio* и испанский суффикс *-oon* (*picaroon* ‘плут’ < *picaro* ‘жулик’), которые присоединяются к нарицательным существительным и выражают отрицательное эмоциональное отношение. Причина использования данных аугментативных формантов заключается в богатом инвентаре экспрессивных суффиксов в романских языках.

Для элиминирования лакун в английском языке прибегли к созданию нового увеличительного суффикса *-zilla*. Он образован с помощью усечения слова *Godzilla* ‘Годзилла’, то есть названия главного персонажа одноименного японского фильма о гигантском динозавре-мутанте. Производящая основа суффикса является блендом японских слов *gorira* ‘горилла’ и *kujira* ‘кит’, при этом первая часть англизирована. Нужно оговориться, что статус суффикса он получил недавно, однако долгое время прекрасно справлялся с возложенными функциями.

Суффикс *-zilla* используется при образовании негативно-оценочных сленговых наименований и указывает на разрушение и агрессию, что обусловлено ассоциациями с гигантским и неповоротливым чудовищем, крушащим все на своем пути. Данный суффикс используется для создания комического образа, к примеру, очень высокой неуклюжей блондинки (*blondzilla* ‘блондзилла’ < *blond* ‘блондинка’) или гиперпекающей матери (*momzilla* ‘мамзилла’ < *mom* ‘мама’). Также с помощью суффикса *-zilla* именуется тот, кто одержим приготовлениями к важному мероприятию, например, свадьбе (*bridezilla* ‘брайдзилла’ < *bride* ‘невеста’) или выпускному баллу (*promzilla* ‘промзилла’ < *prom* ‘выпускной’).

3.5 Аналитические аугментативы

Аугментативная семантика аналитических наименований лица реализуется на уровне свободного и устойчивого аугментативного словосочетания. Рассмотрим количественную характеристику структурных типов аналитических аугментативных наименований лица (см. табл. 3.6).

Таблица 3.6

Количественная характеристика структурных типов аналитических аугментативных наименований лица в английском языке

№ п/п	Структурный тип	Кол-во	%	Примеры
1.	Свободное аугментативное словосочетание	41	59	<i>chief doctor</i> 'главный врач'
2.	Устойчивое аугментативное словосочетание	28	41	<i>big enchilada</i> 'большая энчилада' (о высшем руководителе)
	Всего	69	100	

3.5.1 Свободные аугментативные словосочетания

В свободном аугментативном словосочетании (41 единица, 59%) стержневой компонент представлен нарицательным существительным, а увеличительность выражена прилагательным. Примечательно, что дескриптор *big* не участвует в образовании свободных словосочетаний и выявлен в структуре только фразеологических единиц. За выражение интенсивности признака в анализируемых аугментативах отвечают синонимы *chief* 'главный', *senior* 'старший', *head* 'главный', *prime* 'первый', в свою очередь *superior* 'высший', *grand* 'высший', *master* 'мастер', *leading* 'старший', *full* 'полный', *high* 'верховный' оказались менее продуктивными. Данные дескрипторы выражают значение старшинства, важности и превосходства, поэтому активно используются в названиях должностей, званий и статуса: глава учебного заведения (*head teacher* 'директор школы'), начальник мужского монастыря (*Father Superior* 'настоятель'), важная персона (*Grand Seigneur* 'барин'). В военном звании *senior sergeant* 'старший сержант' прилагательное указывает на расположение по рангу выше сержанта, а в *senior chief petty officer* 'первый главный старшина' двойная аугментативизация показывает на звание выше главного старшины и старшины.

3.5.2 Устойчивые аугментативные словосочетания

Устойчивые аугментативные словосочетания (28 единиц, 41%) имеют двухкомпонентную структуру (*big head* ‘большая цаца’), такой многокомпонентный аугментатив как *big man on campus* ‘первый парень на деревне’ является скорее исключением из правила. Прототипическим аналитическим аугментативом выступает словосочетание с прилагательным *big*. Чаще устойчивые словосочетания называют человека высокого социального статуса и выражают неодобрение к нему со стороны непривилегированного человека (*big shot* ‘большая шишка’, *big hitter* ‘важная птица’).

По частеречной принадлежности стержневой компонент устойчивых аугментативных словосочетаний является нарицательным существительным (28 единиц, 100%). В основе стержневого компонента устойчивых аугментативных словосочетаний лежит образ. Метафорический перенос (21 единица, 75%) представлен моделями *человек* → *человек*, *артефакт* → *человек*, *еда* → *человек*, *животное* → *человек*. Например, влиятельного человека шутливо сравнивают с отцом семейства (*big daddy* ‘большой папочка’), сильного и успешного человека соотносят с крупнокалиберным оружием (*big gun* ‘большая пушка’), высшего руководителя называют блинчиком с острой мясной начинкой из мексиканской кухни (*big enchilada* ‘большая энчилада’), кондуктора грузового поезда сравнивают с тягловым животным (*big ox* ‘большой бык’). Метонимический перенос (7 единиц, 25%) представлен моделями *часть тела* → *человек*, *предмет одежды* → *человек*. К примеру, очень болтливую или хвастливую человека называют ртом, так как это часть речевого аппарата (*big mouth* ‘большой рот’), а американского полицейского называют шляпой, так как раньше этот головной убор носили сотрудники полиции в штатах (*big hat* ‘большая шляпа’).

3.6 Лексические аугментативы

Лексические аугментативы оказались непродуктивными (10 единиц, 3%). Аугментативы данного типа служат языковым средством иносказательного наименования человека по сходству с объектами большой величины. Метафорический перенос представлен моделями *артефакт* → человек, *животное* → человек, *ирреальное существо* → человек. Например, в английском языке существуют сленговые наименования, основанные на сравнении полного человека с большим куском чего-либо: *chunk* ‘ломоть, жирдяй’ → *a rude slang word someone who is overweight*. Также грузного и неповоротливого человека сравнивают с китом, так как это самое большое животное на Земле: *whale* ‘кит, толстяк’ → *a very large person*. Лексика семантической сферы «ирреальное существо» подразделяется на следующие тематические группы: библейские персонаж, персонажи классической мифологии, литературные герои и киногерои. Так, здорового, мускулистого, сильного и довольно неуклюжего человека называют халком из-за ассоциаций с главным персонажем кинофильма, который предстает огромным зеленым существом с колоссальной физической силой и выносливостью, а также жестоким, яростным характером: *hulk* ‘Халк, громадина’ → *a large, heavy, bulky and clumsy person, often characterized by a formidable and imposing presence*.

3.7 Диминутивные и аугментативные наименования лица в свете теории естественной морфологии

Устройство языка определяется когнитивным устройством человека. А так как человеку свойственно на интуитивном уровне отдавать предпочтение более простым языковым явлениям, можно заключить, что принципы естественности языка базируются на человеческом восприятии и общесемиотических принципах. Именно на этих факторах построена шкала естественности *наиболее естественное – менее естественное и т. д. – до наименее естественного* [61].

3.7.1 Маркированность

3.7.1.1 Предложенная В. Маерталером, В. Дресслером и другими учеными концепция естественной морфологии постулирует эволюционную предпочтительность морфологических средств [261]. Под естественностью понимается относительная маркированность, концепция которой восходит к Пражскому лингвистическому кружку. В. Маерталер отмечает, что естественность обратно пропорциональна маркированности и иллюстрирует это следующими эквивалентными парами [261, р. 27]:

- 1) немаркированный = естественный;
- 2) маркированный = неестественный;
- 3) менее маркированный = более естественный;
- 4) более маркированный = менее естественный.

Маркированная лексема – это единица, которая имеет семантически, стилистически и морфологически осложненную структуру. Немаркированная лексема – это единица, которая не имеет ни одного из вышеперечисленных признаков. По Н. С. Трубецкому, маркированность / немаркированность единицы определяется в оппозициях [189].

Продемонстрируем сущность принципа естественной морфологии на примере двух наименований лица. Рассмотрим привативную оппозицию *boy* ‘мальчик’ – *boykin* ‘мальчишка’, в которой оба компонента обозначают ребенка мужского пола. На уровне общего денотативного значения *boy* имеет нулевое выражение, так как не получает никакой стилистической и морфологической характеристики; *boykin* отличается от *boy* наличием ласкательного коннотативного значения и морфологической маркированностью диминутивным суффиксом *-kin*. Соответственно, *boy* является немаркированным (беспризнаковым) членом оппозиции, связанным с нормой, а *boykin*, напротив, выступает маркированным (признаковым) элементом, связанным с аномалией.

Вслед за В. Маерталером немаркированные слова понимаются как более естественные единицы, которые быстрее и активнее усваиваются человеком, чаще

употребляются в речи [261]. Как следствие, они составляют ядро словарного состава языка. Маркированные слова являются менее естественным языковым явлением, приобретаются после немаркированных и имеют более узкий диапазон функций в силу стилистической ограниченности их употребления. Маркированные единицы составляют периферию лексики языка.

3.7.1.2 Остановимся более подробно на маркированных языковых единицах, к которым относятся диминутивные и аугментативные наименования лица. Анализ структурных особенностей позволил нам установить пять моделей маркирования на морфологическом уровне (см. табл. 3.7).

Таблица 3.7

**Модели маркирования диминутивных
и аугментативных наименований лица в английском языке**

№ п/п	Модели	Примеры
1.	Префикс + корень	<i>sub-judge</i> ‘заместитель судьи’ (<i>sub-</i> + <i>judge</i> ‘судья’)
2.	Корень + суффикс (n), где $n \geq 1$	<i>prankster</i> ‘приколист’ (<i>prank</i> ‘прикол’ + <i>-ster</i>)
3.	Префикс + корень + суффикс	<i>granddaddy</i> ‘дедулечка’ (<i>grand-</i> + <i>dad</i> ‘дед’ + <i>-y</i>)
4.	Префикс (n) + корень, где $n \geq 2$	<i>great-great-grandson</i> ‘прапраправнук’ (<i>great-</i> + <i>great-</i> + <i>grand-</i> + <i>son</i> ‘сын’)
5.	Префикс (n) + корень + суффикс, где $n \geq 2$	<i>great-grandmommy</i> ‘прабабуля’ (<i>great-</i> + <i>grand-</i> + <i>mom</i> ‘мама’ + <i>-y</i>)

Из таблицы 3.7 следует, что в английском языке существуют разнообразные способы морфологического маркирования лексем. Наиболее маркированными и наименее натуральными с точки зрения концепции естественной морфологии являются единицы, образованные по моделям *префикс (n) + корень, где $n \geq 2$* и *префикс (n) + корень + суффикс, где $n \geq 2$* . К данной категории относятся лексемы, одновременно выражающие увеличительность (родство через поколения) и уменьшительность (ласку). Чем больше промежуток времени между представителями разных поколений родственников, тем более маркированным является наименование родственника. Выразим это соотношение моделью:

- 1) больше степень родства (близкий родственник) = менее маркированный;
- 2) меньше степень родства (дальний родственник) = более маркированный.

Для большей доказательности рассмотрим градуальную оппозицию наименований лица по родству:

grandfather ‘дед’ – *granddad* ‘дедушка’ – *granddaddy* ‘дедулечка’ – *great-granddaddy* ‘прадедулечка’ – *great-great-granddaddy* ‘прапрадедулечка’ – *great-great-great-granddaddy* ‘прапрапрадедулечка’ и т. д.

Все члены градуальной оппозиции имеют общее денотативное значение и обозначают деда, у которого с говорящим варьируется родство через поколения. Наименования лица маркированы по модели *префикс (n) + корень + суффикс*, где $n \geq 2$, так как префикс *great-* прибавляется с каждым новым поколением, а уменьшительно-ласкательный суффикс *-y* является неизменным элементом. Кроме того, члены оппозиции отличаются стилистической маркированностью. Коннотативное значение меняется от нейтрального (*grandfather* ‘дед’) через неформальное (*granddad* ‘дедушка’) к ласкательному (*granddaddy* ‘дедулечка’). Однако, стилистическая маркированность перестает нарастать на уровне *granddaddy* ‘дедулечка’. Соответственно, *great-great-granddaddy* ‘прапрадедулечка’ не выражает более сильных чувств, чем *great-granddaddy* ‘прадедулечка’, но отличается большей морфологической маркированностью.

Анализ градуальной оппозиции показывает, что диминутивное значение развивается на базе аугментативности. Считаем, что в таком случае ласкательное коннотативное значение наименований лица по родству является первичным, а аугментативное – вторичным; акцент делается на эмоциональную реакцию адресанта, а не характер родственных связей. В разговорной речи такие сложномаркированные языковые единицы встречаются очень редко и, как правило, ограничиваются специальным контекстом употребления.

3.7.1.3 Далее представляется возможным сравнить диминутивные и аугментативные наименования лица по степени маркированности. Продемонстрируем данное различие с помощью соответствующей модели:

- 1) диминутив = менее маркированный;
- 2) аугментатив = более маркированный.

В данном случае степень маркированности просматривается не в привативной оппозиции, где один член характеризуется наличием признака, а другой – его отсутствием, а в градуальной оппозиции, так как оба члена наделены одним и тем же признаком, который отличается разной степенью проявления (интенсивности). Соответственно, члены такой оппозиции неравноправны.

Проиллюстрируем данное соотношение на примере двух наименований лица. Рассмотрим градуальную оппозицию *mommy* ‘мамочка’ – *momzilla* ‘мамзилла’, в которой оба элемента обозначают мать. Оба члена оппозиции имеют морфологически осложненную структуру с помощью диминутивного суффикса -у и аугментативного суффикса -zilla. Данные морфологические показатели также способствуют осложнению семантики слов, о чем постулирует теория оценочной морфологии [250]. Семантика диминутива *mommy* осложнена только коннотивным значением, в данном слове актуализируется эмотивное отношение (любовь, нежность) и стилистический компонент (разговорность). У аугментатива *momzilla* происходит расширение денотативного значения новой дифференциальной семьей (гиперопекающая мать) и появляются коннотативные признаки (грубость, юмористическое отношение, неформальность).

При противопоставлении диминутива *mommy* и аугментатива *momzilla* удается проследить сам процесс маркирования нейтральной (беспризнаковой) лексемы *mother* ‘мать’. Маркированность аугментатива заключается в интенсификации, усилении значения морфологическими и семантическими средствами, а маркированность диминутива носит реверсивный (аннулированный) характер, так как значение интенсификации ликвидируется тем же способом, как оно сформировалось:

- 1) увеличительный суффикс -zilla меняется на уменьшительный суффикс -у;
- 2) грубоватое, юмористическое отношение меняется на ласкательное.

При противопоставлении диминутивов и аугментативов убеждаемся в том, что аугментативы более маркированы, чем диминутивы. Данное наблюдение объясняется тем, что аугментативы как средство выражения большой величины,

интенсивности, чрезмерности, избыточности передают менее естественное с когнитивной точки зрения состояние. В сравнении с диминутивностью аугментативность ассоциируется с меньшей натуральностью, меньшей нормальностью, сложностью, меньшей оптимальностью и, как следствие, меньшей предпочтительностью и частотностью.

Приведенные выше факторы объясняют причину, по которой аугментативы являются более редким языковым явлением, чем диминутивы. Проведенный анализ позволяет вывести еще одну модель, которая отражает зависимость маркированности лексемы от ее частотности в языке:

- 1) более маркированный = менее частотный;
- 2) менее маркированный = более частотный.

3.7.2 Иконичность

Еще принцип естественности языка коррелирует с морфологическими процессами, посредством которых образуются новые слова. В. Маерталер развивает идею иконичности языковых знаков американского философа и семиотика Ч. С. Пирса. Ученый установил шкалу иконичности, в которой разместил словообразовательные процессы по степени относительной иконичности от наиболее естественных к наименее естественным [272]:

- 1) аффиксация;
- 2) аффиксация с внутренней модификацией;
- 3) внутренняя модификация;
- 4) нулевая аффиксация, или конверсия;
- 5) субстракция, или вычитание;
- 6) супплетивизм.

Как видно из приведенной шкалы иконичности, аффиксация и аффиксация с внутренней модификацией являются наиболее естественными способами словообразования. Следовательно, аффиксальные единицы языка быстрее усваиваются человеком как наиболее естественные формы. Данное умозаключение подтверждается на материале английских диминутивных и

аугментативных наименований лица, среди которых суффиксальные диминутивы и префиксальные аугментативы демонстрируют наибольшую продуктивность.

Техника субстракции активно используется при образовании усеченных диминутивов, в которых проявляется иконичность. Согласно данному принципу, в языковом знаке представляется внеязыковое содержание. Натуральное сходство означающего (слово) и означаемого (человек), основанное на переосмыслении малости, продемонстрировано в следующих примерах. Итак, сокращенная форма слова используется для выражения ласки и интимности по отношению к чему-то милому (*sis* ‘сестренка’ – *colloq* a sister) или пренебрежения к чему-то жалкому (*simp* ‘простофиля, дурачок’ – *colloq (now chiefly US)* a simpleton, a fool) и бедному (*pov* ‘бедняк’ – *Australian slang, used to dismiss contemptuously* a poor person).

Супплетивизм является наименее желательным морфологическим средством, поскольку он сильно уменьшает иконичность. Производящее и производное слово (супплетив) невозможно объединить в одну морфему, ведь для образования разных форм одного и того же слова используются два или более фонетически различных корня. Как следствие, супплетивные диминутивы являются редким, а аугментативы лакунарным явлением в языке.

3.7.3 Морфотактическая прозрачность

В связи со стремлением к естественности в морфологии, важная роль отводится морфотактической прозрачности. Данный принцип находит отражение в суффиксальных и префиксальных диминутивных и аугментативных наименованиях лица, поскольку степень транспарентности оценивается по состоянию морфемного шва между мотивирующей основой и аффиксом [225, p. 19]. Менее эволюционно предпочтительным и естественным является затемнение стыка морфем такими морфонологическими процессами как чередование фонем, наложение морфем, интерфиксация, усечение основы, фузия.

Степень морфотактической прозрачности суффиксальных наименований в английском языке может отличаться. Наибольшей степенью транспарентности

характеризуются диминутивы, морфемное членение которых не затруднено: *hireling* ‘наемник’ (*hire* ‘нанимать’ + *-ling*), *birdie* ‘птичка’ (*bird* ‘птица’ + *-ie*).

Меньшей степенью прозрачности отличаются диминутивы, у которых на морфемном шве, то есть стыке между основой и суффиксом, происходят морфонологические процессы:

- 1) чередование фонем: *Hunky* ‘чернорабочий’ (*Hungarian* ‘венгр’ + *-y*);
- 2) интерфиксация: *foolio* ‘дурачок’ (*fool* ‘дурак’ + *-i-* + *-o*), *Alaskamo* ‘аляскинец’ (*Alaska* ‘Аляска’ + *-m-* + *-o*);
- 3) наложение морфем: *critikin* ‘критикан’ (*critic* ‘критик’ + *-kin*), *littling* ‘детеныш’ (*little* ‘маленький’ + *-ling*);
- 4) усечение производящей основы: *journalo* ‘журналист’ (*journalist* ‘журналист’ + *-o*), *stewie* ‘стюха’ (*stewardess* ‘стюардесса’ + *-ie*).

Все префиксальные диминутивы, а также суффиксальные и префиксальные аугментативы характеризуются высокой морфотактической транспарентностью, поскольку морфемные границы не затемняются: *vice-admiral* ‘вице-адмирал’ (*vice-* + *admiral* ‘адмирал’), *superpatriot* ‘суперпатриот’ (*super-* + *patriot* ‘патриот’).

Композитно-суффиксальные диминутивы довольно морфотактически прозрачны. Морфемные швы затемняются в случае интерфиксации, усечения производящей основы, наложения морфем. Так, лексема *chickabiddy* ‘цыпленочек (о ребенке)’ представляет собой сочетание именной основы *chick* ‘цыпленок’ с сокращенной формой женского имени *Bridget* ‘Бриджет’ и интерфикса *-a-* между ними для благозвучия. Или как, например, в вульгарном прозвище *sadie-maisie* ‘садо-мазохист’ наблюдается диминутивизация обеих основ, вторая из которых лишь отдаленно напоминает *masochist* из-за аблаута и финального усечения. А в диминутиве *climey*, который обозначает карьериста из Британии, происходит наложение основ *climber* ‘карьерист’ и *limey* ‘англичанин’ друг на друга. Отдельного внимания заслуживают композитно-суффиксальные диминутивы, основы которых соединяются в бленды. Из-за фузии морфемная граница будто размывается, что осложняет семантическую и морфологическую прозрачность

композиата: *bankster* ‘банкстер’ (*banker* ‘банкир’ + *gangster* ‘гангстер’), где второй компонент – это результат суффиксации *gangster* ‘гангстер’ < *gang* ‘банда’.

Зооморфным диминутивным наименованиям лица, которые образованы супплетивным способом, свойственна низкая морфотактическая прозрачность. Названия самца, самки и детеныша некоторых животных в английском языке не сходятся, соответственно, их образование непредсказуемо: *calf* ‘теленоч (глупый или безобидный человек)’ – *bull* ‘бык’ – *cow* ‘корова’; *colt* ‘жеребенок (неопытный человек)’ – *stallion* ‘жеребец’ – *mare* ‘кобыла’.

Анализ эмпирического материала исследования показал, что аффиксальные диминутивные и аугментативные наименования лица в английском языке в большей степени являются иконичными знаками. В случае, когда аффикс, интерфикс или какой-то морфонологический процесс имеют место в образовании слова, это несущественно затрудняет их идентификацию и понимание. Как следствие, можем констатировать, что такие языковые единицы в морфотактическом отношении построены прозрачно.

Вспомним слова В. Дресслера: «в языках мира слова и словоформы, обладающие большей морфотактической прозрачностью, должны встречаться чаще, чем морфотактически менее ясные слова (словоформы)» [65, с. 35].

3.7.4 Односложность диминутивов

В рамках естественной морфологии как минимум двусложные слова считаются более естественными и предпочтительными, чем односложные: *fisho* ‘рыболов’ (*fish* ‘рыба’ + *-o*), *mannie* ‘мужчинка’ (*man* ‘мужчина’ + *-ie*), *ultranationalist* ‘ультранационалист’ (*ultra-* + *nationalist* ‘националист’). Тем не менее, в процессе эволюции языку свойственно самостоятельно пересматривать существующие теоретические позиции с точки зрения их адекватности системным свойствам языка. Такие сложные языковые средства как диминутивы в течение времени обнаружили изоморфные системные характеристики. В. Дресслер допускает возможность преодоления морфонологических ограничений в силу прагматического значения диминутивов [244, р. 137].

На материале диминутивных наименований лица видно, как на сегодняшний день английский язык отдает предпочтение неестественно коротким односложным формам: *hume* ‘чел’ < *human* ‘человек’, *mom* ‘мамуля’ < *mother* ‘мать’, *tex* ‘мексикашка’ < *Mexican* ‘мексиканец’, *bro* ‘братюня’ < *brother* ‘брат’, *dep* ‘депутатик’ < *deputy* ‘депутат’. Данный процесс по вытеснению более естественных многосложных слов более короткими формами, то есть диминутивными эквивалентами, наблюдается в разговорном английском и сленге.

Интересно, что суффиксальные диминутивы, которые составляют ядро выборки, преимущественно имеют двусложную структуру, что считается нижним пределом естественности согласно рассматриваемой теории. Приближение к минимальному порогу морфонологической натуральности осуществляется, в частности, за счет усечения многосложной производящей основы до одного слога, к которому и добавляется диминутивный суффикс: *connie* ‘кондуктор’ (*conductor* + *-ie*), *presbo* ‘пресвитерианин’ (*presbyterian* + *-o*).

Выводы к главе 3

1. С точки зрения принципов естественной морфологии в английском языке диминутивные наименования лица преобладают над аугментативными (87% и 13% соответственно) в связи с разной степенью их маркированности, то есть семантической и морфологической сложности структуры. С когнитивной точки зрения диминутивы как менее маркированные единицы являются более понятным и естественным языковым явлением, чем аугментативы, так как большая величина, высокая интенсивность и превышение меры рассматриваются как более неестественное и сложное состояние, что и влияет на их распространенность в языке.

2. Преобладание синтетических диминутивов и аугментативов (82,5% и 75% соответственно) свидетельствует о продуктивности морфологической парадигмы английского языка и обусловлено их морфологической однотипностью и легкостью осваивания.

3. Общим для английских диминутивных и аугментативных наименований лица является суффиксальный и префиксальный структурный тип. Специфическими структурными типами диминутивов являются аббревиатурный, редупликативный, композитно-суффиксальный.

4. Наиболее продуктивным структурным типом для диминутивных и аугментативных наименований является аффиксальный (68% и 75% соответственно), поскольку аффиксация считается наиболее иконичным, то есть естественным способом словообразования. Аффиксальные диминутивы и аугментативы в английском языке обладают высокой морфотактической прозрачностью. Затемнение морфемной границы между аффиксом и корнем чередованием фонем, наложением морфем, интерфиксацией, усечением основы или фузией несущественно затрудняет идентификацию данных морфонологических процессов и понимание структуры и смысла единицы.

5. В английском языке 57% всех суффиксальных диминутивов образовано с помощью уменьшительного и прагматически-маркированного суффикса *-ie* (-y, -ey, -ee), что связываем с прототипическим гласным звуком [i], сообщающим о диминутивности. Система диминутивных суффиксов становится более разнообразной за счет двойной диминутивизации, то есть одновременного сочетания нескольких суффиксов, приобретения семы диминутивности сленговыми суффиксами, а также заимствования диминутивных формантов из других языков (африкаанса, итальянского, испанского, латинского, тагальского, русского, немецкого). Система диминутивных суффиксов обновляется, в то время как некоторые уже существующие морфемы выходят из употребления. Суффиксы *-ling*, *-el* (-elle), *-rel* (-erel, -erelle), *-ing*, *-ock*, *-en* относятся к устаревшим. Наблюдается тенденция к замене словообразовательно неактивных суффиксов на продуктивные. Собственные аугментативные суффиксы в английском языке отсутствуют, поэтому для компенсации лакуарности заимствуются итальянские и испанские суффиксы, а также создается новый увеличительный формант *-zilla*.

Инвентарь диминутивных префиксов устоявшийся и включает *sub-*, *under-*, *vice-*, *hypo-*, *sur-* и *mini-*. Участвуя в образовании рангов, званий, титулов, должностей, вышеуказанные префиксы становятся нейтрально-оценочными. Аугментативные префиксы *arch-*, *grand-*, *great-*, *proto-*, *pro-*, *primo-*, *over-* непродуктивны и также утрачивают оценочный характер при образовании названия ступени в иерархической системе, а также наименований лица по степени родства. В свою очередь, префиксы *super-*, *mega-*, *hyper-*, *ultra-* активно участвуют в образовании новых наименований лица.

6. Аббревиатурные диминутивные наименования образуются с помощью техники субстракции, которая является достаточно иконичным морфологическим способом. Неестественно короткая односложная форма слова демонстрирует натуральное сходство с обозначаемым лицом и выражает ласку к малому и милому или пренебрежение к малому и жалкому. Более естественные многосложные наименования лица вытесняются менее эволюционно предпочтительными короткими формами, поскольку английский язык преодолевает системные морфонологические ограничения в пользу достижения прагматического эффекта.

7. У аналитических наименований лица уменьшительное / увеличительное значение реализуется в семантике словосочетания. В свободных словосочетаниях диминутивность выражается прилагательными *little*, *baby*, *tiny*, *junior*, *petty*, *basic*, *rear*, *half*, а аугментативность передается дескрипторами *chief*, *senior*, *head*, *prime*, *superior*, *grand*, *master*, *leading*, *full*, *high*. В устойчивых словосочетаниях диминутивность актуализируется с помощью параметрических прилагательных *small* и *little*, которые одновременно выражают размерное и эмоционально-оценочное значение. Также диминутивность реализуется с помощью диминутивного суффикса, усечения, редупликации в одном или нескольких компонентах словосочетания. Аугментативность в устойчивых словосочетаниях реализуется прилагательным *big*.

Экспрессивная окрашенность устойчивых диминутивных и аугментативных словосочетаний интенсифицируется образностью внутренней формы стержневого компонента. В основе значения диминутивов и аугментативов лежат метафорические переносы *человек* → *человек*, *артефакт* → *человек*, *еда* → *человек*, *животное* → *человек*. В семантике аугментативов реализованы модели метонимического переноса *часть тела* → *человек*, *предмет одежды* → *человек*. Также в структуре устойчивых диминутивных словосочетаний активно используются личные мужские и женские имена (78%), что демонстрирует тенденцию к сближению имени собственного и нарицательного в английском языке. Среди диминутивов выявлены рифмующиеся и рифмованные устойчивые словосочетания, которые выражают шутовское и несерьезное отношение. В диминутивах первого типа компоненты рифмуются между собой, а в диминутивах второго типа форма словосочетания рифмуется с подразумеваемым словом.

8. У лексических диминутивных и аугментативных наименований лица уменьшительное и увеличительное значения мотивированы внутренней формой слова. Диминутивность таких лексем мотивирована сходством человека с объектами, которые еще не полностью развились. Чаще всего в данной функции используются названия детенышей животных, так как в них имплицитно включена семантика диминутивности. Низкая продуктивность лексических диминутивов в английском языке объясняется низкой иконичностью супплетивизма, посредством которого производятся зооморфные лексические диминутивные наименования лица. Значение аугментативности мотивировано сходством человека с предметами больших размеров, крупными животными, а также высокорослыми персонажами Библии, мифологии, литературы и кино.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [21; 26; 134; 136; 140; 142; 144; 145; 146; 147].

Глава 4

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ АНГЛИЙСКИХ ДИМИНУТИВНЫХ И АУГМЕНТАТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА

В четвертой главе описаны особенности функционирования диминутивных и аугментативных наименований лица в англоязычном художественном, публицистическом и Интернет-дискурсе. Использование диминутивов и аугментативов обосновывается выражением предметно-логического и эмоционально-оценочного значения на различных языковых уровнях. Выявлены и описаны лингвокультурологические характеристики диминутивных и аугментативных наименований лица в британском, американском и австралийском английском.

4.1 Функциональные особенности английских диминутивных и аугментативных наименований лица

Рассмотрение структурно-семантических особенностей диминутивных и аугментативных наименований лица дает возможность перейти к анализу их функционирования в англоязычном дискурсе. Поскольку основной сферой употребления уменьшительных и увеличительных единиц является разговорная речь, считаем целесообразным использовать в качестве источников примеров:

- художественные тексты (произведения Л. М. Олкотт, Дж. Барри, Ш. Бронте, Р. Даля, Ч. Диккенса, Дж. Голсуорси, А. Голдена, М. Митчелл, Л. М. Монтгомери, Э. Несбит, Дж. К. Роулинг, М. Спарк, К. Норрис);
- публицистические тексты (мемуары Э. Гилберт и Дж. Белфорта);
- сетевые тексты (комментарии пользователей YouTube-каналов британских и американских СМИ и телепередач).

Начнем с того, что анализируемые наименования лица обладают объективно-логическим значением размера. Маленький или большой размер

индивида определяется при сравнении с человеком среднего телосложения. Эталоном выступает размер тела среднестатистического взрослого.

Ребенок отличается от взрослого своими параметрами: рост, вес, телосложение. Физическое развитие ребенка сопровождается увеличением роста и веса, изменениями пропорций тела, половым созреванием и завершается формированием взрослого тела. В примере ниже ласкательная эмоциональная реакция в отношении сиротки Кетут, выраженная прилагательным *little*, мотивирована маленьким ростом и возрастом девочки, которые зафиксированы в *smallest*, и семантикой стержневого компонента словосочетания, которая подчеркивает трудное детство ребенка, оставшегося без родителей:

(1) *I blew out the candles of the birthday cake along with **Little Ketut, the smallest orphan**, whose birthday, I had decided a few weeks ago, would also be on July 18 from now on, shared with my own, since she'd never had a birthday or a birthday party before [332].*

Далее в описании мальчишки Питера Пена и Миссис Венди Дарлинг наблюдается противопоставление образов ребенка и взрослого с помощью прилагательных *little – big* и существительных *boy – woman*:

(2) *He was exactly the same as ever, and Wendy saw at once that he still had all his first teeth. He was **a little boy**, and she was grown up. She huddled by the fire not daring to move, helpless and guilty, **a big woman** [324].*

Малый размер актуализируется в наименованиях пожилого человека. В силу возрастных изменений он теряет в росте и весе, начинает горбиться и выглядеть еще ниже. Беззубый балийский целитель с веселыми глазками из следующего примера сравнивается с маленьким, но в то же время мудрым и сильным учителем Йода из «Звездных войн»:

(3) *The medicine man, as it turned out, was **a small, merry-eyed, russet-colored old guy** with a mostly toothless mouth, whose resemblance in every way to the Star Wars character Yoda cannot be exaggerated [332].*

Понятие малости также заключено в названия взрослого низкорослого человека. Малость может определяться этнической идентичностью. К примеру, балийцы, индийцы, индонезийцы, вьетнамцы, филиппинцы по своей природе маленькие, поджарые и энергичные люди:

(4) *Mario is one of the guys who work at this hotel. I already made friends with him when I checked in, largely on account of his name. Not too long ago I was traveling in a country where many men were named Mario, but not one of them was **a small, muscular, energetic Balinese fellow** wearing a silk sarong and a flower behind his ear. So I had to ask, “Is your name really Mario? That doesn’t sound very Indonesian.” [332].*

В примере ниже указание на небольшой рост пожилого гуру из Индии содержится в дескрипторе *small*. Диминутивное словосочетание *precious little English* передает ласковое отношение не к английскому языку, на котором пытается говорить учитель, а референту, то есть самому индийскому гуру.

(5) *And then – quite distinctly – **this small Indian Guru** who had spoken **precious little English** during his lifetime mouthed this one word to me across the distance: Enjoy [332].*

Низкорослость во взрослом возрасте может быть обусловлена генетическими мутациями. В следующем примере лексема *lady*, обозначающая молодую женщину-карлика, модифицируется прилагательным *little*, тем самым выражая восхищение маленькой леди с заразительным смехом и очаровательной улыбкой:

(6) *Her laugh is infectious. Her smile is contagious. This **little lady** is so adorable [350].*

Большой размер реализуется в наименованиях крупного человека. К примеру, женщина рассматривает в качестве хорошей для себя партии высокого, плечистого, мускулистого, сильного и уверенного в себе мужчину и называет его отличным парнем:

(7) *To his credit, he didn’t just mean himself, though I believe he might be willing to take on the job. He assured me that Ian – that good-looking Welsh guy – would be a*

*fine match for me, but there are other candidates, too. There's a chef from New York City, "**a great, big, muscular, confident fellow,**" whom he thinks I might like [332].*

Следует отметить, что изучаемые наименования лица в английском языке кроме объективно-логического значения размера способны выражать субъективную оценку, которая может быть положительной или отрицательной.

В первую очередь, диминутивность реализуется как ласкательность. Уменьшительно-ласкательные наименования адресуются человеку, к которому говорящий испытывает теплые чувства. По уменьшительно-ласкательным образованиям в речи Мистера Рочестера, обращенной к Джэйн Эйр, можно проследить развитие их отношений.

В примере ниже хозяин дома, в который Джэйн пришла работать гувернанткой, ласково и с трепетом называет ее дружочком и просит подать руку помощи в беде:

(8) "***My little friend!***" said he, "I wish I were in a quiet island with only you; and trouble, and danger, and hideous recollections removed from me." [326]

В следующем примере прослеживается переход от дружбы к романтической любви. После объяснения в своих чувствах, предложения руки и сердца и положительного ответа любимой женщины Мистер Рочестер нежно и с большой любовью назвал ее своей милой женой:

(9) "*Gratitude!*" he ejaculated; and added wildly – "*Jane accept me quickly. Say, Edward – give me my name – Edward – I will marry you.*"

"*Are you in earnest? Do you truly love me? Do you sincerely wish me to be your wife?*"

"*I do; and if an oath is necessary to satisfy you, I swear it.*"

"*Then, sir, I will marry you.*"

"*Edward – **my little wife!***"

"*Dear Edward!*" [326]

На следующий день после предложения руки и сердца влюбленный Мистер Рочестер смотрел на Джэйн другими глазами. В ней он больше не видел

загадочное существо, напоминающее маленького бледного эльфа, напротив перед ним стояла прекрасная молодая девушка со свежим, здоровым румянцем и ямочками на щеках:

(10) “*Jane, you look blooming, and smiling, and pretty,*” said he: “*truly pretty this morning. Is this my pale, little elf? Is this my mustard-seed? This little sunny-faced girl with the dimpled cheek and rosy lips; the satin-smooth hazel hair, and the radiant hazel eyes?” (I had green eyes, reader; but you must excuse the mistake: for him they were new-dyed, I suppose.) [326]*

Часто адресанта и адресата не связывают родственные, дружеские или любовные отношения. В следующем случае в комментариях под видео пользователи сети Интернет называют незнакомую пожилую женщину *Grammy* и умиляются при виде очаровательной бабушки в инвалидном кресле с венком из цветов на голове, которая в свой столетний юбилей, задувая праздничную свечу на именинном торте, просит у Господа Бога, чтобы все люди были счастливы, а ее семья всегда оставалась дружной и крепкой:

(11) @fancypantsmonreal5973 6 дней назад
Beautiful!!! Happy Birthday Grammy. U look so happy with your family ❤️
👍 7 🗨 Ответить

[334]

Читательский комментарий в сетевом медиадискурсе «представляет собой оценку фактуального содержания материала, поддержку либо критику блогера и демонстрацию своего Я» [85, с. 19]. К примеру, бурную эмоциональную реакцию вызвало поведение маленькой принцессы Шарлотты, дочери Кейт Миддлтон и принца Уильяма, которая после крещения своего брата строго сказала толпе папарацци: «Вы с нами не пойдете».

Одобрение дерзкого поведения трехлетней девочки читается в диминутиве *cutie pie* ‘пирожочек’, многократном выражении симпатии глаголами *love* и *like*, а также визуализированных с помощью смайлов эмоций. Эмодзи с проступившим

ХОЛОДНЫМ ПОТОМ УКАЗЫВАЕТ НА ЧУВСТВО СТЫДА ОТ НЕЛОВКОЙ СИТУАЦИИ, А УЛЫБАЮЩЕЕСЯ ЛИЦО С СЕРДЕЧКАМИ СИМВОЛИЗИРУЕТ ЛЮБОВЬ К ПРИНЦЕССЕ:

- (12) @sadesade6658 2 года назад
 Gosh just have to love this cheeky cutie pie 😊😄😁😂😍😘 love her forth rightness,
 like her great granddad 🌹👍
 👍 3 💬 Ответить

[327]

В следующем примере имеет место аналогичная эмоциональная реакция. Автор комментария выразит нежность к маленькой принцессе Шарлотте и называет ее *dolly*, сравнивая с куколкой. После диминутива *little grumpy Charlotte*, который указывает на ее ворчливость, стоит хихикающий эмодзи с розовыми от легкого смущения щечками, сигнализирующий “*Ooops!*”:

- (13) @Jazskline 2 года назад
Little Grumpy Charlotte 😊 she is such a cute dolly
 👍 2 💬 Ответить

[327]

О неодобрении такого поведения ребенка из королевской семьи свидетельствует комментарий с диминутивом *little diva*. В английском языке слово *diva* ‘дива’ имеет негативную коннотацию и обозначает женщину, которая ведет себя так будто она особенная или важная:

- (14) @emilysgottalent4806 5 лет назад
 Charlotte's like a little diva
 👍 45 💬 Ответить

[327]

Далее рассмотрим случаи, когда диминутивность реализуется как уничижительность. Пейоративные наименования адресуются человеку, к которому говорящий испытывает неодобрение и презрение.

Например, в диминутивном словосочетании *little toad* ‘маленькая жаба’, которое используется как обидное прозвище маленькой девочки, компонент *toad*

вносит семы отвращения и ненависти, а прилагательное *little* усиливает пренебрежительное отношение служанки к сироте:

(15) *“if she were a nice, pretty child, one might compassionate her forlornness; but one really cannot care for such **a little toad** as that.”* [326]

Английские диминутивные наименования итальянца (*wop* ‘итальяшка’), испанца (*spick* ‘испашка’), китайца (*chink* ‘китаеза’) являются оскорбительными прозвищами по этнорасовой принадлежности:

(16) *I grew up in a middle-class family in Bayside, Queens, where words like nigger and **spick** and **wop** and **chink** were considered the dirtiest of words – words that were never to be uttered under any circumstances* [325].

В следующем отрывке с пренебрежением говорится о сотрудниках банка, яппи или молодых городских профессионалах, которые сосредоточены на своей карьере и деньгах, высокомерны и считают себя властелинами мира:

(17) *It was an oppressive space, loaded with desks, telephones, computer monitors, and some very obnoxious **yuppies**, seventy of them in all. They had their suit jackets off, and at this hour of morning – 9:20 a.m. – they were leaning back in their seats, reading their Wall Street Journals, and congratulating themselves on being young Masters of the Universe* [325].

Отрицательно-оценочные диминутивы способны приобретать оттенок мелиоративности в контексте. Так, в разговоре няни с сиротой диминутивные словосочетания приобретают нежный, дружеский и шуточный оттенок значения. В характеристике девочки как странного, пугливого и стеснительного создания диминутивность не вносит значение пренебрежительности, ведь таким образом говорящая выражает свою обеспокоенность тем, что совсем скоро ее юная воспитанница начинает новую жизнь вдали от дома в связи с обучением в приюте. Женщина жалеет себя, используя прилагательное *poor*, так как ей предстоит расстаться с дорогой сердцу сироткой:

(18) *“You are a strange child, Miss Jane,” she said, as she looked down at me; **“a little roving, solitary thing: and you are going to school, I suppose?”***

I nodded.

“And won’t you be sorry to leave poor Bessie?”

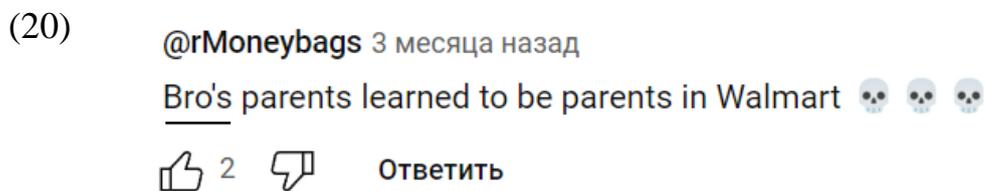
“What does Bessie care for me? She is always scolding me.”

“Because you’re such a queer, frightened, shy little thing. You should be bolder.” [326]

Диминутивные образования способны выражать фамильярность. К примеру, в первой беседе тет-а-тет хозяин дома, в который девушка пришла работать гувернанткой, сравнивает ее со скромной, тихой и серьезной монашенкой. Феминный суффикс *-ette* придает разговорности и фамильярности коммуникации, а прилагательное *little* включает эмоциональную окраску:

(19) *“Ah! By my word! there is something singular about you,” said he: “you have the air of a little nonnette; quaint, quiet, grave, and simple, as you sit with your hands before you, and your eyes generally bent on the carpet...” [326]*

Диминутивы активно используются в разговорной речи. Например, *bro* и *sis* часто употребляются в Интернет-пространстве не только в общении между братом и сестрой или близкими друзьями, но и по отношению к малознакомым людьми как знак сокращения коммуникативной дистанции [84, с. 19]. Например, автор комментария называет маленького мальчика из видео, который курит несколько пачек сигарет в день, диминутивом *bro* и делает ироничное замечание по поводу компетентности его родителей [86, с. 87]:

(20)

[349]

В комментариях о дерзкой принцессе Шарлотте разговорное устойчивое диминутивное словосочетание *tough cookie* ‘крепкий орешек’ используется, чтобы сделать акцент на твердый упрямый характер девочки, который с возрастом будет только сильнее проявляться, особенно, в обращении с папарации:

- (21) @theringomonteshow7976 2 года назад
oh boy shes gonna be a tough cookie against paparazzi in the future lmao
- 3 Ответить

[327]

Рассказывая о мужчине, которого задержали полицейские за кражу ящика с пожертвованиями, используют стилистически-сниженный диминутив *cop* вместо нормативного *policeman* для наименования лица по трудовой деятельности.

- (22) @joeshmoe7450 8 месяцев назад
I actually talked a guy a long time ago where I used to work and he stole a charity box and was caught by the cops, I asked him what the heck did he do that for? The guy just said he needed some money. 😬
-   Ответить

[335]

Диминутивные наименования лица изобилуют в английском сленге. В следующем контексте используется жаргонное обозначение наркомана:

- (23) *It wasn't like we were heroin junkies or anything as tawdry as that* [325].

Следующий комментарий служит ярким примером функционирования диминутивов в английском сленге. Под историей о двухлетнем индонезийском мальчике, который выкуривает по сорок сигарет в день, вместо полной формы словосочетания *little homeboy* автор сокращает диминутивное прилагательное *little* до *lil*, *homeboy* до *homie*, а завершает высказывание неформальное *gangasta* вместо *gangster* с эмодзи, означающим «крутость» денотата.

- (24) @Cow29389 1 год назад
This lil homie is a true gangsta 😎
- 1 Ответить

[349]

Что касается аугментативных наименований лица, то они указывают не только на большой размер и взрослый возраст референта, но и выражают высшую степень проявления качества, обозначаемого мотивирующей основой.

Женщину, которая спасла сильно обгоревшую коалу во время лесного пожара в Австралии, называют героиней, подчеркивая высшую степень героизма прилагательным *huge*:

- (25) @gelniteandlilies 11 месяцев назад
 This woman is still a huge hero! Her bravery and kindness are inspiring.
 👍 1,3 тыс. 💬 Ответить

[353]

Американец, который бежал за автомобилем по оживленной трассе, чтобы спасти водителя, потерявшего сознание за рулем, провозглашен настоящим героем, неординарные способности которого передает префикс *super-*:

- (26) @Test-tu9mb 5 месяцев назад
 the way he runs between traffic so fearlessly looks like a real life superhero. incredible.
 👍 684 💬 Ответить

[352]

Восхищение поступком феминистки, которая однажды сорвала конкурс красоты «Мисс мира» в знак борьбы с гендерным неравенством, передает эмоционально-усилительное прилагательное *tremendous*:

- (27) @chloewarner1739 3 года назад
 What a tremendous woman.
 👍 17 💬 Ответить

[354]

В другом примере положительная эмоциональная реакция посетителей сайта вызвана интеллектуальными способностями и скромностью одаренного мальчика, который в свои десять лет уже учится в колледже. В словосочетании *a wonderful little big human being* каждое прилагательное вносит свою лепту в значение целого наименования. *Little* указывает на юный возраст, *big* используется в отношении человека, который достоин глубокого уважения за свою деятельность и высокие моральные качества, *wonderful* передает восхищение адресанта. В качестве стержневого компонента выбрана лексема

human being ‘человек’, а не *child* ‘ребенок’ или *boy* ‘мальчик’, чтобы подчеркнуть, что малый возраст не приуменьшает его достоинств.

(28) @Leeohlin89 1 год назад

Aside from the incredibly intellectual ability of this child, he certainly is extremely humbling and therefore my faith in humanity has restored. I'm just as amazed as everyone observing such a wonderful little big human being.

 3 Ответить

[337]

4.2 Лингвокультурологическая специфика диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке

В эмпирический корпус входят диминутивные и аугментативные наименования лица из 6 вариантов английского языка (британского, американского, австралийского, южноафриканского, новозеландского, канадского, антарктического), а также 8 креолов на английской основе, распространенных в Южной Америке (гайанский), Африке (нигерийский и зимбабвийский английский), Океании (ямайский, багамский, барбадосский, фиджийский, тринидадский).

Наиболее часто встречаются диминутивы и аугментативы, которые маркированы лексикографическими пометами, указывающими на британский, американский и австралийский территориальный вариант английского языка. В связи с этим представляется целесообразным изучить особенности национального характера представителей трех лингвокультур, которые говорят на одном языке, но имеют разный национальный характер, посредством лингвокультурологического анализа территориально-маркированных эмоционально окрашенных диминутивов и аугментативов.

4.2.1 Британская лингвокультура

В Великобритании говорят на британском варианте английского языка, который имеет универсальные лексико-семантические характеристики и специфические черты, свойственные диалектам.

Диминутивные единицы образуются суффиксальным способом с помощью формантов *-ie / -y / -ey* (*bessie* ‘лучшая подружка’, *tubby* ‘пузатик’, *beastie* ‘кобылка’) и реже *-s* (*darls* ‘дорогуша’, *dads* ‘папуля’, *gramps* ‘дедуля’), *-o* (*wildo* ‘дикарь’, *oafo* ‘дурачок’), *-et* (*poppet* ‘крошка’, *prannet* ‘мудак’), *-ette* (*chapette* ‘пацанка’), *-ling* (*firstling* ‘первенец’), *-ster* (*fraudster* ‘мошенник’) или комбинацией нескольких суффиксов (*cleverkins* ‘умняжка’, *ducksey* ‘голубушка’).

Усеченные диминутивные наименования человека образуются по финальной модели сокращением до первого слога (*vol* < *volunteer* ‘волонтер’), до первого слога с согласным (*girlf* ‘подружка’ < *girlfriend* ‘девушка’), до первых трех слогов (*glacio* < *glaciologist* ‘гляциолог’).

Устойчивые диминутивные словосочетания обладают экспрессивностью и образностью (*sugar daddy* ‘папик’, *silly billy* ‘глупышка’). Диминутивные словосочетания свободного типа содержат в своей структуре дескриптор *little* ‘маленький’ (*little muggings* ‘малявка’). Британские аугментативные наименования лица являются устойчивыми словосочетаниями с прилагательным *big* ‘большой’ (*big beast* ‘важная птица’).

Рассмотрим национально-специфические особенности диалектов в системе британского варианта английского языка. Одним из вариантов устойчивых диминутивных словосочетаний является рифмованный сленг, который существует на Британских островах в различных формах.

Рифмованный сленг кокни, который зародился в XIX веке в восточной части Лондона и употреблялся уличными торговцами в устном общении, не теряет своей актуальности по сей день и приобрел более широкий диапазон распространения. Изначально рифмованный сленг использовался торговцами, чтобы зашифровать речь и не позволить посторонним узнать об их противозаконной деятельности. Сейчас рифмованные диминутивные словосочетания – это средство юмористической и эмоционально-экспрессивной имплицитной номинации, отражающее национальный характер британцев, которых описывают как уклончивых в речи людей.

Часто рифма основана на имени известной личности родом из Британии. Сленгизм формируется на основе имени шотландского певца и комика (*Harry Lauder* ‘Гарри Лаудер’ = *prison warder* ‘тюремный надзиратель’), американского телеведущего британского происхождения (*Jerry Springer* ‘Джерри Спрингер’ = *tinger* ‘урод’), британского жокея (*Charlie Smirke* ‘Чарли Смерк’ = *berk* ‘дурак’), персонажа детского сериала производства британской телерадиокомпании ВВС (*Teletubby* ‘телепузик’ = *hubby* ‘муженек’).

Шотландский рифмованный сленг является примером существования региональных форм и маркирован пометой *Glasgow rhyming slang*: *Harry Hoof* ‘Гарри Хуф’ = *roof* ‘гомосексуалист’, *cream cookie* ‘печенье с кремом’ = *bookie* ‘букмейкер’.

Отдельного внимания заслуживают и другие диалекты Соединенного Королевства. Например, в ирландском английском диминутивные наименования лица образуются посредством исконно ирландского уменьшительного суффикса *-een* (*buckeen* ‘молодой человек из бедной дворянской семьи’), *-ie / -y / -ey* (*bowsie* ‘бедняк’), *-o* (*laddo* ‘парнишка’).

В шотландском варианте английского языка в образовании диминутивов участвуют суффиксы *-ie / -y / -ey* (*buckie* ‘упрямец’, *doolie* ‘дурачок’, *howdie* ‘повитуха’), *-ock* (*lassock* ‘девчушка’, *hallock* ‘глупышка’), *-et* (*jillet* ‘кокетка’), *-el* (*gomerel* ‘глупец’), *-ling* (*weanling* ‘отнятый от груди ребёнок’).

Между диалектами происходит обмен словарным запасом, из-за чего лексемой *boyo* называют молодого парня как в валлийском, так и ирландском диалекте, а диминутивом *shawlie* в шотландском и ирландском английском именуют женщину из рабочего класса, которая покрывает голову платком.

Национально-культурная самобытность лексики британского варианта английского языка определяется условиями жизни в Великобритании. Некогда государство было колониальной империей, которая владела территориями на всех континентах. Сейчас напоминанием об этом служит диминутив *Rhodie* ‘родезиец’, который указывает на белокожего жителя британской колонии в Южной Африке.

На сегодняшний день Соединенное Королевство включает четыре административные единицы: Англию, Уэльс, Шотландию и Северную Ирландию. В связи с этим в британском английском выявлены прозвища жителя Уэльса (*Welshie* ‘уэльсец’), графства Ланкашир в Англии (*Lanky* ‘ланкаширец’) и города Ливерпуль (*Mickey Mouser* ‘Микки Мышелов’ = *scouser* ‘ливерпулец’).

Статус Северной Ирландии неоднократно оспаривался в ходе этнотерриториального конфликта между Соединенным Королевством и Республикой Ирландия. Диминутивом *Provvo* ‘член ИРА’, который образован усечением *Provisional Irish Republican Army* ‘Временная Ирландская республиканская армия’ и добавлением суффикса *-o*, именуют участника военизированной национально-освободительной организации, которая ставит целью независимость Северной Ирландии (Ольстера) от Соединенного Королевства и ее воссоединение с Республикой Ирландия.

В британскую столицу едут люди со всего мира. Из-за смешения разных культур и национальностей Лондон даже назвали плавильным котлом. Итальянца или англичанина итальянского происхождения, который проживает в Лондоне, называют *raddie* ‘итальянец’. Прозвище связано с красноватым оттенком кожи (от *raddle* ‘красная охра’), который особенно заметен в сравнении с бледнокожими англичанами. Кроме того, в Великобритании проживает самая большая пакистанская диаспора в мире. В английском сленге *Pak* ‘пакистанец’ считается расистским национальным прозвищем. Аугментативное выражение *big white chief* ‘большой белый босс’ должно расцениваться как юмористическое, однако в эпоху толерантности и политкорректности имеет неоднозначные ассоциации с превосходством белых людей над представителями других рас.

Британию и Францию, у которых есть общая морская граница, объединяет подводный тоннель под проливом Ла-Манш. Жителя соседней Франции в британском английском уничижительно прозвали *froggie* из-за пристрастия этой нации к лягушачьим лапкам.

Британское общество имеет кастовый характер и делится на высший, средний и рабочий класс. Аристократия считается костяком английского общества и имеет специальные прозвища в британском английском: *posho* ‘аристократ’, *posh totty* ‘девушка из высшего общества’.

Британия – это преимущественно христианская страна. В шотландском английском зафиксированы пренебрежительные прозвища человека, принадлежащего к Римской католической церкви (*Tim* ‘католик’, *Jungle Jim* ‘Джим из Джунглей’ = *Tim* ‘католик’) и Протестантской церкви (*billy* ‘протестант’). Эти диминутивы уходят корнями в историческое прошлое, когда протестант Вильгельм Оранский сверг правящего короля-католика из династии Стюартов и стал монархом Англии и Шотландии в конце XVII века. Событие многовековой давности привело к этноконфессиональному конфликту, символом которого является противостояние между шотландскими футбольными клубами «Селтик» и «Рейнджерс» из города Глазго. «Рейнджерс» представляет протестантов, а «Селтик» сформировался в среде ирландских мигрантов и представляет католиков. В этой связи болельщики ФК «Селтик» нарекли противников *billy* ‘протестант’, а фанаты ФК «Рейнджерс» прозвали тех *Tim* ‘католик’. По этой же причине в ирландском английском протестанта грубо называют *orangie* ‘оранжист’ вслед за именем протестантского короля Вильгельма Оранского. Пресвитерианство является ветвью протестантизма и также имеет много последователей в Британии. *Croppie* ‘пресвитерианец’ как прозвище человека, принадлежащего к Пресвитерианской церкви, связано с короткими стрижками, которые носили верующие.

Поп-группа «Битлз» считается одним из самых узнаваемых символов Британии. В анимационном фильме «Желтая подводная лодка» (англ. *Yellow Submarine*) ливерпульская четверка использовала термин *the blue meanies* ‘синие злыдни’ для обозначения существ, ненавидящих любую музыку. Диминутив *meanie* ‘злыдень’ стал популярен и аллегорически называет мелочного человека.

В британском английском найдено незначительное количество неформальных наименований лица по трудовой деятельности, в их числе *clippie* ‘кондукторша’, *pathy* ‘патолог’, *scalie* ‘весовщик’.

В диалекте установлен целый ряд прозвищ полицейского. Это не удивительно, ведь в британском обществе офицер полиции – это авторитетная и уважаемая фигура. За констеблем закрепилась репутация доброго друга и защитника каждого гражданина. В честь сэра Роберта Пила, основателя полицейских сил, назван британский офицер полиции: *bobby* ‘офицер’ и феминитив *bobette* ‘офицерша’. *Reegie* ‘региональный полицейский’ и *city kitty* ‘местный полицейский’ занимаются охраной общественного порядка на уровне региона и города, а *footie* ‘пеший патрульный’ производит надзор города пешком.

Таким образом, в британском варианте английского языка диминутивные наименования лица передают неформальность и выражают пренебрежение. Единичными оказались примеры уменьшительно-ласкательных диминутивов. Характерная британскому менталитету эмоциональная сдержанность базируется на привычке не выставлять напоказ интимные чувства и соблюдать дистанцию при общении. Британцы умело скрывают чувства любви, ласки, ненависти, презрения под внешней маской спокойствия, из-за чего могут показаться холодными и безразличными представителю другой культуры.

4.2.2 Американская лингвокультура

Формирование американского варианта английского языка началось в XVII веке с колонизации Северной Америки англоязычными жителями Британских Островов, главным образом ирландцами и шотландцами. Фундаментом американского английского послужил завезенный британцами лондонский диалект, поэтому обе разновидности языка имеют общий лексический базис. Со временем американский вариант начал развиваться изолированно от британского и приобрел специфические национальные черты [213].

Аугментативность в американизмах выражена на уровне устойчивого словосочетания с дескриптором *big* ‘большой’ (*big baller* ‘большой расточитель’).

Новые диминутивы в американском диалекте образуются присоединением суффиксов к различным категориальным основам: *-ie / -y / -ey* (*poopsie* ‘лапочка’, *carnie* ‘оператор аттракциона’), *-o* (*mixo* ‘бармен’, *sleazo* ‘мерзавец’) и реже *-s* (*rooms* ‘сосед по комнате’, *gills* ‘доверчивый покупатель’), *-ster* (*hoopster* ‘баскетболист’, *gagster* ‘юморист’), *-ette* (*dudette* ‘чувиха’, *guidette* ‘американская итальянка’), *-kin* (*munchkin* ‘карапузик’), *-ling* (*yearling* ‘студент первого курса’), *-el* (*gunsel* ‘наивный мальчик’), *-a* (*bubba* ‘братишка’), *-poo* (*chickie-poo* ‘цыпочка’). Также обнаружены редупликаны: *buddy-buddy* ‘дружище’, *hotsy-totsy* ‘кряля’, *loosey-goosey* ‘потаскушка’, *tootsy-wootsy* ‘милашечка’.

В американском английском диминутивные наименования часто образуются усечением, за что его называют упрощенным диалектом. Наиболее распространенной моделью является финальное усечение при сокращении структуры слова до первого слога (*bim* ‘телочка’ < *bimbo* ‘телка’), до первого слога + согласный (*lieut* ‘лейт’ < *lieutenant* ‘лейтенант’, *ump* ‘судьяшка’ < *umpire* ‘рефери’), до первых двух слогов (*homo* ‘гомик’ < *homosexual* ‘гомосексуалист’).

Неотъемлимой частью американского сленга являются устойчивые словосочетания. Аугментативом *big man on campus* ‘студент-лидер’ именуют самого популярного студента в студенческом городке или общежитии. Изначально аугментатив выражал уважительное отношение, но со временем стал использоваться иронично и презрительно. Диминутив *Andy Rooney* ‘Энди Руни’, в основе которого лежит имя известного американского телеведущего, используется в значении вечно жалующегося игрока в покер.

Соединенные Штаты Америки объединяют пятьдесят штатов. В американском варианте английского языка выявлены неформальные прозвища жителей Луизианы (*cooney* ‘луизианец’), Аризоны (*Zonie* ‘аризонец’), Оклахомы (*Okie* ‘оки’), Висконсина (*Sconnie* ‘висконсинец’), Аляски (*Alaskamo* ‘аляскинец’, *Esky* ‘эскимосик’). Диминутив *fudgie* ‘фаджи’ используется для презрительного обозначения туриста, который по пути на остров Макино, север штата Мичиган, покупает шоколадную сливочную помадку в местном магазине.

Также в диалекте установлен широкий пласт пейоративных наименований лица по этнорасовой принадлежности. В него входят обидные прозвища этносов, населяющих соседние государства, а именно, Канаду с границей на севере (*Newfie* ‘ньюфаундлендец’) и Мексику с границей на юге (*beano* ‘мексикашка’). Сюда же относятся прозвища народов, населяющих страны Латинской Америки (*Tico* ‘костариканец’), Европы (*biddu* ‘ирландка’, *Heinie* ‘немец’, *hunku* ‘чернорабочий’ (из восточной Европы)), Азии (*slopey* ‘китаеза’, *boochie* ‘япошка’). Антисемитские настроения актуализированы в наименованиях евреев (*Hymie* ‘еврейчик’, *Izzy* ‘иззи’), а расистские взгляды реализованы в прозвищах человека с темным цветом кожи (*niglet* ‘негритенок’, *boogie* ‘негр’) и смешанных кровей (*ginzo* ‘италоамериканец’). Данные лексические единицы отражают идею американской исключительности и превосходства над другими странами и народами.

Географическое положение Америки между Тихим и Атлантическим океаном определяет досуг местных жителей. Серфингиста, размахивающего руками для поддержания равновесия на доске, называют *gyro*. Фанатичного любителя серфинга, который сам никогда не занимается этим видом спортом, именуют *dismo*. Женщину, которая проводит время на пляже, любясь серфенгистами, называют *surfboard Suzie*.

Родиной скейтбординга считается штат Калифорния в Америке, где однажды из-за отсутствия волн серфингисты начали кататься по тротуару на доске с прикрепленными колесами. В молодежный американский сленг вошел диминутив *dommo* для номинации умелого скейтбордиста, а также выражение *skate Betty* для обозначения девушки, которая общается со скейтбордистами и сама катается на роликовой доске.

В американском диалекте объективировано национально-культурное своеобразие. Сельское хозяйство в Америке, которое называется фермерским, является важным источником экономического развития страны. Американские ранчо специализируются на скотоводстве, а диминутив *waddie* ‘ковбой’ обозначает скотника, который пасет стада овец на таком ранчо.

Особенностью американского этикета является вербальная демонстрация дружественного и доброжелательного отношения, которое американцы выражают с помощью диминутивов *buddy* ‘дружище’, *pally* ‘дружок’, *homes* ‘кореш’, *gangy* ‘бандит’. Также среди уменьшительно-ласкательных наименований лица установлены милые и забавные прозвища ребенка или возлюбленного: *boobie* ‘малыш’, *babycakes* ‘пупсик’, *sweetie-pie* ‘лапочка’, *patootie* ‘милашка’.

Историческое развитие США обусловило пополнение словарного состава американского английского лексическими единицами, которые фиксируют особенности образа жизни американцев.

Власть и успешность являются ценностными доминантами американской лингвоаксиологической картины мира. Устойчивые аугментативные словосочетания с прилагательным *big* ‘большой’, которые называют важного и влиятельного человека, выражают превосходство вышестоящих над нижестоящими и подчеркивают высокий уровень социального неравенства в американском обществе: *big cheese* ‘начальник’, *big stuff* ‘важная птица’, *big foot* ‘известный журналист’.

По форме правления Соединенные Штаты Америки – это президентская республика, поэтому президент является главой государства и правительства, а также главнокомандующий армии и флотом. В американский английский вошли диминутивные наименования политических сторонников 43-го президента США Джорджа Буша младшего (*Bushie* ‘Буши’) и 45-го президента Дональда Трампа (*Trumpette* ‘Трампетка’).

О важности профессии военнослужащего в Америке говорят диминутивы *GI Joe* ‘солдат Джо’, *swabby* ‘морячок’, *lieut* ‘лейтенант’, *lego* ‘пехотинец’, *sea daddy* ‘опытный моряк-наставник’. О военной направленности англо-саксонской геополитической традиции свидетельствуют названия противника в войне США с Ираком в Персидском заливе (*Baghdad Betty* ‘Багдадская Бетти’) и военном конфликте между Северной и Южной Кореей (*Debbie Chon* ‘Дэбби Чон’).

Лига Плюща, ассоциация восьми старейших университетов Америки, отличается высокими культурными и образовательными стандартами. В американском английском обнаружены диминутивные названия учащегося или выпускника Йельского университета (*Yalie* ‘йелец’) и колледжа Рэдклифф в Гарвардском университете (*Cliffie* ‘клиффи’).

Наркомания является настоящей болезнью американского общества, о чем свидетельствует крупный пласт сленгизмов, обозначающих человека с наркотической зависимостью. Часть из них образована от сленговых названий наркотиков: *druggie* < *drug*, *crackie* < *crack*, *dopey* < *dope*, *loadie* < *load*, *pilly* < *pill*, *gluey* < *glue*. Другие диминутивы отражают порочный круг наркозависимости: *dope daddy* ‘наркобарон’, *custie* ‘покупатель нелегальных наркотиков’, *hoppy* ‘наркоман’, *knocko* ‘полицейский из отдела по борьбе с наркотиками’.

Злоупотребления наркотиками имеет огромные социальные издержки, в частности, увеличение количества причудливых (*weirdo* ‘чудак’, *bizarre* ‘чудик’), странных (*freak-o* ‘псих’), психически или сексуально неуравновешенных (*sicko* ‘маньяк’), сумасшедших людей (*nutso* ‘чокнутый’, *schiz* ‘шизик’) на улицах американских городов.

Активная криминализация современного американского сообщества обусловлена деформацией ценностных ориентаций и наркоманией, в частности, поскольку в невменяемом состоянии зависимый человек идет на совершение преступления, чтобы достать деньги на наркотики. Группа наименований человека как субъекта криминальной деятельности указывает на проблему преступности в штатах: *hoolie* ‘хулиган’, *baby gangster* ‘бандюк’, *shadie* ‘преступник’, *rappie* ‘насильник’, *hab* ‘рецидивист’, *lammister* ‘беглец из тюрьмы’.

Тенденция к содомизации проявляется в сексуальной объективации (*coochie*, *nookie*, *hottie*), беспорядочных половых связях (*prostie*, *floozie*, *beddy*, *slaggie*, *hootchie*, *band chick*, *teenyhooker*), феминизации мужчин (*tweetie*, *Charlie boy*, *kissy*), распространенности гомосексуализма (*minty*, *queenie*, *twinky*, *whoopsie*, *pogey*), юридическом признании недвоичного пола (*transy* ‘транссексуал’).

Множество жаргонных, фамильярных, непристойных и грубо-циничных диминутивов и аугментативов говорят о демократичном и неформальном стиле общения, характерном для американской культуры, из-за чего американцы часто кажутся грубыми, неуместно развязными и бесцеремонными.

4.2.3 Австралийская лингвокультура

Австралию и Британию объединяет общее колониальное прошлое, ведь еще в конце XVIII века континент вместе с Новой Зеландией и Тасманией был колонизирован европейцами и признан британским владением. По этой причине лексический пласт австралийского варианта английского языка в большей мере совпадает с британским [58]. И все же в словарном составе данного диалекта выявлен слой языковых единиц, которые отсутствуют в британском английском или являются модифицированными формами англицизмов.

Среди диминутивных наименования лица есть исконно австралийские незаимствованные лексемы, которые отражают национально-культурную специфику диалекта. Появление австрализма *cockatoo* ‘мелкий фермер’ связано с особой ролью сельского хозяйства в экономической жизни Австралии. От данного нейтрального слова образованы диминутивы *cocky* ‘фермер’ и *boss cocky* ‘фермер, нанимающий работника’, а также целая цепочка неформальных обозначений фермера, который занимается растениеводством (картофельводство, виноградарство) и животноводством (скотоводством, овцеводством, пчеловодством): *spud cocky* ‘картофельвод’, *grape cocky* ‘винодел’, *sheep cocky* ‘овцевод’, *cow cocky* ‘владелец молочной фермы’, *bee cocky* ‘пчеловод’. Примечательно, что в Новой Зеландии лексемы *cocky*, *sheep cocky* и *cow cocky* употребляются синонимично, так как такие отрасли фермерского хозяйства как овцеводство и скотоводство составляют фундамент экономики страны.

Также австралийские диминутивные наименования лица образуются от уже существующих в английском языке слов с помощью суффиксации, усечения, суффиксации с элементами усечения. В формировании суффиксальных диминутивов участвуют форманты *-ie / -y / -ey* (*chuckie* ‘цыпленочек’, *chalkie*

‘учитель’, *greenie* ‘защитник окружающей среды’) и *-o* (*drongo* ‘глупый человек’, *dero* ‘бродяга’). Усеченные диминутивы образуются по двумя моделям сокращения структуры слова: до первого слога (*rel* ‘родственничек’ < *relative* ‘родственник’), до первого слога + согласный (*beaut* ‘красоточка’ < *beauty* ‘красотка’, *darl* ‘дорогуша’ < *darling* ‘дорогой’, *ref* ‘судьишка’ < *referee* ‘рефери’).

Для австралийского диалекта характерно использование рифмованного сленга, который завезли на материк английские переселенцы. К примеру, сленговая номинация *Charley Wheeler* ‘Чарли Вилер’ рифмуется со словом *sheila* ‘девчонка’ и используется в Австралии вместо подразумеваемого слова для обозначения любой женщины. В период британской колониальной компании в результате взаимодействия ирландских переселенцев с коренным населением материка ирландское женское имя *Sheela* ‘Шила’ стало обобщенным именем любой ирландки в Австралии, а затем и вообще любой женщины. Девушки расценивают сленгизм *sheila* сексистским и никогда не используют его для самоидентификации, поэтому австралийские мужчины прибегают к такой шифровке в разговоре друг с другом, чтобы не задеть чувства представительниц противоположного пола.

Диминутивные наименования лица составляют субстандартный слой лексики в австралийском английском и отражают колорит национально-культурной специфики языка. Начнем с того, что *Aussie* ‘оззи’, то есть неофициальное самоназвание австралийцев, образовано от усеченной основы *Australian* ‘австралиец’ с помощью суффикса *-ie*, который изначально придавал уменьшительно-ласкательный окрас, но сейчас не обладает экспрессивной коннотацией. Также в австралийском английском прижились варианты *Ozzie* ‘оззи’ и *Oz* ‘оз’, которые отражают звуковой образ слова. Тем самым австралийцы шутливо сравнивают себя с жителями вымышленной страны Оз из книги американского писателя Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз», ведь в Австралии уникальный животный и растительный мир, который не встречается больше нигде в мире.

Среди диминутивных этно-маркированных наименований лица есть пейоративные. Например, *abo* ‘абориген’ является табуированным словом и неприемлем для обозначения коренных австралийцев. Оскорбительными сленговыми прозвищами аборигена также считаются диминутивы *Jacky* ‘джеки’ и *Jacky-Jacky* ‘джеки-джеки’. Первая лексема является уменьшительно-ласкательной формой мужского имени *Jack* ‘Джек’, а вторая единица образована посредством ее полной редупликации. Имя Джеки вошло в австралийский сленг и стало нарицательным после одного события. В 1848 году исследователь Эдмунд Кеннеди отправился в экспедицию на полуостров Кейп-Йорк (современный Квинсленд) в сопровождении юноши-аборигена Гальмахра, который использовал вымышленное имя Джеки-Джеки. В ходе экспедиции мужчина был смертельно ранен местными аборигенами, а Джеки-Джеки заботился о господине в последние минуты его жизни, захоронил и продолжил спасать оставшихся в живых членов группы. Молодой австралийский абориген, который взял себе английское имя Джеки и стал коллаборационистом, используется чернокожими в значении подчиненного туземца, который стал соучастником лишения собственного народа возможности заселять родную землю. Белокожее население употребляет данное прозвище, чтобы продемонстрировать принижение достоинства чернокожих.

Диминутивом *bushie* ‘деревенщина’, который образован от существительного *bush* ‘куст’, именуют человека, который проживает в удаленных от городов районах Австралии, поросших кустарником, обычно эвкалиптом и акациями, и низкорослыми деревьями. Интересно, что английское *bushman* ‘бушмен’ – это альтернативное название австралийских аборигенов, происхождение которого имеет те же корни.

Потомка смешанных браков австралийского аборигена с европейцем презрительно называют *halfie* ‘полукровка’ и *mongrel* ‘помесь’. Также этническим оскорблением ливанца или австралийца ливанского происхождения считается диминутив *Leb* ‘ливанец’. Австралийца английского происхождения именуют *Anglo* ‘англо-австралиец’. Диминутив *skippy* ‘англо-австралиец’ образован от

клички кенгуру (*skip* ‘прыжок’ + -y) в одноименном австралийском телесериале. Прозвище задумывалось как шутовое, но оказалось оскорбительным.

В корпусе выборки выявлены презрительные обозначения британцев, которые стереотипно воспринимаются австралийцами как злобный народ: *limey* ‘англичанин’, *Pom* ‘брит’, *Pommie bastard* ‘британский ублюдок’. Американца в австралийском английском пренебрежительно называют *seppo* ‘сеппо’. Данный диминутив образован от усеченной формы *septic tank* ‘септический резервуар’ посредством суффикса -o. Само словосочетание рифмуется с *Yank* ‘янки’, которое образовано усечением конца слова *Yankee*, что с голландского буквально переводится как маленький Ян. Следовательно, *seppo* ‘сеппо’ служит примером рифмованного сленга, ведь жителя Соединенных Штатов не буквально сравнивают с подземным отстойником для бытовых сточных вод, а имплицитно оскорбляют, подразумевая более глубокие смыслы.

Неформальные диминутивы *Tassie* ‘тасманиец’, *Honky* ‘житель Гонконга’, *Indo* ‘индонезиец’ указывают на тесные связи Австралии с географически близким островом Тасмания, китайским районом Гонконгом и Индонезией, между которыми некогда пролегал морской путь сообщения.

Трудовая деятельность и хобби местных жителей детерминированы геоположением Австралии. Так как материк расположен между Индийским и Тихим океанами, здесь пользуются популярностью морские профессии: *fisho* ‘рыболов’, *clubbie* ‘спасатель на воде’, *dockie* ‘портовый рабочий’, *wharfie* ‘работник на пристани’, *coalie* ‘погрузчик угля’. Благодаря уникальным природным условиям Австралия считается лучшим местом для занятия серфингом: *surfie* ‘серфингист’, *grommet* ‘молодой серфингист’, *kneelo* ‘серфингист’, *surfie chick* ‘цыпочка серфингиста’.

В австралийском английском диминутивом *Salvo* ‘сальво’, который образован усечением *Salvation Army* ‘Армия спасения’ и добавлением суффикса -o, именуют члена самой уважаемой благотворительной организации в Австралии. Основанная на базе евангелической христианской церкви, Армия

спасения предоставляет обеды голодным и койки бездомным, содействует безработным в трудоустройстве, а наркоманам, пьяницам и азартным игрокам помогает справиться с зависимостью, обеспечивает уход за престарелыми, дает убежище жертвам жестокого обращения и так далее.

В Австралии считается хорошим тоном не подчеркивать в общении статусные различия и общаться на равных с собеседником, стоящим ниже или выше в социальной иерархии. В связи с этим, вместо нейтральных наименований лица по трудовой деятельности австралиец может использовать неформальные диминутивы *milko* ‘молочник’, *umpie* ‘рефери’, *firie* ‘пожарник’, *waxu* ‘сапожник’, *trammie* ‘водитель трамвая’, *physio* ‘физиотерапевт’, *hostie* ‘бортпроводница’. Однако, представитель другой лингвокультуры может расценить подобное обращение как фамильярность и неуважение к себе.

Обнаруженные среди аугментативов австрализмы принадлежат к устойчивым аугментативным словосочетаниям. Так, в аугментативе *big-noter* ‘ярый фанат конных скачек’ отражается национальная история и культура Австралии. Кубок Мельбурна, который имеет давнюю традицию и проводится с 1861 года, считается национальным и мировым событием, которое своей азартностью и зрелищностью буквально заставляет замереть целую нацию.

В то же время обилие в австралийском диалекте эмоционально окрашенных диминутивов, образованных с помощью суффиксации, усечения и суффиксации с элементами усечения говорит о стремлении австралийцев демократизировать речь и создать неформальную обстановку общения. Простота, дружелюбие, бунтарство и некоторая чудаковатость австралийцев являются реакцией на английскую безэмоциональность, невозмутимость, снобизм и чопорность.

Выводы к главе 4

1. В центре внимания художественного, публицистического и Интернет-дискурса лежит специфика человеческих взаимоотношений, актуализируемая в том числе с помощью лексических средств, которые соответствуют иллокутивной

цели говорящего. Коммуникативной сферой употребления диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке выступают родственные, дружеские, любовные, рабочие, информационные отношения.

2. В исследуемых типах англоязычного дискурса отмечено преобладание диминутивов над аугментативами. Диминутивность и аугментативность представлены преимущественно на синтаксическом уровне сленговыми номинациями, фразеологизмами и словосочетаниями с уменьшительными и увеличительными прилагательными. Менее частотными оказались суффиксальные и усеченные диминутивы и префиксальные аугментативы.

3. Диминутивные и аугментативные наименования лица имеют объективно-логическое значение размера и субъективно-оценочное положительное или отрицательное значение. Размерное значение определяется при сравнении референта со взрослым человеком среднего телосложения, параметры которого считаются эталоном: диминутивы используются в отношении ребенка, старика и миниатюрного взрослого, а аугментативы – для обозначения взрослого человека крупного телосложения. Субъективно-оценочное значение диминутивов может быть основано на ряде признаков: поведение (веселый, энергичный, улыбчивый, обаятельный, тихий, пугливый, послушный), характер (добрый, искренний, скромный, серьезный, стеснительный), внешность (низкого роста, стройный, слабый, милый, привлекательный), интеллект (умный, глупый), социальный статус (сирота (о ребенке), одинокий (о старике)). Субъективное отношение аугментативов основано на следующих параметрах: поведение (благородный, готовый защищать и помогать), характер (уверенный, решительный, мужественный, отважный, доблестный), внешность (высокого роста, полный, плечистый, мускулистый, крепкий, сильный), интеллект (умный). В контексте размерно-оценочное значение таких единиц в основном передается на уровне словосочетания с помощью прилагательных *small, little, tiny* и *big, huge, massive, tremendous*.

4. Эмоционально-оценочное значение зависит от субъективного отношения адресанта к адресату речи. Прагматический компонент значения диминутивов реализует положительную и отрицательную эмоциональную базу. Диминутивные наименования лица выражают ласку, трепет, умиление, нежность и любовь к милым сердцу людям. С помощью диминутива можно выразить пренебрежение, унижение и отвращение к объекту высказывания, который вызывает у говорящего отрицательные эмоции. Примечательно, что при обращении к маленьким детям диминутивы, как правило, передают ласковое отношение или жалость. При функционировании в контексте диминутивные наименования лица способны менять знак оценки на противоположный или приобретать дополнительные оценочные смыслы. Аугментативные наименования лица подчеркивают высшую степень проявления качества и выражают уважение и восхищение поступками или качествами достойного человека или неприязнь к презренному человеку. В рамках словосочетания возможна комбинация уменьшительного и увеличительного прилагательного для обозначения ребенка достойного глубокого уважения.

5. Интернет-дискурс является сферой коммуникации, которой свойственен жанр комментария, предполагающий ограниченное количество символов публикации, высокий уровень спонтанности и высокую скорость протекания общения, что сопровождается обильным использованием диминутивов. Анонимность и условия, приближенные к бытовому разговору, подталкивают комментаторов эмоционально реагировать на видео и выражать свое одобрение или порицание. Автор эксплицирует свои эмоции с помощью таких вербальных средств как эмоционально-оценочные диминутивы и аугментативы, упрощенный синтаксис. Эмодзи, сопровождающие текстовой сообщение, служат невербальными сигналами и компенсируют отсутствие мимики, жестов и позы говорящего, которые также важны для правильного понимания содержания высказывания.

6. Диминутивные и аугментативные наименования лица широко используются в британском, американском и австралийском территориальных

вариантах английского языка. Данные языковые знаки отражают лексические, морфологические и синтаксические особенности диалектов, а также являются носителем страноведческой информации и подчеркивают национально-культурную специфику англоговорящих народов.

6.1 В британском английском диминутивы почти не используются для выражения ласки, нежности и любви, что связано с эмоциональной сдержанностью британцев. Обычно диминутивы выражают пренебрежение или способствуют снижению формальности высказывания. В образовании диминутивных наименований лица участвуют древнегерманские, древнеанглийские и древнефранцузские суффиксы, специфической чертой ирландского английского является суффикс *-een*. Рифмованные диминутивные словосочетания являются национально специфическим средством шуточной имплицитной сленговой номинации и встречаются в кокни и шотландском диалекте, что характеризует британцев как уклончивых в речи людей. Между валлийским, шотландским и ирландским диалектами происходит обмен диминутивными наименованиями лица. Аугментативы с прилагательным *big* указывают на важного и влиятельного человека.

6.2 Американский вариант английского языка является упрощенным, поскольку диминутивные наименования лица образуются усечением или усечением, осложненным суффиксацией. В образовании диминутивов в основном участвуют прагматически-маркированные сленговые суффиксы, которые способствуют демократизации и деформализации общения. Среди диминутивов выявлены ласкательные прозвища, тем не менее преобладают жаргонные, фамильярные, непристойные и грубо-циничные наименования человека. Аугментативные наименования лица передают особое отношение американцев к власти и успешности.

6.3 В австралийском английском выявлены исконно австралийские незаимствованные диминутивные наименования лица, которые отражают важную роль фермерских хозяйств в экономике страны. Большая часть диминутивов

представляет собой модифицированные формы англицизмов, образованные с помощью усечения основы и сленговых суффиксов, что говорит о демократическом стиле общения австралийцев. Появление рифмованного сленга кокни в Австралии является итогом британской колониальной политики. Аугментативные наименования являются частью австралийского сленга.

6.4 Бритицизмы, австрализмы и американизмы отражают в своей семантике колониальное прошлое стран в составе Британской империи, географическое положение, современное административное деление, этнический и классовый состав населения, миграционные процессы, профессии и хобби местных жителей, называют имена и фамилии известных деятелей политики, культуры, спорта. Бритицизмы сообщают информацию о вероисповедании населения, этнотерриториальных и этноконфессиональных конфликтах на территории Великобритании. Американизмы отражают экономическую и политическую ситуацию в стране, военные кампании, названия высших учебных заведений из Лиги плюща, социальные проблемы (наркомания, психические расстройства, преступность, содомизация). Австрализмы фиксируют социальные организации и национальные мероприятия.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [22; 141; 142; 144].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Диминутивность и аугментативность находятся в неразрывном единстве с триадой количества, качества и меры. Диминутивы реализуют значение малой величины и недостижения нормы, а аугментативы вербализуют значением большой величины и превышения нормы. В основе связи между размером и отношением к нему лежит когнитивная и эмоциональная связь. Изменение количественного признака в сторону убывания или нарастания сопровождается качественными изменениями и субъективным отношением говорящего к ним. Диминутивность и аугментативность – это языковые категории объективно-субъективного характера, которые взаимосвязаны с оценкой, эмотивностью, экспрессивностью, образностью, интенсивностью и градуальностью.

2. Предложенная в исследовании методика интегрирует важные для анализа эмпирического материала параметры, среди которых семантическая и структурная классификация диминутивных и аугментативных наименований лица, определение типа уменьшительного и увеличительного значения, установление типа и характера оценки, выявление гендерной и возрастной маркированности, анализ диминутивов и аугментативов с учетом теории естественной морфологии, определение лингвокультурологических и функциональных особенностей языковых единиц. Данная методика позволяет установить сходства и отличия реализации бинарной оппозиции «диминутивность – аугментативность» в английских наименованиях лица.

3. Диминутивность и аугментативность реализуются в денотативном и коннотативном значениях. Значения диминутивов и аугментативов развиваются на базе размерного компонента. На основе радиальной схемы диминутивности, предложенной Д. Журафски, выводим схему, демонстрирующую расширение аугментативного значения. От ядерной категории большого размера развиваются такие семантические зоны как *взрослый, предок, мужской пол, первостепенность,*

высокая степень социальной важности, значительность, суровость, неуклюжесть, безобразность, чудовищность, степень родства, а также чувства изумления, восхищения, уважения, ужаса, враждебности, неприязни. Сопоставление центральных и периферийных диминутивных и аугментативных значений позволяет установить зеркальные компоненты: маленький размер – большой размер, детскость / молодость – взрослость, потомок – предок, женский пол – мужской пол, второстепенность – первостепенность, маловажность – важность.

4. Асимметричность проявления количественного значения в английских наименованиях лица обусловлена количественным преобладанием диминутивов (87%) над аугментативами (13%). Отмечена лакуарность в сфере языковой репрезентации аугментативности. Семантическая классификация диминутивов насчитывает 18 групп (64%), а аугментативов – 10 групп (36%). Общими для английских диминутивных и аугментативных наименований лица являются семантические признаки *род занятий, родство, положение в социальной группе, поведение, внешность, убеждения, межличностные отношения, характер, другие признаки*. Специфическими семантическими признаками диминутивов являются *возраст, этнорасовая принадлежность, умственные способности, состояние здоровья, место жительства, семейный статус, материальное положение, образ жизни, неизвестный статус*, а аугментативов – *способности*. Среди диминутивов (29,1%) и аугментативов (43%) преобладают наименования лица по роду занятий.

5. Установлена более разнородная сочетаемость сем в структуре значения диминутивных наименования лица. В значении диминутивов и аугментативов центральный дифференциальный признак наиболее часто сочетается с семами пола и возраста. Установлена гендерная асимметрия, которая связана с андроцентричной природой английского языка: среди диминутивов преобладают женские наименования (65%), среди аугментативов – мужские (65%). Возрастная асимметрия заключается в преобладании диминутивов (12%) над аугментативами

(1%) по содержанию семы молодого возраста, что обусловлено ядерным размерным значением лексем.

6. Эмоционально-оценочные диминутивы и аугментативы (94% и 53%) превалируют над нейтральными (6% и 47%). Выявлена асимметрия положительной и отрицательной зон оценки в сторону преобладания пейоративных наименования лица. Установлена более разнообразная эмоционально-экспрессивная и стилистическая маркированность диминутивов, что обусловлено более широким спектром средств выражения эмоциональных отношений. Экспрессия диминутивов и аугментативов охватывает положительный и отрицательный полюсы шкалы эмоциональных оценок в связи с двойственностью понятий «малый» (милый / жалкий) и «большой» (восхитительный / ужасный). В дихотомическую модель не вписываются амбивалентный эмоции.

7. Диминутивная семантика выражена на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровне. Лексические аугментативные наименования лица оказались лакунарным явлением.

7.1 Синтетические диминутивные (82,5%) и аугментативные наименования лица (73%) преобладают, что свидетельствует о продуктивности морфологической парадигмы английского языка. Установлено, что диминутивы отличаются более широким инвентарем аффиксов, чем аугментативы. Собственно английские аугментативные суффиксы являются лакунарным явлением, для компенсации которого заимствуются иноязычные морфемы и создаются новые суффиксы. Синтетические диминутивные наименования лица представлены большим разнообразием структурных типов, чем аугментативные. Общим для английских диминутивных и аугментативных наименований лица является суффиксальный и префиксальный структурный тип. Специфическими структурными типами диминутивов являются аббревиатурный, редупликативный, композитно-суффиксальный.

7.2 Аналитические диминутивные и аугментативные наименования лица представлены свободными и устойчивыми словосочетаниями, в которых количественное значение реализуется в одном или нескольких компонентах. Особенностью устойчивых диминутивных словосочетаний является рифмующаяся и рифмованная форма, а также гипокористическая форма личного имени в качестве одного из компонентов словосочетания. Специфической чертой устойчивых аугментативных словосочетаний является способность прилагательных *small* и *little* одновременно выражать размерное и эмоционально-оценочное значение.

7.3 Лексические диминутивные наименования лица в основном представлены названиями детенышей животных. Лексические аугментативные наименования лица представлены названиями больших предметов и животных, а также ирреальных существ очень высокого роста и крупного телосложения. В результате образного переосмысления в их семантике развивается значение человека по телосложению, влиятельности и способностям.

8. Согласно принципам естественной морфологии аугментативы являются более маркированными и менее эволюционно и когнитивно предпочтительными, чем диминутивы. Преобладание аффиксальных диминутивов и аугментативов обусловлено иконичностью аффиксации как способа словообразования, морфологической однотипностью, высокой морфотактической прозрачностью и легкой усваиваемостью. Вытеснение полных многосложных слов неестественно короткими аббревиатурными диминутивами объясняется преодолением английским языком системных морфонологических ограничений для достижения прагматического эффекта. Образованные техникой субстракции диминутивы являются иконичными лексемами, поскольку своей графической формой они изображают натуральное сходство с обозначаемой малостью.

9. Диминутивные и аугментативные наименования лица используются преимущественно в разговорной речи между родственниками, друзьями, влюбленными, в рабочей среде и Интернет-общении. Эмоциональное отношение

зависит от субъекта речи, поэтому узуальная оценка может меняться под воздействием контекста. Диминутивы главным образом обращены к ребенку и выражают ласку, а аугментативы именуют взрослого и передают восхищение поступком или качествами адресата.

10. Стабильно высокое содержание территориально-маркированных диминутивных и аугментативных наименований лица показывает особую важность данного пласта лексики в британской, американской и австралийской лингвокультурах.

10.1 На Британских островах используют британский вариант английского языка. В связи с территориальным делением Соединенного Королевства на Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию между диалектами наблюдается взаимный обмен лексикой. В словообразовании диминутивов участвуют исконно английские, ирландские и французские суффиксы. Отмечено преобладание инвективных и фамильярных наименований лица над ласкательными, что обусловлено эмоциональной сдержанностью британцев. Арифмованные диминутивные словосочетания в лондонском диалекте кокни и шотландском варианте, представляющие имплицитный смысл в юмористической форме, характеризуют британцев как уклончивых в речи людей со специфическим «английским» чувством юмора. Бритицизмы отражают прошлое колониальной империи, островное расположение и близость к европейскому региону, этнотерриториальные и этноконфессиональные конфликты внутри государства, классовый состав населения, известные имена телевидения, культуры, спорта.

10.2 В Северной Америке говорят на американском варианте английского языка. Свойственная национальному характеру неформальность проявляется в упрощении языка, использовании усеченных, суффиксальных и идиоматических номинаций грубовато-фамильярного, реже ласкательного характера. Американизмы отражают европейскую колонизацию, континентальные и островные территориальные владения, границы с другими государствами, этнический состав населения, расположение между океанами, увлечения

скейтбордингом и серфингом, роль сельского хозяйства в экономике, названия образовательных центров, культуру чрезмерной работы, отношение к власти, имена американских президентов, военные кампании, социальные проблемы.

10.3 Используемый в Австралии австралийский английский представляет собой модифицированные посредством усечения и суффиксации формы бритаизмов, которые создают неформальную и дружелюбную обстановку. Характерные для британского английского рифмованные диминутивные словосочетания завезены в Австралию британскими переселенцами. Исконно австралийские лексемы называют работника фермы. Австрализмы отражают колониальное прошлое в составе Британской империи, населенность австралийскими аборигенами, европейцами и метисами, связи с Тасманией и Новой Зеландией, положение между океанами, морские профессии, любовь к серфингу и конным скачкам.

Дальнейшее исследование английских диминутивных и аугментативных наименований лица является перспективным в нескольких направлениях. Во-первых, представляется достаточно интересным изучение реализации функционально-прагматического потенциала диминутивных и аугментативных наименований лица в других типах дискурса. Также возможным направлением исследования является изучение диминутивов и аугментативов в картинах мира других лингвокультур в сопоставительном аспекте с использованием предлагаемой в работе методики.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулганеева, И. И. Специфика функционирования аугментативов в свете когнитивно-дискурсивного анализа / И. И. Абдулганеева. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – 2022. – № 4(70). – С. 7–13.
2. Агудов, В. В. Количество, качество, структура / В. В. Агудов // Вопросы философии. – 1967. – № 1. – С. 59–60. – Текст : непосредственный.
3. Аксаков, К. С. Опыт русской грамматики : [в 3 томах] / К. С. Аксаков. Полное собрание сочинений. Сочинения филологические. – Ч. 2, Т. 3. – М., 1880. – 709 с. – Текст : непосредственный.
4. Акуленко, В. В. Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко. – Киев: Наукова думка, 1990. – 284 с. – Текст : непосредственный.
5. Акуленко, В. В. Функциональное описание языка и вопросы изучения функционально-семантических полей / В. В. Акуленко. – Текст : непосредственный // Романские и германские языки. – Киев: Наукова думка, 2005. – 517 с.
6. Амзаракова, И. П. Преувеличение и преуменьшение как маркеры речевого развития ребёнка: акмеологический подход / И. П. Амзаракова. – Текст : непосредственный // Филология и человек. – 2019. – № 2. – С. 123–133.
7. Апанасенко, Э. Г. Россия — Восток — Запад в зеркале русского этнонима / Э. Г. Апанасенко. – Текст : непосредственный // Россия — Восток — Запад. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы 3-й Междунар. науч. конф. – Ч. 1. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. – С. 55–58.
8. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1993. – №3. – С. 27–35.
9. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Издательство «Языки русской культуры», 1995. – 767 с. – ISBN 5-88766-045-7. – Текст : непосредственный.

10. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
11. Аристотель. Сочинения : [в 4 томах] / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 552 с. – Текст : непосредственный.
12. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с. – ISBN 5-02-010870-7. – Текст : непосредственный.
13. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – (Язык. Семиотика. Культура). – 895 с. – ISBN 5-7859-0027-0. – Текст : непосредственный.
14. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж : Ритм, 2018. – 229 с. – ISBN 978-5-6041754-5-3. – Текст : непосредственный.
15. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Либроком, 2009. – 384 с. – ISBN 978-5-397-00124-3. – Текст : непосредственный.
16. Барашев, А. Х. Производные образования с аугментативным значением в письмах А. П. Чехова / А. Х. Барашев. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – Казань: ФГАОУ ВПО КФУ, 2020. – № 2(60). – С. 12–17.
17. Басыров, Ш. Р. Стилистически маркированные этнонимы в сопоставительном аспекте / Ш. Р. Басыров. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. Том 4 Часть 2. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 45–48.
18. Басыров, Ш. Р. Эмоционально-оценочные наименования лиц по родственным отношениям в разноструктурных языках : структура, семантика и

функционирование / Ш. Р. Басыров, Е. И. Петрищева. – Донецк : ДонГУ, 2023. – 275 с. – Текст : непосредственный.

19. Безрукова, В. В. Проблемы интенсификации / В. В. Безрукова. – Текст : непосредственный // Языковая структура и социальная среда. Межвузовский сборник науч.тр. – Воронеж, 2000. – С. 137–142.

20. Беляева, И. В. Прагматика количественной оценки / И. В. Беляева. – Текст : непосредственный // Известия Института управления инновациями авиационной промышленности. – Ростов н/Д., 2004. – Выпуск 2. – С. 77–80.

21. Бессонова, О. Л. Декодирование оценочной семантики английских диминутивных и аугментативных наименований лица / О. Л. Бессонова, А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 1. – С. 75–88.

22. Бессонова, О. Л. Диминутивные и аугментативные наименования лица в разных вариантах английского языка: семантика, структура, лингвокультурология / О. Л. Бессонова, А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы : сборник научных трудов международной междисциплинарной научной конференции, Тверь, 12-13 октября 2023 г. / Отв. ред. А. А. Романов. – Тверь : Тверской государственный университет, 2023. – с. 44–50.

23. Бессонова, О. Л. Оценка как семантический компонент лексического значения слова (на материале существительных-наименований лица в английском, французском и украинском языках) : 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Бессонова Ольга Леонидовна ; Донецкий государственный университет. – Донецк, 1995. – 184 с. – Текст : непосредственный.

24. Бессонова, О. Л. Оценочное высказывание в англоязычном художественном дискурсе XIX и первой половины XX века / О. Л. Бессонова, О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского

государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 72–86.

25. Бессонова, О. Л. Оценочный тезаурус английского языка: когнитивный и гендерный аспекты : монография / О. Л. Бессонова. – Донецк: ДонНУ, 2002. – 362 с. – Текст : непосредственный.

26. Бессонова, О. Л. Способы выражения аугментативной семантики наименований лица в английском языке / О. Л. Бессонова, А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 10–21.

27. Блинова, О. И. Образная лексика русского языка / О. И. Блинова, Е. А. Юрина. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2008. – № 1. – С. 5–13.

28. Богуславская, О. Ю. Кванторные прилагательные типа всеобщий / О. Ю. Богуславская. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 127–138.

29. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Количественность в языковом мышлении / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Текст : непосредственный // Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 2. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1963. – С. 311–324.

30. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 480 с. – ISBN 978-5-6040760-9-5. – Текст : непосредственный.

31. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: качественность. Количественность / А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – 264 с. – ISBN 5-02-028108-5. – Текст : непосредственный.

32. Буряковская, А. А. Диминутивность в английской языковой картине мира : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Буряковская Анна Александровна ; Тульский гос. ун-т. – Воронеж, 2008. – 154 с. – Текст : непосредственный.

33. Буряковская, А. А. Гендерные особенности выражения оценки при помощи диминутивов и аугментативов / А. А. Буряковская, Ю. Н. Звонарева. –

Текст : непосредственный // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – №2. – С. 448–454.

34. Быбина, З. И. Категория диминутивности в современном немецком языке : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Быбина Зинаида Ивановна ; Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1978. – 204 с. – Текст : непосредственный.

35. Васильева, А. В. Эмоциональность диминутива в ментальном лексиконе носителя русского языка как родного и тюркско-русского билингва / А. В. Васильева. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 454. – С. 12–20.

36. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2024. – 288 с. – ISBN 9785785901896. – Текст : непосредственный.

37. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с. – ISBN 5-200-03017-X. – Текст : непосредственный.

38. Воейкова, М. Д. Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) / М. Д. Воейкова. – Текст : непосредственный // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: НесторИстория, 2009. – С. 353–373.

39. Воинова, В. В. Особенности лингвистики эмоций в англоязычной детской литературе / В. В. Воинова. – Текст : непосредственный // Studia Linguistica. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – Выпуск XIII : Когнитивные и коммуникативные функции языка. – с. 271–275.

40. Вольф, Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» / Е. М. Вольф. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1986. – №5. – С. 98–107.

41. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Либроком, 2020. – 278 с. – ISBN 978-5-397-07255-7. – Текст : непосредственный.

42. Вониш, А. Диминутивы и аугментативы в австрийских немецкоязычных и русскоязычных СМИ / А. Вониш. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы стилистики. – М., 2015. – № 1. – С. 118–126.

43. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

44. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник / М. В. Всеволодова. – М.: Едиториал УРСС, 2017. – 504 с. – ISBN 978-5-453-00117-0. – Текст : непосредственный.

45. Гаврилова, Т. О. Регистр общения с детьми (baby talk): некоторые особенности интонации / Т. О. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. – Вып. 1. – СПб., 2001. – С. 227–238.

46. Гак, В. Г., Кузнецов, С. Н. О типологии количественной сегментации предметов / В. Г. Гак, С. Н. Кузнецов. – Текст : непосредственный // Лингвистическая типология / отв. ред. В. М. Солнцев. – М.: Наука, 1985. – С. 113–119.

47. Галич, Г. Г. Когнитивная категория количества и ее реализация в современном немецком языке / Г. Г. Галич. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. – 208 с. – Текст : непосредственный.

48. Галич, Г. Г. Семантика и прагматика количественной оценки : На материале современного немецкого языка : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Галич Галина Георгиевна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 1999. – 40 с. – Место защиты: СПбГУ. – Текст : непосредственный.

49. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук. – Текст : непосредственный // Сб. статей по языкознанию. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – С. 103–124.

50. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Азбука, 2023. – 512 с. – ISBN 978-5-389-24126-8. – Текст : непосредственный.

51. Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография / А. А. Анков, И. Т. Вепрева, М. В. Гаранович [и др.]. / Научные редакторы д-р филол. наук, профессор А. В. Кирилина; канд. филол. наук, доцент М. В. Гаранович; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 400 с. – ISBN 978-5-907290-95-2. – Текст : непосредственный.

52. Гималетдинова, Г. К. К вопросу о видах экспрессивности и их реализации в языке и речи (на примере английского и татарского языков) / Г. К. Гималетдинова. – Текст : непосредственный // Стилистика и теория языковой коммуникации: тезисы докл. междунар. науч. конф. – М.: МГЛУ, 2005. – С. 135–136. – Текст : непосредственный.

53. Гоббс, Т. Сочинения : [в 2 томах] / Т. Гоббс ; [сост. В. В. Соколов ; пер. с латин. и англ. Н. Федорова и А. Гутермана]. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 621 с. – ISBN 5-244-00021-7 (В пер.). – Текст : непосредственный.

54. Гоббс, Т. Сочинения : [в 2 томах] / Т. Гоббс ; [сост. В. В. Соколов ; пер. с латин. и англ. Н. Федорова и А. Гутермана]. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – 735 с. – ISBN 5-244-00460-3 (В пер.). – Текст : непосредственный.

55. Голечкова, Т. Ю. Опыт когнитивного моделирования семантической микросистемы обозначения человека в английском языке / Т. Ю. Голечкова. – Текст : непосредственный // Когнитивное моделирование семантики разноструктурных единиц языка. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 226 с. (Вест. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 21 (627). Сер. Языкознание). – С. 48–57.

56. Голушин, И. Диминутив как микропереводема (на материале романа М. Шишкина «Письмовник» и его перевода на сербский язык) / И. Голушин. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 4 (85). – С. 48–56.

57. Гордиенко, Е. В. Средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Гордиенко Елена Витальевна; ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Тверь, 2022. – 25 с. – Место защиты: ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». – Текст : непосредственный.

58. Горяинова, Ю. А. Некоторые исторические и социальноэкономические источники разговорно-сленговой сферы австралийского варианта английского языка / Ю. А. Горяинова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №1. – С. 60–62.

59. Гребнев, А. А. Функции форм субъективной оценки в произведениях В. Г. Белинского : 10.00.00 «Филология» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Гребнев Александр Андреевич ; Куйбышевский государственный педагогический институт. – Куйбышев, 1954. – 25 с. – Текст : непосредственный.

60. Декарт, Р. Рассуждения о методе. Начала философии. Страсти души / Р. Декарт. – М.: Эксмо, 2019. – 560 с. – ISBN 978-5-04-103169-5. – Текст : непосредственный.

61. Демьянков, В. З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование / В. З. Демьянков. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 206 с. – ISBN 5-211-03219-5. – Текст : непосредственный.

62. Добровольский, Д. О. Кванторные слова в сопоставительном аспекте (несколько и его немецкие эквиваленты) / Д. О. Добровольский. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 166–185.

63. Долозова, О. Н. О различных типах информации, передаваемых диминутивными производными (на материале ительменского языка) / О. Н. Долозова. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского

университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 2, Часть 2. – С. 135–141.

64. Доу, Ч. Человек молодой в зеркале фразеосемантических полей русского и китайского языков / Ч. Доу, А. Э. Левицкий. – Текст : непосредственный // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023. – № 72. – С. 143–154.

65. Дресслер, В. У. Об объяснительной силе естественной морфологии / В. Дресслер. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1986. – №5. – С. 33–46.

66. Дроздов, В. А. Диминутивные наименования лица в карибских креолях на англоязычной основе / В. А. Дроздов. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – 2023. – Т. 19, № 4(62). – С. 111–122.

67. Есакова, М. Н. Русские диминутивы как особые единицы перевода / М. Н. Есакова, Е. Д. Леоненкова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2020. – № 3. – С. 75–91.

68. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен; пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой. – М.: УРСС, 2002. – 408 с. – ISBN 5-354-00043-2. – Текст : непосредственный.

69. Ефремов, В. А. Аффектонимы: семантика, прагматика и лингвокультурология / В. А. Ефремов. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 73. – С. 18–37.

70. Жаботинская, С. А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных : монография / С. А. Жаботинская. – М.: Изд-во Института языкознания РАН, 1992. – 216 с. – Текст : непосредственный.

71. Звонарева, Ю. Н. Прагматические аспекты употребления диминутивов в английском языке / Ю. Н. Звонарева / – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 513–516.

72. Зинин, Е. О. Вариантность русских деминутивов (на примере идиолекта Ф. М. Достоевского) : монография / Е. О. Зинин. – Наманган: Изд-во Ташкентского ун-та, 2019. – 164 с. – Текст : непосредственный.

73. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: Теория и практика / Е. И. Зиновьева, Е. Е. Юрков. – СПб.: ООО «Издательский дом «МИРС», 2009. – 291 с. – Текст : непосредственный.

74. Иванова, С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Иванова Светлана Викторовна ; ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет». – Уфа, 2003. – 44 с. – Место защиты: БАШГУ. – Текст : непосредственный.

75. Ивин, А. А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты: монография / А. А. Ивин. – М.: Проспект, 2017. – 318 с. – ISBN 978-5-392-23576-6. – Текст : непосредственный.

76. Избранные труды по германскому, сопоставительному и типологическому языкознанию. К юбилею проф. Ш. Р. Басырова; сост.: Е. И. Петрищева, В. В. Писарева, С. А. Юшкова. – Донецк: Издательский дом «ЭДИТ», 2024. – 252 с. – ISBN 978-5-6051588-5-1. – Текст : непосредственный.

77. Ильин, В. В. Онтологические и гносеологические функции категорий качества и количества / В. В. Ильин. – М.: Изд-во Высш. шк., 1972. – 92 с. – Текст: непосредственный.

78. Исакова, С. Ш. Средства выражения категории диминутивности в английском и русском языках (на материале английской и русской художественной прозы XIX-XX веков) : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Исакова Саидат Шамиловна ; ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет». – Махачкала, 2007. – 19 с. – Место защиты: ДГПУ. – Текст : непосредственный.

79. Калиущенко, В. Д. Типология отыменных глаголов: монография / В. Д. Калиущенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Донецк: Издательский дом «ЭДИТ», 2024. – 346 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования : Т. 19). – ISBN 978-5-6049600-6-6. – Текст : непосредственный.

80. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на русский и европейские языки. – М.: Эксмо, 2023. – 160 с. – ISBN 978-5-699-81797-9. – Текст : непосредственный.

81. Карасик, В. И. Лингвоаксиология мировосприятия / В. И. Карасик, И. А. Долгова. – Текст : непосредственный // Современная лингвоаксиология: Россия – Кыргызстан в научном диалоге. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – С. 125–155.

82. Карасик, В. И. Оценочная асимметричность частичного качества / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – № 2. – С. 62–70.

83. Карасик, В. И. Сетевая языковая личность / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 6(848). – С. 33–45.

84. Карасик, В. И. Тенденции развития современного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 14–31.

85. Карасик, В. И. Читательский комментарий в медийно-сетевом дискурсе / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 2. – С. 19–31.

86. Карасик, В. И. Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Жанры речи. – 2024. – Т. 19, № 1(41). – С. 79–89.

87. Карасик, В. И. Языковая личность: аспекты изучения / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Гуманитарные технологии в современном мире :

Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала «Современная коммуникагивистика», профессора Оскара Яковлевича Гойхмана, Светлогорск, 03–05 июня 2021 года / Составители Л. М. Гончарова, Т. В. Нестерова, Э. А. Китанина. – Калининград: РА «Полиграфычъ», 2021. – С. 14–20.

88. Карасик, В. И. Язык социального статуса : Социолингвист. аспект. Прагмалингвист. аспект. Лингвосемант. аспект / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с. – ISBN 5-94244-008-5. – Текст : непосредственный.

89. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: URSS, 2024. – 264 с. – ISBN 978-5-9519-4385-9. – Текст : непосредственный.

90. Карловская, В. Н. Языковая репрезентация фрейма love-hate relationship в художественном тексте / В. Н. Карловская. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия филология. – №1. – СПб.: Изд-во ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2009. – С. 22–28.

91. Катермина, В. В. Номинации человека. Национально-культурный аспект: на материале русского и английского языка : монография / В. В. Катермина. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2018. – 220 с. – ISBN 978-5-9765-2475-0. – Текст : непосредственный.

92. Козлова, О. А. Лексические репрезентанты значений в семантическом поле «отклонение от нормы» / О. А. Козлова. – Текст : непосредственный // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания : материалы III международной научно-практической конференции. – Бийск : ГОУ ВПО «БГПУ», 2008. – С. 125–129.

93. Колесникова, С. М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке : монография / С. М. Колесникова. – М.: Прометей, 2012. – 294 с. – ISBN 978-5-7042-2343-6. – Текст : непосредственный.

94. Колесникова, С. М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке : учебное пособие. – 3-е изд., стер. / С. М. Колесникова. – М.: Флинта, 2021. – 280 с. – ISBN 978-5-9765-2782-9. – URL:

<https://ibooks.ru/bookshelf/374394/reading> (дата обращения: 13.07.2024). – Текст: электронный.

95. Колоколова, Л. П. Категория количества в русском языке / Л. П. Колоколова. – Текст : непосредственный // Теория поля в современном языкознании: тезисы докладов. – Уфа, 1993. – Часть III. – С. 88–89.

96. Колоцей, С. Н. Категория квантитативности в контексте фразеологии (на материале французского и русского языков) / С. Н. Колоцей. – Текст : непосредственный // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Гуманитарный науки. – 2014. – № 1 (82). – С. 95–98.

97. Колшанский, Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г. В. Колшанский. – Текст : непосредственный // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 5–31.

98. Крылов, С. А. Количество как понятийная категория / С. А. Крылов. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 44–65.

99. Кругликова, Г. Г. Языковая категория квантитативности и аспекты ее изучения / Г. Г. Кругликова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1993. – №3. – С. 77–84.

100. Кубрякова, Е. С. Когнитивная наука / когнитивные науки. Когнитивная обработка языковых данных / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Хрестоматия по общему языкознанию / Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Кафедра французского языка. – Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. – С. 280–290.

101. Кузина, И. Ю. Категория количества и ее выражения в языке (введение в проблематику) / И. Ю. Кузина. – Текст : непосредственный // Научно-

педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. – 2014. – № 1 (13). – С. 108–117.

102. Кунин, А. В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки / А. В. Кунин. – Текст : непосредственный // Вопросы фразеологии. Сб. науч тр. МГПИИЯ М. Тореза. – М., 1980. – Вып. 168. – С. 158–185.

103. Курилова, С. Н. Аугментативность как аффиксально маркированная категория частей речи в юкагирском языке (на материале языка тундровых юкагиров) / С. Н. Курилова. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 88–101.

104. Кустова, Г. И. Количественные значения качественных слов / Г. И. Кустова. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 295–305.

105. Ларионова, Е. А. Взаимодействие функционально-семантических полей количественности и определенности/неопределенности в русском языке / Е. А. Ларионова. – Текст : непосредственный // Карповские научные чтения: сборник научных статей: в 2 ч.; Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. И. Головня [и др.]. – Минск, 2012. – Ч. 1. – С. 92–95.

106. Лебег, А. Об измерении величин / А. Лебег. М.: URSS, 2009. – 200 с. – ISBN 978-5-397-00180-9. – Текст : непосредственный.

107. Лебедева, М. С. Образные аспекты семантики имени существительного в современном английском языке : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Маргарита Семеновна Лебедева. – М., 1981. – 28 с. – Текст : непосредственный.

108. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – М.: Атеист, 1930. – 344 с. – Текст : непосредственный.

109. Левицкий, А. Э. Динамика лексического фонда языка: вопросы семантики и функционирования / А. Э. Левицкий. – Текст : непосредственный // Психолингвистика и лексикография : сборник научных трудов / ФГБОУ ВО

«Воронежский государственный университет»; Воронежская психолингвистическая ассоциация. Том Выпуск 9. – Москва : Издательство ООО «РИТМ: издательство, технологии, медицина», 2022. – С. 95–100.

110. Левицкий, А. Э. Человеческое мышление и вопросы языковой динамики / А. Э. Левицкий. – Текст : непосредственный // Российская психолингвистика: итоги и перспективы : Материалы XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – С. 39–41.

111. Левицкий, А. Э. Языковая личность в рамках трансграничного подхода / А. Э. Левицкий. – Текст : непосредственный // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы V Международной научно-практической конференции, Минск, 18–19 марта 2021 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2021. – С. 43–47.

112. Левицкий, А. Э. Концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ и особенности его вербализации / А. Э. Левицкий. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 20. – С. 113–124.

113. Лескина, С. В. Представленность разноуровневых диминутивов в русском и английском языке / С. В. Лескина, Ю. В. Слабко. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 1. – С. 15–21.

114. Либерт, Е. А. Диминутив в западногерманских языках : монография / Е. А. Либерт; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт филологии, Министерство образования и науки РФ, Новосибирский государственный университет. – Новосибирск : Издательско-полиграфический центр НГУ, 2017. – 124 с. – Текст : непосредственный.

115. Литвин (Орел) Ф. А. Кванторы и слова / Ф. А. Литвин (Орел). – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 201–206.

116. Ломоносов, М. В. Российская грамматика Михайла Ломоносова / М. В. Ломоносов. – М.: ARCHIVE REPUBLICA, 2024. – 213 с. – ISBN 978-5-519-93831-0. – Текст : непосредственный.
117. Ломтев, Т. П. Общее русское языкознание / Т. П. Ломтев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. – 384 с. – Текст : непосредственный.
118. Лосев, А. Ф. Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1994. – 920 с. – Текст : непосредственный.
119. Маджидов, С. Р. О содержании и структуре семантической категории количества в русском языке / С. Р. Маджидов. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2008. – №1. – С. 50–54.
120. Малинауспене, Н. К. Производные от греческого корня архв русском языке (окончание) / Н. К. Малинауспене. – Текст : непосредственный // Новый филологический вестник. – М.: ООО «Издательство Ипполитова», 2009. – Т. 10, №3. – С. 123–130.
121. Максимов, В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных русском языке / В. И. Максимов. – Л., 1975. – 222 с. – Текст : непосредственный.
122. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Введение : учебное пособие для вузов / В. А. Маслова ; ответственный редактор У. М. Бахтикиреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 208 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-06586-2. – Текст : непосредственный.
123. Маркс, К. Сочинения: [в 30 томах] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 18: [подгот. к печати В. Э. Куниной др.]. – XXX, 807 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). – Текст : непосредственный.
124. Мечковская, Н. Б. Градуально-количественная семантика в грамматике, лексике и фразеологии: уровневое своеобразие и межуровневые корреляции / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 448–465. – Текст : непосредственный.

125. Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка. – АН СССР, Кафедра иностр. яз. – Москва : Наука, 1976. – 245 с. – Текст : непосредственный.

126. Мингазова, Н. Г. Сопоставительный анализ категории числа имен существительных в английском и арабском языках : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Мингазова Наиля Габделхамитовна. – Казань, 2004. – 174 с. – Текст : непосредственный.

127. Мягкова, Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова: монография / Е. Ю. Мягкова. – Курск: Изд-во КГУ, 2000. – 112 с. – ISBN 5-88313-219-7. – Текст : непосредственный.

128. Некрасова, И. М. Категория диминутивности в русском и английском языках / И. М. Некрасова. – Текст : непосредственный // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – Пермь, 2010. – № 8. – С. 26–31.

129. Николина, Н. А. Экспрессивные словообразовательные средства в произведениях Ф. М. Достоевского / Н. А. Николина. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – М., 2021. – № 3. – С. 41–47.

130. Ниязова, Д. Ф. Особенности дискретного проявления категории количества в английском и русском языках / Д. Ф. Ниязова. – Текст : непосредственный // Ученый XXI века. – 2016. – № 2–4 (15). – С. 11–13.

131. Норкина, Л. Ж. Языковые средства выражения качественных характеристик в контексте : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Норкина Лариса Жиганшовна ; Киевский гос. пед. ин-т иностранных языков. – Киев, 1984. – 24 с. – Место защиты: КГПИИЯ. – Текст : непосредственный.

132. Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин,

Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. – М. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. – 390 с. – ISBN 978-5-98269-258-0. – Текст : непосредственный.

133. Осипова, А. А. Особенности символического значения числа в русском, английском и французском языке / А. А. Осипова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2007. – № 1. – С. 272–276.

134. Ососкова, А. С. Аналитические диминутивные наименования лица в английском языке / А. С. Ососкова. – Текст : электронный // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022. – № 4. – С. 52–66. – URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 09.10.2023).

135. Ососкова, А. С. Английские диминутивы как средство номинации человека по признаку «характер» / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 2 / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 161–164.

136. Ососкова, А. С. Дескриптор *little* как средство актуализации диминутивной семантики в английских наименованиях лица / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 2 / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 154–155.

137. Ососкова, А. С. Диминутивные и аугментативные наименования лица как средство выражения градации количества и качества / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // STUDIA LINGUISTICA. – СПб.: ИПЦ «Измайловский»,

Политехника Сервис, 2021. – Вып. XXX. Слово в универсуме культуры и смысла. – С. 65–70.

138. Ососкова, А. С. Диминутивны́е и аугментативны́е наименования лица по признаку трудовой деятельности в английском языке / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2023. – Т. 19. – Вып. 4 (62). – С. 41–49.

139. Ососкова, А. С. Диминутивны́е наименования лица по возрасту в англоязычной картине мира / А. С. Ососкова. – Текст : электронный // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023. – № 4. – С. 75–85. – URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 16.02.2024).

140. Ососкова, А. С. Лексические диминутивны́е наименования лица в английском языке / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2021. – №3 (75). – С. 39–43.

141. Ососкова, А. С. Методы исследования взаимодействия языка и культуры / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Том 5: Филологические науки. библиотечное дело / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 151–154.

142. Ососкова, А. С. Реализация бинарной оппозиции «диминутивность-аугментативность» на примере английских наименований лица / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции (Донецк, 26-28 октября 2021 г.). – Том 4: Филологические науки. часть 1: Иностранная филология / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 102–104.

143. Ососкова, А. С. Семантическая классификация аугментативных наименований лица в английском языке / А. С. Ососкова. – Текст :

непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДОННУ, 2022. – Т. 18. – Вып. 2 (56). – С. 56–66.

144. Ососкова, А. С. Структурно-семантические и лингвокультурологические особенности этномаркированных диминутивных наименований лица в английском языке / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // *Иностранные языки в высшей школе*. – Рязань, 2022. – Выпуск 3 (62). – С. 87–96.

145. Ососкова, А. С. Структурно-семантические особенности синтетических диминутивных наименований лица в английском языке / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – Педагогические науки. Филологические науки. – Волгоград: Издательство ВГСПУ «Перемена», 2021. – №2 (155). – С. 168–172.

146. Ососкова, А. С. Структурные типы английских диминутивных наименований лица / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики: ежегодный научно-теоретический и прикладной журнал* / гл. ред. д.филол.н., проф. Т. А. Ширяева. – Пятигорск: ПГУ, 2023. – Выпуск 16. – С. 189–197.

147. Ососкова, А. С. Усеченные диминутивные наименования лица в английском языке / А. С. Ососкова. – Текст : непосредственный // *Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.)*. – Том 4: Филологические науки. Часть 2 / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – С. 123–125.

148. Панфилов, В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 357 с. – Текст : непосредственный.

149. Панфилов, В. З. Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке / В. З. Панфилов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1971. – № 5. – С. 3–18.

150. Петрищева, Е. И. Аффиксация и полуаффиксация как способы образования эмоционально-оценочных номинаций родственников в английском, немецком, русском и украинском языках / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 53–56.

151. Петрянина, О. В. Реализация диминутивных значений глаголами с суффиксом -el(n) в современном немецком языке / О. В. Петрянина, Е. В. Ревина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 319–325.

152. Педтієва, О. Ф. Образність як семантичний компонент лексичного значення найменувань особи в англійській та українській мовах: монографія / О. Ф. Педтієва. – Київ : СПД Нестроєвий А.І., 2015. – 256 с. – (Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження : ЛЛД / М-во освіти і науки України; Т. 3). – ISBN 978-966-97410-2-8. – Текст : непосредственный.

153. Платон. Диалоги : [перевод с древнегреческого] / Платон. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 320 с. – (Вся мудрость мира). – ISBN 978-5-17-102225-9. – Текст : непосредственный.

154. Погосова, К. О. Способы вербализации эмоций / К. О. Погосова. – Текст : непосредственный // Объединенный научный журнал. – М.: Изд-во «Фонда правовых исследований», 2006. – №20. – С. 30–34.

155. Полянский, А. Н. План содержания категории количества в русском языке / А. Н. Полянский. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1984. – №1. – С. 34–41.

156. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : научное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж : ИСТОКИ, 2007. – 250 с. – Текст : непосредственный.

157. Постовалова, В. И. Имя и число в философии языка / В. И. Постовалова. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 66–92.

158. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Об изменении значения и заменах существительного : [в 2 частях] / А. А. Потебня. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – Часть 1. – 265 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-05941-0. – Текст : непосредственный.

159. Протасова, Е. Ю. Роль диминутивов в современном русском языке / Е. Ю. Протасова. – Текст : непосредственный // Русский язык: система и функционирование. – Tartu: Tartu ülikool, 2001. – С. 72–88.

160. Раскалей, Н. В. Средства языковой номинации функционально-семантической категории увеличительности в современном английском языке : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Раскалей Наталья Викторовна. – Киев, 1985. – 24 с. – Текст : непосредственный.

161. Резниченко, Л. Ю. Диминутивность как средство моделирования лингвокультурной и лингвопсихологической картины мира / Л. Ю. Резниченко. – Текст : непосредственный // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 5. – С. 85–92.

162. Резниченко, Л. Ю. Прагматика диминутивности в английском и немецком языках : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Резниченко Лариса Юрьевна; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2001. – 19 с. – Место защиты: РГПУ им. А. И. Герцена. – Текст : непосредственный.

163. Родимкина, А. М. Уменьшительно-оценочные существительные в современном русском языке : 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание

учёной степени кандидата филологических наук / Родимкина Алла Михайловна. – Ленинград, 1980. – 165 с. – Текст : непосредственный.

164. Рябцева, Н. К. Размер и количество в языковой картине мира / Н. К. Рябцева. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 108–116.

165. Савельева, И. П. Категория количественности в перспективе морфотемного анализа / И. П. Савельева. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: филология. Журналистика. – 2008. – № 1. – С. 123–126.

166. Скачкова, Е. В. Семантика и особенности функционирования существительных с аугментативными суффиксами в неформальной интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов) / Е. В. Скачкова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2022. – №1. – С. 179–186.

167. Слабко, Ю. В. Общие и отличительные черты функционирования диминутивности в русском и английском языках : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Слабко Юлия Владимировна; ФГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет». – Челябинск, 2016. – 23 с. – Место защиты: Ур. гос. пед. ун-т. – Текст : непосредственный.

168. Слышкин, Г. Г. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений / Г. Г. Слышкин, Л. Е. Малыгина, Е. С. Павлова. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 1(28). – С. 64–69.

169. Слышкин, Г. Г. Неологизмы тематической группы «Брачные отношения» как проявление кризиса традиционных семейных ценностей в англоязычной лингвокультуре / Г. Г. Слышкин, Н. Ю. Бессонов, Е. В. Гордиенко. – Текст : непосредственный // Изоморфные и алломорфные признаки языковых

систем : Сборник научных статей. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. – С. 165–170.

170. Слышкин, Г. Г. Радикальный феминный и маскулинный медиадискурс в аспекте лингвобезопасности / Г. Г. Слышкин, Л. Е. Малыгина, Е. С. Павлова. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 2(29). – С. 53–60.

171. Смирнова, Е. Д. Анализ кванторных выражений в теории семантических категорий / Е. Д. Смирнова. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 93–103.

172. Современный русский язык : учебник для филологических специальностей вузов / В. А. Белошапкова, В. Н. Белоусов, Е. А. Брызгунова и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 2002. – 926 с. – ISBN 5-89285-005-6. – Текст : непосредственный.

173. Спиридонова, Т. А. Категории собирательных и совокупных множеств в современном английском языке : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Спиридонова Тамара Алексеевна ; Моск. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – Москва, 1990. – 25 с. – Место защиты: МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – Текст : непосредственный.

174. Степаненко, С. Н. Проблема языкового представления количества в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы / С. Н. Степаненко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики; отв. ред. Т. Ю. Тамерьян. – Владикавказ, 2006. – № 8. – С. 40–44.

175. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 278 с. – ISBN 5-9551-0205-1. – Текст : непосредственный.

176. Субич, В. Г. Функциональный анализ лексико-семантического аспекта количественности в английском, японском и русском языках : 10.02.20

«Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Субич Виталий Глебович. – Казань, 2012. – 216 с. – Текст : непосредственный.

177. Сепир, Э. Градуирование / Э. Сепир – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 43–78.

178. Тагабилева, М. Г. Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках) : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Тагабилева Мария Геннатуловна; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2016. – 320 с. – Текст : непосредственный.

179. Телегина, Е. В. Основные особенности грамматической категории числа в русском и английском языках / Е. В. Телегина. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 6. – С. 62–65.

180. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с. – Текст : непосредственный.

181. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – с. 288. – Текст : непосредственный.

182. Телия, В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В. Н. Телия. – Текст : непосредственный // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 5–35.

183. Терехова, О. А. К вопросу функционально-прагматического и когнитивного анализа лексемы person / О. А. Терехова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: Материалы Всероссийской научной конференции, 25–27 ноября 2002, Абакан /

Отв. ред. И. П. Амзаракова. – Абакан: изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. – С. 57–60.

184. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2022. – 368 с. – ISBN 5-211-04869-5. – Текст : непосредственный.

185. Тимофеев, И. С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество» / И. С. Тимофеев. – М.: Наука, 1972. – 215 с. – Текст : непосредственный.

186. Тихонова, Ю. В. Лексемы со значением неопределенного количества в белорусском языке / Ю. В. Тихонова. – Текст : непосредственный // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. сост. С. В. Анцух; под общ. ред. В. Г. Шадурского. – Минск: Четыре четверти, 2015. – Вып. 14. – С. 233–235.

187. Ткаченко, С. Г. Градуальность в английской фразеологии: лингвокультурологический аспект: монография / С. Г. Ткаченко. – Донецк: ООО НПП «Фолиант», 2019. – 195 с. – (Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования; Т. 5). – ISBN 978-5-9500569-8-7. – Текст : непосредственный.

188. Тошович, Б. Квантитативная категоризация и категориальная квантификация / Б. Тошович. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 104–126.

189. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – М.: ЛКИ, 2012. – 336 с. – ISBN 978-5-382-01374-9. – Текст : непосредственный.

190. Тураева, З. Я. Еще раз о функциональносемантической категории количества / З. Я. Тураева, Я. Г. Биренбаум. – Текст : непосредственный // Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка. – Л.: Изд. Ленингр. гос. пед. ин-та, 1988. – С. 110–121.

191. Туранский, И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И. И. Туранский. – М.: Высшая школа, 1990. – 172 с. – ISBN 5-06-001625-0. – Текст : непосредственный.

192. Урысон, Е. В. Большой и маленький: шкала размера в русском языке / Е. В. Урысон. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 477–494.

193. Урысон, Е. В. Семантика величины / Е. В. Урысон. – Текст : непосредственный // Языковая картина мира и системная лексикография / Ю. Д. Апресян (отв.ред.). – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 713–758.

194. Уфимцева, А. А. Лексическое значение : принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Либроком, 2020. – 240 с. – (Лингвистическое наследие XX века). – ISBN 978-5-397-07053-9. – Текст : непосредственный.

195. Ухина, Ю. Л. Семантическая и образная структура субстантивов с вторичным значением количества в русском и английском языках / С. Г. Васильева, Ю. Л. Ухина. – Текст : непосредственный // Обработка текста и когнитивные технологии. VII Международная конференция «Когнитивное моделирование в лингвистике» (Варна, 4-11 сентября 2004 года). Труды. – М.: Издательство «Учеба» МИСиС, 2004. – С. 217–227.

196. Фесенко, С. Л. Проблема концептуализации эмоций в контексте освоения реального мира / С. Л. Фесенко. – Текст : непосредственный // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов, 2002. – Вып. 2. – С. 185–189.

197. Филимонова, О. Е. Язык эмоций в английском тексте: (Когнитивный и коммуникативный аспекты): Монография / О. Е. Филимонова. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 259 с. – ISBN 5-8064-0460-9. – Текст : непосредственный.

198. Фуфаева, И. В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными : на материале русского языка : 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Фуфаева Ирина Владимировна; Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). – Москва, 2017. – 258 с. – Текст : непосредственный.

199. Харитончик, З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З. А. Харитончик. – Текст : непосредственный // Язык и структуры представления знаний: сб. научно-аналитических обзоров. – М., 1992. – С. 98–123.

200. Холодович, А. А. Проблемы грамматической теории. – Ленинград: Наука, 1979. – 304 с. – Текст : непосредственный.

201. Худяков, А. А. Отношение категории числа существительного к понятийной категории количественности и к количеству / А. А. Худяков. – Текст : непосредственный // Коммуникативный аспект языка: процессы и единицы. – Л., 1991. – С. 156–161.

202. Цзян, Ю. Некоторые средства выражения значения «половина» в современных русском и китайском языках / Ю. Цзян. – Текст : непосредственный // Голоса молодых учёных: Сборник научных публикаций иностранных и российских аспирантов и докторантов-филологов. – М., 2003. – Вып. 14. – С. 101–110.

203. Чеснокова, Л. Д. Категория количества и способы её выражения в современном русском языке / Л. Д. Чеснокова. – Таганрог, 1992. – 178 с. – Текст : непосредственный.

204. Человек – язык – дискурс: антропоцентрическая лингвистика и лингвистическая антропология : коллективная монография / Н. О. Золотова, В. В. Волков, С. А. Чугунова, С. В. Мкртычян, В. И. Карасик, Е. Н. Брызгалова, Н. В. Семенова, А. Б. Бушев, В. А. Миловидов. – Тверь : Тверской государственный университет, 2023. – 179 с. – ISBN 978-5-7609-1877-2. – Текст : непосредственный.

205. Чжан Г. Функциональное и когнитивное исследование прилагательных в современном китайском языке / Г. Чжан. – Пекин: Изд-во коммерческой прессы, 2006. – 441 с. – Текст : непосредственный.

206. Чжэн, Ш. Стилистический анализ числительного один в современном китайском языке / Ш. Чжэн. – Текст : непосредственный // Прикладные исследования языка. – 2007. – № 6. – С. 71–72.

207. Чударь, А. Н. Структурно-семантические и функциональные особенности аналитических диминутивов в австралийском, новозеландском и

южноафриканском английском / А. Н. Чударь. – Текст : непосредственный // Вестник Минского государственного лингвистического университета. – 2020. – Серия 1: Филология. № 2(105). – С. 92–99.

208. Шадеко, В. П. Диминутивы и аугментативы немецкого языка в ряду градуальных оппозиций : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Шадеко Василий Петрович ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 1998. – 14 с. – Место защиты: СПбГУ. – Текст : непосредственный.

209. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М.: Ленанд, 2023. – 206 с. – ISBN 978-5-971-09897-3. – Текст : непосредственный.

210. Шаховский, В. И. Некоторые способы выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имени существительного современного английского языка: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Шаховский Виктор Иванович ; Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской. – М., 1969. – 26 с. – Место защиты: МОПИ им. Н. К. Крупской. – Текст : непосредственный.

211. Шаховский, В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В. И. Шаховский. – Текст : непосредственный // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград : Волгоград. гос. пед. ун-т, 1990. – С. 29–40.

212. Швачко, С. А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках / С. А. Швачко. – Киев: Вища школа, 1981. – 144 с. – Текст : непосредственный.

213. Швейцер, А. Д. Очерк современного английского языка в США : учеб. пособие / А. Д. Швейцер. – М.: Высш. школа, 1963. – 216 с. – Текст : непосредственный.

214. Шедогубова, С. В. Структурно-семантический и прагматический аспекты категории диминутивности в современном немецком языке : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата

филологических наук / Шедогубова Светлана Викторовна; Воронежский государственный технический университет. – Воронеж, 2004. – 176 с. – Текст : непосредственный.

215. Шейгал, Е. И. Градация в лексической семантике: учеб. пособ. к спецкурсу / Е. И. Шейгал. – Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. университет, 1990. – 96 с. – Текст : непосредственный.

216. Шейгал, Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Шейгал Елена Иосифовна. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1981. – 244 с. – Текст : непосредственный.

217. Ширяева, Т. А. Гендер в зеркале афоризма: сущность, язык, эволюция / Т. А. Ширяева, В. В. Катермина. – Текст : непосредственный // Вопросы современной лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 114–126.

218. Шляхтенко, С. Г. Категории качества и количества / С. Г. Шляхтенко. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1968. – 144 с. – Текст : непосредственный.

219. Шмелев, А. Д. Параметры количественной оценки в естественном языке / А. Д. Шмелев. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 511–520.

220. Шмелев, Д. Н. Слово и образ / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1964. – 120 с.

221. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А. Н. Шрамм. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та., 1979. – 134 с. – Текст : непосредственный.

222. Якобсон, Р. Язык и бессознательное / Р. Якобсон. – М.: Гнозис, 1996. – 248 с. – ISBN 5-7333-0492-8. – Текст : непосредственный.

223. Artoni, D. Translating pragmatics: a corpus-based study on Armenian, Italian and Russian diminutives / D. Artoni, I. Dadyan. – Текст : непосредственный // Italiano LinguaDue. – 2023. – Vol. 15, No. 2. – Pp. 51–63.

224. Bagchi, T. A preliminary classification of diminutives and augmentatives in Bangla / T. Bagchi, M. Parakh. – Текст : непосредственный // Working Papers on Linguistics and Literature. – Vol. 15. – 2021. – Pp. 702–712.
225. Bauer, L. English Word-Formation / L. Bauer. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 311 p. – ISBN 0521284929. – Текст : непосредственный.
226. Bauer, L. Evaluative Morphology: In Search of Universals / L. Bauer. – Текст : непосредственный // Studies in Language. – 1997. – Vol. 21, Issue 3. – Pp. 533–575.
227. Bauer, L. No Phonetic Iconicity in Evaluative Morphology / L. Bauer. – Текст : непосредственный // Studia Linguistica. – 1996. – Vol. 50. – Pp. 189–206.
228. Belder, M. De. Roots and affixes, eliminating lexical categories from syntax / M. De Belder. – Utrecht, 2011. – 309 p. – ISBN 978-94-6093-065-2. – Текст : непосредственный.
229. Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectivals / M. Bierwisch. – Текст : непосредственный // Foundations of language. International journal of language and philosophy. – 1967. – Vol. 3, No. 1. – Pp. 1–36.
230. Bobaljik, J. Distributed Morphology / J. Bobaljik. – Текст : электронный // Oxford Research Encyclopedia of Linguistics, ed. Mark Aronoff. – 2017. – URL: <https://scholar.harvard.edu/bobaljik/publications/distributed-morphology>.
231. Bolinger, D. Degree words / D. Bolinger. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1972. – 324 p. – (Janua linguarum Series maior; Vol. 53). – ISBN 902792239X. – Текст : непосредственный.
232. Bybee, J. Morphology: A Study of the Relation Between Meaning and Form / J. Bybee. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1985. – 246 p. – (Typological Studies in Language; Vol. 9). – ISBN 0915027380. – Текст : непосредственный.
233. Bybee, J. Natural morphology: the organization of paradigms and language acquisition / J. Bybee. – Текст : непосредственный // Crosscurrents in Second Language

Acquisition and Linguistic Theories, eds. Thom Huebner and Charles A. Ferguson. – Philadelphia: Benjamins, 1991. – Pp. 67–91.

234. Chomsky, N. Language and Mind / N. Chomsky. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 208 p. – ISBN 052167493X. – Текст : непосредственный.

235. Creemers, A. Some affixes are roots, others are heads / A. Creemers, J. Don, P. Fenger. – Текст : непосредственный // Natural Language & Linguistic Theory. – 2018. – Vol. 36, No. 3. – Pp. 45–84.

236. Crowhurst, M. J. Diminutives and Augmentatives in Mexican Spanish. A Prosodie Analysis / M. J. Crowhurst. – Текст : непосредственный // Phonology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – Vol. 9, No. 2. – Pp. 221–253.

237. Cruse, D. A. Meaning in language. An introduction to semantics and pragmatics / D. A. Cruse. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 510 p. – ISBN 0199559465. – Текст : непосредственный.

238. Davis, C. The morpho-phonology of an English diminutive / C. Davis. – Текст : электронный // Proceedings of the Linguistic Society of America, ed. Patrick Farrell. – 2023. – Vol. 8, No. 1. – URL: <https://journals.linguisticsociety.org/proceedings/index.php/PLSA/article/view/5497>.

239. Dressler, W. U. Communication with diminutives to young children vs. pets in German, Italian, Lithuanian, Russian, and English / W. U. Dressler, E. Mattiello, K. Korecky-Kröll, S. Noccetti, I. Dabašinskienė, L. Kamandulytė-Merfeldienė, V. V. Kazakovskaya. – Текст : непосредственный // Stem-, Spraak- en Taalpathologie. – University of Groningen Press, 2022. – Vol. 27, Special Issue. – Pp. 53–68.

240. Dressler, W. U. Evaluative morphology and language acquisition / W. U. Dressler, K. Korecky-Kröll. – Текст : непосредственный // Edinburgh Handbook of Evaluative Morphology, eds. Nicola Grandi & Livia Körtyvéyessy. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. – Pp. 134–141. – ISBN 9780748681747.

241. Dressler, W. U. Morphopragmatics. Diminutives and Intensifiers in Italian, German, and Other Languages / W. U. Dressler, L. M. Barbaresi. – Berlin, New York:

Walter de Gruyter, 2011. – 690 p. – (Trends in Linguistics. Studies and Monographs; Vol. 76). – ISBN 3110877058. – Текст : непосредственный.

242. Dressler, W. U. Morphopragmatics of Diminutives and Augmentatives: on the Priority of Pragmatics over Semantics / W. U. Dressler, L. M. Barbaresi. – Текст : непосредственный // Perspectives on semantics, pragmatics, and discourse: a Festschrift for F. Kiefer. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – Pp. 43–58.

243. Dressler, W. U. Rivalry and Lack of Blocking Among Italian and German Diminutives in Adult and Child Language / W. U. Dressler, L. M. Barbaresi, S. Schwaiger, J. Ransmayr, S. Sommer-Lolei, K. Korecky-Kröll. – Текст : непосредственный // Competition in Inflection and Word-Formation, eds. F. Rainer, F. Gardani, W. U. Dressler, H. C. Luschützky. – Cham: Springer Nature Switzerland, 2019. – Vol. 5. – Pp. 123–143.

244. Dressler, W. U. What is natural in natural morphology? / W. U. Dressler. – Текст : непосредственный // Prague Linguistic Circle Papers. – 1999. – Vol. 3. – Pp. 135–144. – ISBN 9789027254436.

245. Erben, J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / J. Erben. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2006. – 205 p. – (Grundlagen der Germanistik; Vol. 17). – ISBN 3503079750. – Текст : непосредственный.

246. Ermakov, S. A. Modern studies of the category of graduality / S. A. Ermakov. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2023. – No. 2(49). – Pp. 37–43.

247. Frankl, P. J. L. Diminutives and Insignificance, Augmentatives and ‘Monstrosity’: Examples of Class Re-Assignment in Swahili / P. J. L. Frankl, Y. A. Omar. – Текст : непосредственный // South African Journal of African Languages. – 1994. – Vol. 14, Issue 3. – Pp. 113–116.

248. Galèas, G. C. Diminutives within the theory of morphopragmatics / G. C. Galèas. – Текст : непосредственный // Colloque International de Linguistique Grecque. – Paris, 2001. – Issue 5. – Pp. 9–18.

249. Gillis, S. The acquisition of diminutives in Dutch / S. Gillis. – Текст : непосредственный // Studies in pre- and protomorphology [Veröffentlichungen der Kommission für Linguistik und Kommunikationsforschung], W. U. Dressler (Ed.). – Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. – Issue 26. – Pp. 165–179.

250. Grandi, N. Renewal and Innovation in the Emergence of Indo-European Evaluative Morphology / N. Grandi. – Текст : электронный // Lexis: Journal in English Lexicology. – 2011. – Issue 6. – Pp. 5–25. – URL: <https://journals.openedition.org/lexis/403>. (дата обращения: 04.06.2023).

251. Günther, K. Wörterbuch phraseologischer Termini / K. Günther. – Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, 1990. – 164 S. – (Linguistische Studien. Reihe A, Arbeitsberichte; Vol. 205). – Текст : непосредственный.

252. Halle, M. Distributed morphology and the pieces of inflection / M. Halle, A. Marantz. – Текст : непосредственный // The View from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvian Bromberger. – Cambridge, MA: MIT Press, 1993. – Pp. 111–176.

253. Jacobs, N. G. Diminutive Formation in Yiddish. A Syllable-Based Account / N. G. Jacobs. – Текст : непосредственный // Insights in Germanic Linguistics I: Methodology in Transition. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. – Pp. 169–184.

254. Jurafsky, D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive / D. Jurafsky. – Текст : непосредственный // Language. – Washington: Linguistic Society of America, 1996. – Vol. 72, No. 3. – Pp. 533–578.

255. Kempe, V. Diminutives in child-directed speech supplement metric with distributional word segmentation cues / V. Kempe, P. J. Brooks, S. Gillis. – Текст : непосредственный // Psychonomic Bulletin and Review. – 2005. – Vol. 12, No. 1. – Pp. 145–151.

256. Kruashvili, I. Nouns with augmentative meaning in the German wordbuilding / I. Kruashvili. – Текст : непосредственный // Cross-Cultural Studies: Education and Science. – 2018. – Vol. 3, Issue 3. – Pp. 138–145.

257. Крого, F. Expressing diminutive meaning in heritage Twi: The role of complexity and language-specific preferences / F. Крого, A. Kohut, Ch. Chang. – Текст : непосредственный // Formal approaches to complexity in heritage languages. – Berlin: Language Science Press, 2024. – Pp. 15–41.

258. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 614 p. – ISBN 0-226-46804-6. – Текст : непосредственный.

259. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London: Longman, 1983. – 250 p. – ISBN 0-582-55110-2. – Текст : непосредственный.

260. Leech, G. Semantics. The Study of Meaning / G. Leech. – London: Penguin Books, 1990. – 383 p. – ISBN 0140134875. – Текст : непосредственный.

261. Leitmotifs in Natural Morphology / W. U. Dressler, W. Mayerthaler, O. Panagl, W. U. Wurzel. – Amsterdam: John Benjamins, 1987. – 168 p. – (Studies in Language Companion Series; Vol. 10). – ISBN 9789027283139. – Текст : непосредственный.

262. Levitsky, A. E. Approximation and its language markers in English / A. E. Levitsky. – Текст : непосредственный // Current Issues in Modern Linguistics and Humanities : Proceedings of the 13th All-Russian Research and Methodological Conference with International Participation, 26 марта 2021 года. – Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – Pp. 13-21.

263. Lipka, L. An Outline of English Lexicology: lexical structure, word semantics, and word formation / L. Lipka. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – 218 p. – ISBN 3-484-41003-5. – Текст : непосредственный.

264. Lockyer, D. The emotive meanings and functions of English ‘diminutive’ interjections in Twitter posts / D. Lockyer. – Текст : непосредственный // SKASKE Journal of Theoretical Linguistics. – V. 11, No 2. – 2014. – Pp. 68–89.

265. Lowenstamm, J. Derivational affixes as roots: Phasal spell-out meets English stress shift / J. Lowenstamm. – Текст : непосредственный // The syntax of roots and the roots of syntax. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – Pp. 230–259.

266. Manova, S. Diminutives across Languages, Theoretical Frameworks and Linguistic Domains / S. Manova, L. Grestenberger, K. Korecky-Kröll. – Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2023. – 427 p. – (Trends in Linguistics. Studies and Monographs [TiLSM]; Vol. 380). – ISBN 311079294X. – Текст : непосредственный.

267. Manova, S. Young animals and diminutives in Bulgarian and other Slavic languages: A contrastive study with emphasis on derivational paradigms / S. Manova, R. Gregová. – Текст : непосредственный // Proceedings of the international conference Balgaristichni ezikovedski chetenija, Krasimira Aleksova (ed.), 19 Nov – 20 Nov. 2018. – Sofia: University of Sofia Press, 2019. – Pp. 167–175.

268. Marchand, H. The categories and types of present-day English word-formation: A synchronic-diachronic approach / H. Marchand. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1960. – 379 p. – Текст : непосредственный.

269. Marco, A. de. Sociopragmatica dei Diminutiva in Italiano / A. de Marco. – Roma: Editori Riuniti Univ. Press, 2011. – 234 p. – ISBN 8864730370. – Текст : непосредственный.

270. Mashaqba, B. On Morphology-Phonology Interface: Insights From Diminutives in Jordanian Arabic / B. Mashaqba, A. Huneety, G. Abu, N. Mohammed, Z. Zeidan. – Текст : непосредственный // Theory and Practice in Language Studies. – 2022. – Vol. 12, No. 6. – Pp. 1206–1213.

271. Matisoff, J. A. The Mother of all Morphemes: Augmentatives and Diminutives in Areal and Universal Perspective / J. A. Matisoff. – Текст : непосредственный // Papers from the First Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistics Society. – Tempe, Arizona: Arizona State University, 1992. – Pp. 293-349.

272. Mayerthaler, W. Morphologische Natürlichkeit / W. Mayerthaler. – Wiesbaden: Athenaion, 1981. – 203 S. – (Linguistische Forschungen; Vol. 28). – ISBN 3799707174. – Текст : непосредственный.

273. Morshed, S. A Study of Augmentativization in English and Bangla / M. Sarwar. – Текст : непосредственный // Journal of ELT Research: The Academic Journal of Studies in English Language Teaching and Learning. – 2018. – Vol. 3, No. 1. – Pp. 68–77.

274. Prieto, P. Morphology of the Spanish Diminutive Formation. A Case for Prosodie Sensitivity / P. Prieto. – Текст : непосредственный // Hispanic Linguistics. – 1992. – Vol 5. – Pp. 169–205.

275. Rosch, E. Cognition and Categorization / E. Rosch, B. Lloyd. – Текст : непосредственный // Cognition and Categorisation. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – Pp. 27–48.

276. Savickienė, I. The acquisition of diminutives: a cross-linguistic perspective / I. Savickienė, W. U. Dressler. – Amsterdam: Benjamins, 2007. – 352 p. – (Studies in Second Language Acquisition; Vol. 30, Issue 4). – ISBN 9789027253033. – Текст : непосредственный.

277. Scalise, S. Generative Morphology / S. Scalise. – Dordrecht : Foris, 1986. – 237 p. – (Studies in Generative Grammar; Vol. 18). – ISBN 90-6765-090-0. – Текст : непосредственный.

278. Schneider, K. P. Diminutives in English / K. P. Schneider. – Max Niemeyer Verlag GmbH, Tübingen, 2003. – 254 p. – ISBN 3-484-30479-0. – Текст : непосредственный.

279. Shockley, M. D. Diminutive names in Peninsular Arabic / M. D. Shockley. – Текст : непосредственный // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – Vol. 87, No. 1. – Pp. 1–17.

280. Strang, B. Modern English Structure / B. Strang. – London: Hodder & Stoughton General Division, 1970. – 264 p. – ISBN 0713154152. – Текст : непосредственный.

281. Stump, G. Inflectional morphology: A Theory of Paradigm Structure / G. Stump. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 324 p. – (Cambridge Studies in Linguistics; Vol. 93). – ISBN 0521780470. – Текст : непосредственный.

282. Stump, G. *Inflectional paradigms: content and form at the syntax-morphology interface* / G. Stump. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 285 p. – (Cambridge Studies in Linguistics; Vol. 149). – ISBN 978-1-107-46085-0. – Текст : непосредственный.

283. Stump, G. *How Peculiar is Evaluative Morphology?* / G. Stump. – Текст : непосредственный // *Journal of Linguistics*. – 1993. – Vol. 29, No. 1. – Pp. 1–36.

284. Vanhove, M. *Diminutives and augmentatives in Beja (North-Cushitic)* / M. Vanhove, M. H. Ahmed. – Текст : непосредственный // *Studies in Language*. – 2018. – Vol. 42, No. 1. – Pp. 51–80.

285. Volek, B. *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian* / B. Volek. – Amsterdam: J. Benjamins, 1987. – 270 p. – (Linguistic & literary studies in Eastern Europe; Vol. 24). – ISBN 9027215294. – Текст : непосредственный.

286. Wierzbicka, A. *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction* / A. Wierzbicka. – De Gruyter Mouton, 2003. – 540 p. – (Trends in Linguistics. Studies and Monographs; Vol. 53). – ISBN 3110177692. – Текст : непосредственный.

287. Wierzbicka, A. *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations* / A. Wierzbicka. – Oxford: Univer. Press, 1992. – 487 p. – ISBN 0195073266. – Текст : непосредственный.

288. Wheeler, M. W. *On the Hierarchy of Naturalness Principles in Inflectional Morphology* / M. W. Wheeler. – Текст : непосредственный // *Journal of Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Vol. 29, No. 1. – Pp. 95–111.

289. Wundt, W. *Logik, eine Untersuchung der Prinzipien der Erkenntnis und der Methoden Wissenschaftlicher Forschung* / W. Wundt. – Stuttgart: Enke, 1907. – 653 p. – Текст : непосредственный.

290. Wurzel, W. U. *Flexionsmorphologie und Natürlichkeit: Ein Beitrag zur morphologischen Theoriebildung* / W. U. Wurzel. – Berlin, Boston: Akademie Verlag,

2014. – 223 p. – (Studia Grammatica; Vol. 21). – ISBN 9783050036748. – Текст : непосредственный.

291. Yip, M. Prosodic Morphology in Four Chinese Dialects / M. Yip. – Текст : непосредственный // Journal of East Asian Linguistics. – Springer Nature, 1992. – Vol. 1, No. 1. – Pp. 1–35.

292. Zivingi, S. Comparative morphological analysis of diminutive and augmentative in English, Kurdish and Arabic / S. Zivingi, R. Sulaiman. – Текст : непосредственный // International Journal of Communication, 2022. – Vol. 9, No 2. – Pp. 132–135.

СПИСОК СПРАВОЧНЫХ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

293. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Ленанд, 2021. – 576 с. – ISBN 978-5-9710-9074-8. – Текст : непосредственный.

294. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц : [В 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – Т. 2: П–Я. Т. 2. – 1084 с. – ISBN 5-200-02802-7. – Текст : непосредственный.

295. Ильенков, Э. В. Количество / Э. В. Ильенков. – Текст : непосредственный // Философская энциклопедия. – Т. 2. – М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1962. – с. 552–562.

296. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с. – ISBN 5-89042-018-1. – Текст : непосредственный.

297. Кудрявцев, А. Ю., Куропаткин, Г. Д. Англо-русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов / А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. – Мн. : ООО «Кузьма», 2001. – 384 с. – ISBN 985-453-136-8. – Текст : непосредственный.

298. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2005. – 2190 с. – ISBN 5-7-7-11-0015-3. – Текст : непосредственный.

299. Левин, В. И. Философия, логика и методология науки / В. И. Левин ; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Пензенская гос. технологическая акад.». – Пенза : ПГТА, 2010. – 66 с. – ISBN 978-5-98903-144-3. – Текст : непосредственный.

300. Леонтьев, Д. А. Эмоции / Д. А. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Большая российская энциклопедия. – Т. 35. – М., 2017. – С. 371–372.

301. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – 2 изд., доп. – М. : Большая Рос. энцикл., 2002. – 709. – ISBN 5-85270-239-0. – Текст : непосредственный.

302. Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary : в 3 т. : содержится ок. 250 000 лекс. единиц, 350 000 значений, 200 000 прим. употребления, 700 000 пер. / Ю. Д. Апресян и др. ; Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. – 2-е изд., испр. – М. : рус. яз., 1997. – Т. 1: А-Ф. Т. 1. – 832 с. – ISBN 5-200-02328-9 (В пер.). – Текст : непосредственный.

303. Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary : в 3 т. : содержится ок. 250 000 лекс. единиц, 350 000 значений, 200 000 прим. употребления, 700 000 пер. / Ю. Д. Апресян и др. ; Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. – 2-е изд., испр. – М. : рус. яз., 1997. – Т. 2: G-Q. Т. 2. – 828 с. – ISBN 5-200-02372-6 (В пер.). – Текст : непосредственный.

304. Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary : в 3 т. : содержится ок. 250 000 лекс. единиц, 350 000 значений, 200 000 прим. употребления, 700 000 пер. / Ю. Д. Апресян и др. ; Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. – 2-е изд., испр. – М. : рус. яз., 1997. – Т. 3: R-Z. Т. 3. – 823 с. – ISBN 5-200-02373-4 (В пер.). – Текст : непосредственный.

305. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Астрель, 2001. – 624 с. – ISBN 5-17-003766-X. – Текст : непосредственный.
306. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер ; Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб. : Азбука ; М. : Изд. центр «Терра», 1996. – Т. 2: (Е-Муж). Т. 2. – 671 с. – ISBN 5-7684-0022-2 (В пер.). – Текст : непосредственный.
307. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев и др. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 839 с. – Текст : непосредственный.
308. Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics / D. Crystal. – John Wiley & Sons Limited, 2011. – 560 p. – ISBN 9781444302783. – Текст : непосредственный.
309. Dictionary of South African English. – URL: <https://www.dsae.co.za>. (дата обращения: 20.11.2023). – Текст : электронный.
310. Green J. The Big Book of Being Rude / J. Green. – London: Cassell, 2002. – 380 p. – ISBN 0-304-36368-5. – Текст : непосредственный.
311. Green's Dictionary of Slang / J. Green – URL: <https://greensdictofslang.com>. (дата обращения: 20.11.2023). – Текст : электронный.
312. Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com>. (дата обращения: 20.11.2023). – Текст : электронный.
313. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions / R. Spears. – 3rd ed. – National Textbook Company; McGraw-Hill Professional, 2000. – 577 p. – ISBN 0-07-139204-1. – Текст : непосредственный.
314. Online Etymology Dictionary. – URL: <https://www.etymonline.com>. (дата обращения: 20.11.2023). – Текст : электронный.
315. The Cambridge dictionary of linguistics / K. Brown, J. Miller. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 481 p. – ISBN 978-0-521-76675-3. – Текст : непосредственный.

316. The Canadian Oxford Dictionary / K. Barber. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 1707 p. – ISBN 019541120X. – Текст : непосредственный.

317. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / T. Dalzell. – NY : Routledge, Taylor & Francis Group, 2008. – 720 p. – ISBN 0-415-212-59-6. – Текст : непосредственный.

318. The Godzone Dictionary of favourite New Zealand words and phrases / M. Cryer. – Auckland: Exisle Publishing Limited, 2010. – 192 p. – ISBN 0-908988-74-5. – Текст : непосредственный.

319. The Lingo Dictionary of favourite Australian words and phrases / J. Miller. – Auckland: Exisle Publishing Limited, 2010. – 342 p. – ISBN 1921497041. – Текст : непосредственный.

320. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical principles / L. Brown. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 3836 p. – ISBN 0-19-860575-7. – Текст : непосредственный.

321. Urban Dictionary. – URL: <https://www.urbandictionary.com>. (дата обращения: 20.11.2023). – Текст : электронный.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА

322. Alcott, L. M. Jack and Jill: A Village Story / L. M. Alcott. – Applewood Books, 2012. – 368 p. – ISBN 9781429093101. – Текст : непосредственный.

323. Baby left in safe haven box adopted by firefighter who found her // TODAY. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-9A3fFYL3b8>. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

324. Barrie J. M. Peter Pan / J. M. Barrie. – М. : АСТ, 2023. – 384 p. – ISBN 978-5-17-155252-7. – Текст : непосредственный.

325. Belfort J. The Wolf of Wall Street / J. Belfort. – New York: Bantam Books, 2013. – 519 p. – ISBN 9780345549334. – Текст : непосредственный.

326. Bronte Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte. – Wordsworth, 2020. – 507 p. – ISBN 978-1-84-022792-5. – Текст : непосредственный.

327. Cheeky Princess Charlotte tells photographers ‘You’re not coming!’ // The Sun. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eqa-RSivias>. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

328. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory / R. Dahl. – London: Penguin Classics, 2011. – 192 p. – ISBN 978-0-14-310633-3. – Текст : непосредственный.

329. Dickens Ch. Oliver Twist / Ch. Dickens. – New York: Vintage Books, 2016. – 415 p. – ISBN 978-1-7848-7170-3. – Текст : непосредственный.

330. 4-year-old Bella speaks English, Arabic, Italian, Spanish, German, Russian, Chinese & even signs! // Little Big Shots. – URL: <https://youtube.com/watch?v=i85e-vvg-mU&si=DIT4N8Y7dXdoKn9k>. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

331. Galsworthy J. The Man of Property / J. Galsworthy. – RUGRAM, 2018. – 436 p. – ISBN 978-5-521-06271-3. – Текст : непосредственный.

332. Gilbert E. Eat, Pray, Love: One Woman’s Search for Everything Across Italy, India and Indonesia / E. Gilbert. – Riverhead Books, 2010. – 334 p. – ISBN 0143118420. – Текст : непосредственный.

333. Golden A. Memoirs of a Geisha / A. Golden. – New York: Vintage Books, 2005. – 352 p. – ISBN 9780099771517. – Текст : непосредственный.

334. Grandma celebrates 100th birthday after going viral for reaction to turning 100 // Good Morning America. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0XulAGQQVTE>. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

335. Hero bystander tackles charity box thief // The Sun. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=u_qM8YrYE7A. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

336. Husband and wife emotional reunion in care home after months apart // Guardian News. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=OT_2Qr5CNk4. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

337. Meet the 10-Year-Old Prodigy Already Attending College // The Oprah Winfrey Show. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=reSq4mxFVdQ>. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

338. Mitchel M. Gone with the Wind / M. Mitchel. – RUGRAM_Пальмира, 2023. – 933 p. – ISBN 978-5-517-09587-9. – Текст : непосредственный.

339. Montgomery L. M. Anne Of Green Gables / L. M. Montgomery. – RUGRAM_Пальмира, 2023. – 355 p. – ISBN 978-5-517-09579-4. – Текст : непосредственный.

340. Nesbit E. The Railway Children / E. Nesbit. – London : Macmillan Collector's Library, 2017. – 280 p. – ISBN 978-1-50-984316-9. – Текст : непосредственный.

341. Norris K. Poor, Dear Margaret Kirby and Other Stories / K. Norris. – Blurb, 2019. – 196 p. – ISBN 0368269450. – Текст : непосредственный.

342. Rowling J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets / J. K. Rowling. – New York : Scholastic, 2018. – 341 p. – ISBN 978-1-33-829915-1. – Текст : непосредственный.

343. Rowling J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire / J. K. Rowling. – New York : Scholastic, 2014. – 768 p. – ISBN 978-0-5455-8295-7. – Текст : непосредственный.

344. Rowling J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone / J. K. Rowling. – New York : Scholastic, 2014. – 336 p. – ISBN 978-0-5455-8288-9. – Текст : непосредственный.

345. Rowling J. K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban / J. K. Rowling. – London : Bloomsbury, 2020. – 352 p. – ISBN 978-1-52-662280-8. – Текст : непосредственный.

346. 7th grader jumps into action to save bus driver and fellow students // ABC News. – URL: <https://youtube.com/shorts/kZ2HJRBjeOg?feature=share>. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

347. Spark M. *The Prime of Miss Jean Brodie* / M. Spark. – London : Penguin Books, 2012. – 128 p. – ISBN 978-0-2419-5677-9. – Текст : непосредственный.

348. Tearful girl's dramatic HERO rescue as rubber dinghy drifts out to sea on Bank Holiday weekend // The Sun. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=peO3qK0V6TM>. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

349. The two-year-old who smokes 40 cigarettes a day // The Sun. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=qG3YMK_h1oM. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

350. The World's Smallest Woman // TLC. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-ApL8d6tX5U>. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

351. Watch Australian Surfers Save Woman Drowning In Hawaii // NBC News. – URL: https://youtube.com/watch?v=_adf2ZJtV3g&si=dPA3ZI-xAEpC10G8. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

352. Watch: Massachusetts man runs across traffic to save driver in distress // NBC News. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3BCzt17SyXo>. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

353. Woman saves scorched koala from Australian bushfire // The Sun. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KHGgKRDHhvU>. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

354. Why did this woman storm Miss World pageant? Witness // BBC News. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=RO9rPZ7Y_Vw. (дата обращения: 20.05.2024). – Текст : электронный.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица А.1

Семантическая классификация диминутивных наименований лица в английском языке

№ п/п	Лексико-семантическая группа	Кол-во	%	Примеры
1.	Род занятий	617	29,1	<i>clippy</i> ‘кондукторша’ – <i>UK</i> a female conductor on a bus or train
2.	Поведение	246	11,6	<i>hussy</i> ‘развязная девчонка’ – <i>informal, derog</i> a girl or woman who behaves in a disrespectful or inappropriate way or who has many casual sexual relationships
3.	Возраст	239	11,2	<i>bantling</i> ‘выродок’ – a young child, a brat. Formerly also, an illegitimate child, a bastard
4.	Этнорасовая принадлежность	141	6,6	<i>Scotchie</i> ‘шотландец’ – <i>colloq</i> a Scottish person
5.	Умственные способности	118	5,5	<i>dumbo</i> ‘дурачок’ – <i>slang</i> a stupid person, a blockhead
6.	Внешность	113	5,3	<i>nosey</i> ‘носатик’ – <i>colloq</i> (a nickname for) a person having a prominent nose
7.	Межличностные отношения	112	5,2	<i>ducks</i> ‘голубушка’ – <i>a term of familiarity or endearment, informal, British</i> darling, dear
8.	Родство	103	4,8	<i>mommy</i> ‘мамочка’ – <i>colloq (chiefly US)</i> a mother
9.	Состояние здоровья	90	4,2	<i>blinky</i> ‘слепой’ – <i>US</i> a person with poor or no eyesight
10.	Убеждения	75	3,5	<i>churchie</i> ‘набожный’ – <i>New Zealand</i> a religious proponent of virtue
11.	Место жительства	71	3,3	<i>slummie</i> ‘житель трущоб’ – <i>colloq</i> a slum-dweller
12.	Положение в социальной группе	66	3,1	<i>proly</i> ‘пролетарий’ – <i>colloq, derog</i> a proletarian
13.	Характер	49	2,3	<i>shrewdie</i> ‘проныра’ – <i>Australia</i> a cunning or shrewd person
14.	Семейный статус	12	0,6	<i>bachie</i> ‘холостяк’ – a bachelor
15.	Материальное положение	9	0,4	<i>richie</i> ‘маленький богач’ – <i>slang (chiefly US) derog</i> a wealthy person, esp. a young one
16.	Образ жизни	7	0,3	<i>woopy</i> ‘состоятельный пенсионер’ – <i>colloq (orig N. Amer)</i> an affluent retired person able to pursue an active life-style
17.	Неизвестный статус	7	0,3	<i>thingo</i> ‘некто’ – <i>Australia</i> an unnamed person
18.	Другое	55	2,7	<i>ped</i> ‘пешеход’ – <i>UK</i> a pedestrian
	Всего	2130	100	

**Количественная характеристика диминутивных наименований лица
по трудовой деятельности в английском языке**

№ п/п	Семантические признаки	Кол- во	%	Примеры
1	2	3	4	5
1.	Военнослужащий	68	14	<i>Salvo</i> ‘сальво’ – <i>Aus slang</i> a member of the Salvation Army
2.	Сотрудник службы безопасности	48	10	<i>cop</i> ‘коп’ – a police officer
3.	Работник сферы сексуальных услуг	31	6	<i>prossie</i> ‘проститутка’ – <i>Aus slang</i> a woman who engages in sexual activity in return for payment
4.	Представитель творческой профессии	27	5	<i>musicaster</i> ‘музыкант’ – a mediocre musician
5.	Работник физического труда	27	5	<i>coalie</i> ‘погрузчик угля’ – <i>Aus</i> a wharf labourer who loads and unloads coal
6.	Государственный служащий	24	5	<i>dep</i> ‘депутатик’ – <i>informal</i> a deputy
7.	Работник сферы транспорта	24	5	<i>bussie</i> ‘водитель автобуса’ – <i>US</i> a bus driver
8.	Служитель религиозного культа	14	3	<i>priestling</i> ‘попик’ – <i>derog</i> a petty, insignificant priest
9.	Работник сельского хозяйства	14	3	<i>underfarmer</i> ‘помощник фермера’ – an assistant farmer
10.	Работник сферы образования	14	3	<i>subdean</i> ‘заместитель декана’ – the deputy of a dean
11.	Управляющий	13	3	<i>subhead</i> ‘заместитель руководителя’ – a deputy head
12.	Арендатор	13	3	<i>sublandlord</i> ‘субарендатор’ – one who sublets
13.	Медицинский сотрудник	12	2	<i>doc</i> ‘доктор’ – a doctor
14.	Сотрудник средств массовой информации	11	2	<i>journo</i> ‘журналист’ – a journalist
15.	Работник в области спорта	11	2	<i>touchie</i> ‘судья в бесконтактном футболе’ – a touch football referee
16.	Работник финансовой сферы	10	2	<i>purserette</i> ‘женщина-казначей’ – a female purser
17.	Научный сотрудник	10	2	<i>historicaster</i> ‘никчемный историк’ – an inferior historian

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
18.	Офисный работник	6	1,2	<i>subclerk</i> ‘мелкий конторский служащий’ – a subordinate clerk
19.	Техник	6	1,2	<i>sparks</i> ‘электрик’ – an electrician
20.	Слуга	6	1,2	<i>skivvy</i> ‘прислуга’ – <i>colloq, derog</i> a female domestic servant
21.	Продавец	6	1,2	<i>rabbie</i> ‘продавец кроликов’ – <i>Aus</i> an itinerant seller of rabbits as food
22.	Моряк	5	1	<i>barkie</i> ‘морьяк’ – a sailor
23.	Букмейкер	4	0,8	<i>bookie</i> ‘букмейкер’ – <i>informal</i> a person who determines gambling odds and receives and pays off bets
24.	Няня	3	0,6	<i>nursey</i> ‘нянечка’ – <i>nursery&colloq</i> a nurse
25.	Другое	98	18	<i>garbo</i> ‘мусорщик’ – <i>informal, Aus</i> a garbage collector
	Всего	504	100	

**Количественная характеристика диминутивных наименований лица
по этнорасовой принадлежности в английском языке**

№ п/п	Семантический признак	Кол- во	%	Примеры
Подгруппа 1. Названия представителей крупных этносов				
1.	Еврей	6	4,4	<i>sheeny</i> ‘шины, еврей’ – <i>slang, offensive</i> a Jew
2.	Англичанин	5	3,5	<i>Pom</i> ‘пом, англичанин’ – <i>derog., Australian and NZ slang</i> a person living in Britain
3.	Шотландец	5	3,5	<i>Sandy</i> ‘шотландец’ – <i>colloq, derog.</i> a Scotsman
4.	Ирландец	5	3,5	<i>Paddy</i> ‘Пэдди, ирландец’ – <i>slang, derog.</i> (a nickname for) an Irishman
5.	Китаец	4	2,3	<i>Chinky</i> ‘китаеза’ – <i>slang, offensive</i> a Chinese person
6.	Японец	3	2,2	<i>Nip</i> ‘япошка’ – <i>dated, slang, offensive, ethnic slur</i> a Japanese person
7.	Австралиец	3	2,2	<i>Aussie</i> ‘австралиец’ – <i>informal</i> an Australian
8.	Цыган	3	2,2	<i>Gippo</i> ‘цыган’ – <i>Brit., offensive, slang</i> a Gypsy
9.	Немец	3	2,2	<i>Jerry</i> ‘Джерри, немец’ – <i>British slang</i> a German
10.	Другие	49	35	<i>Yardie</i> ‘ярди, ямаец’ – a fellow Jamaican
	Всего в подгруппе 1	86	61	
Подгруппа 2. Названия представителей небольших этнических групп и племен				
11.	Абориген	6	4,4	<i>abo</i> ‘абориген’ – <i>Aus., now a strongly taboo word</i> an Australian Aboriginal
12.	Эскимос	2	1,4	<i>Esky</i> ‘эскимосик’ – <i>US</i> an Eskimo
13.	Другие	3	2,2	<i>tonkie</i> ‘тонги’ – <i>derog, Zimbabwe</i> a member of the Batonka tribe
	Всего в подгруппе 2	11	8	
Подгруппа 3. Названия представителей рас				
14.	Темнокожий	37	26	<i>niglet</i> ‘негритенок’ – <i>slang, US, offensive, derogatory, ethnic slur</i> a black child
15.	Белокожий	7	5	<i>pinkie</i> ‘белый’ – <i>black slang</i> a white person
	Всего в подгруппе 3	44	31	
	Всего	141	100	

**Количественная характеристика диминутивных наименований лица
по внешности в английском языке**

№ п/п	Семантический признак	Кол- во	%	Примеры
Подгруппа 1. Названия лица по особенностям внешности				
1.	Фигура	26	22,9	<i>shortie</i> ‘коротышка’ – <i>colloq</i> (a nickname for) a person of short stature
2.	Сексуальность	19	16,7	<i>hottie</i> ‘горячая штучка’ – <i>US colloq</i> a sexually attractive young man or woman
3.	Волосы	13	11,4	<i>ginge</i> ‘рыжик’ – (a nickname for) a person with red or reddish hair
4.	Одежда	6	5,3	<i>rackey</i> ‘рэкки’ – <i>teen slang, US</i> a boy who affects a style of dressing reminiscent of a gangster
5.	Опрятность	5	4,4	<i>dowdy</i> ‘неряха’ – a woman who is shabbily, unfashionably, or unattractively dressed
6.	Другое	6	5,3	<i>lookalike</i> ‘двойник’ – <i>UK</i> a person who looks like another
	Всего по подгруппе 1	75	66	
Подгруппа 2. Названия лица по привлекательности				
7.	Привлекательность	30	27	<i>beaut</i> ‘красоточка’ – <i>slang, chiefly N. American, Austral</i> a beautiful and outstanding person
8.	Непривлекательность	8	7	<i>borette</i> ‘дурнушка’ – a physically unattractive young woman
	Всего по подгруппе 2	38	34	
	Всего	113	100	

**Количественная характеристика диминутивных наименований лица
по родству в английском языке**

№ п/п	Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1.	Мать	20	19	<i>momsie</i> ‘мамочка’ – UK a mother
2.	Отец	15	15	<i>daddio</i> ‘папуля’ – <i>slang</i> a dad
3.	Бабушка	14	14	<i>nanny</i> ‘бабуля’ – <i>nursery&colloq</i> a grandmother
4.	Дедушка	10	10	<i>gramps</i> ‘дедуля’ – UK a grandfather
5.	Сиблинг	6	5,8	<i>sib</i> ‘братец, сестренка’ – a sibling, a brother or sister
6.	Дядя	5	4,8	<i>unkey</i> ‘дядюшка’ – <i>nursery&colloq</i> an uncle
7.	Брат	4	3,8	<i>bubby</i> ‘братишка’ – <i>informal</i> a brother
8.	Муж	4	3,8	<i>hubby</i> ‘муженек’ – <i>colloq</i> a husband
9.	Жена	4	3,8	<i>wifeling</i> ‘женушка’ – a little wife
10.	Сын / дочь	4	3,8	<i>sonno</i> ‘сынок’ – <i>Australia</i> used generally for addressing a son
11.	Внук / внучка	4	3,8	<i>grandsonny</i> ‘внучок’ – <i>colloq</i> a grandson
12.	Сестра	3	2,9	<i>sissy</i> ‘сестричка’ – <i>colloq</i> a sister
13.	Родственник	3	2,9	<i>rel</i> ‘родственник’ – <i>colloq (orig and chiefly Australian)</i> a relative
14.	Племянник / племянница	2	1,9	<i>nephy</i> ‘племяш, племяшка’ – <i>dial&colloq</i> a nephew
15.	Тетя	2	1,9	<i>auntie</i> ‘тетушка’ – <i>colloq</i> an aunt
16.	Кузен / кузина	2	1,9	<i>cuzzie</i> ‘двоюродный братик, сестричка’ – a cousin
17.	Крестник / крестница	1	0,9	<i>godkid</i> ‘крестничек, крестница’ – a godchild
	Всего	103	100	

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица Б.1

Семантическая классификация аугментативных наименований лица в английском языке

№ п/п	Лексико-семантическая группа	Кол-во	%	Примеры
1.	Род занятий	136	43	<i>archdeacon</i> ‘архидиакон’ – a priest next in rank below a bishop
2.	Родство	66	21	<i>archfather</i> ‘праотец’ – an ancestor in the direct line
3.	Положение в социальной группе	30	10	<i>big fish</i> ‘большая шишка’ – <i>US</i> a very important person
4.	Поведение	16	6	<i>hypercritic</i> ‘гиперкритик’ – a carping or unduly censorious critic
5.	Внешность	14	4	<i>elephant</i> ‘слон (о толстом человеке)’ – a slang term someone who is overweight or obese
6.	Убеждения	14	4	<i>archsexist</i> ‘архисексист’ – one who is extremely sexist
7.	Способности	14	4	<i>superbrain</i> ‘супермозг’ – an exceptionally intelligent person; a genius
8.	Межличностные отношения	5	2	<i>archenemy</i> ‘заклятый враг’ – a principal enemy
9.	Характер	3	1	<i>big girl</i> ‘нытик’ – <i>Australia</i> an effeminate, weak or cowardly male
10.	Другое	15	5	<i>supercrip</i> ‘супер-калека’ – a disabled person, particularly an athlete, who achieves exceptional success or accomplishments in spite of the challenges they face, serving as an inspiration to others
	Всего	313	100	

**Количественная характеристика аугментативных наименований лица
по роду занятий в английском языке**

№ п/п	Семантические признаки	Кол-во	%	Примеры
1.	Служитель религиозного культа	30	22	<i>chief priest</i> ‘первосвященник’ – the highest ranking among a number of priests
2.	Представитель медийной профессии	22	16,2	<i>supermodel</i> ‘супермодель’ – a famous and successful fashion model
3.	Военнослужащий	19	14	<i>grand marshal</i> ‘главный маршал’ – a person honored as the ceremonial marshal of a parade
4.	Государственный служащий	12	8,8	<i>prime minister</i> ‘премьер-министр’ – the first minister or leader of an elected government
5.	Работник сферы образования	7	5,2	<i>senior lecturer</i> ‘старший преподаватель’ – speaker which is at a high academic level
6.	Медицинский сотрудник	6	4,4	<i>chief nurse</i> ‘старшая медсестра’ – a person in charge of nursing in a hospital
7.	Работник финансовой сферы	6	4,4	<i>archtreasurer</i> ‘главный казначей’ – a chief treasurer, specifically the great treasurer of the Holy Roman Empire
8.	Специалист в сфере компьютерных технологий	5	3,7	<i>supermoderator</i> ‘супермодератор’ – <i>Internet, informal</i> a moderator who has permission to moderate every forum on a web site
9.	Сотрудники правоохранительных органов	5	3,7	<i>super-snooper</i> ‘супер-детектив’ – <i>UK</i> a special inspector employed by the former Department of Health & Social Services to uncover fraudulent claims
10.	Другое	15	11	<i>big ox</i> ‘машинист грузового поезда’ – <i>US</i> on the railways, a freight train conductor
11.	Преступник	9	6,6	<i>archmurderer</i> ‘массовый убийца’ – a murderer who surpasses the profile of a normal serial killer
	Всего	136	100	

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Схема В.1. Радиальная схема развития денотативных значений аугментативных наименований лица

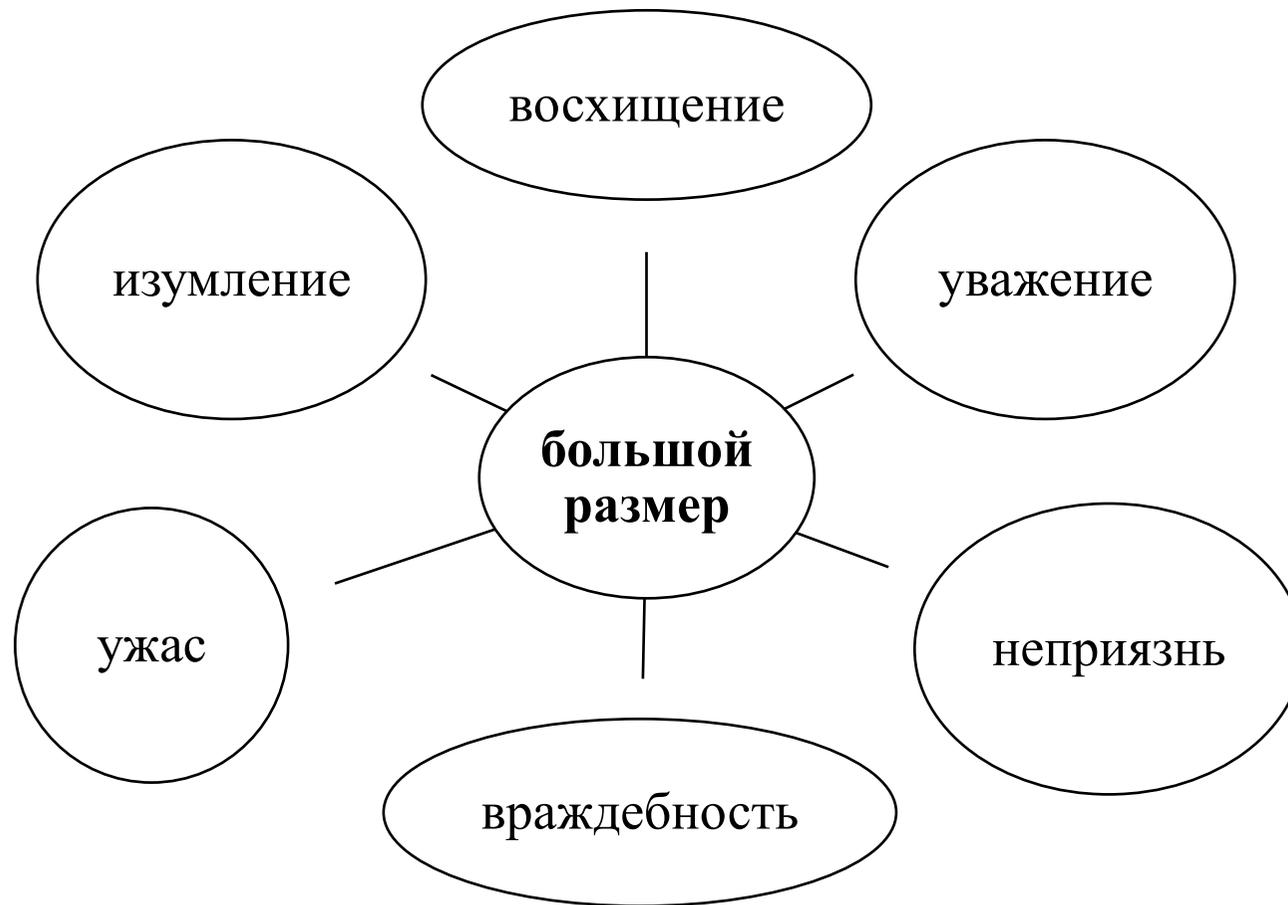

Схема В.2. Радиальная схема развития коннотативных значений аугментативных наименований лица